

**СБОРНИК РАБОТ
64-Й НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ
БЕЛГОСУНИВЕРСИТЕТА**

Минск, 15 – 18 мая 2007 г.

В ТРЕХ ЧАСТЯХ

ЧАСТЬ III

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**СБОРНИК РАБОТ
64-Й НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ
БЕЛГОСУНИВЕРСИТЕТА**

Минск, 15 – 18 мая 2007 г.

В ТРЕХ ЧАСТЯХ

ЧАСТЬ III

**МИНСК
2007**

УДК 082.2
ББК 94я43
С23

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов;
кандидат исторических наук, доцент А. И. Махнач;
кандидат географических наук, доцент Н. В. Гагина
кандидат филологических наук, доцент Н. И. Кабелка и др.

Сборник работ 64-й научной конференции студентов и аспирантов
С23 Белгосуниверситета: В 3 ч. ч.3 – БГУ, 2007. – 232 с.
ISBN 985-445-369-3 (ч.3).

В третью часть сборника включены доклады студентов и аспирантов исторического факультета, географического факультета, факультета философии и социальных наук а также филологического факультета на 64-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета (15 – 18 мая 2007 года).

УДК 082.2
ББК 94я43

ISBN 985-445-369-3 (ч.3)
ISBN 985-445-358-5

© БГУ, 2007

ПОЛИТИКА ПЕРВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА Г. ШРЕДЕРА В ФРГ ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ РЫНКА ТРУДА

О. А. Алексеенко

«Красно-зеленая коалиция» во главе с Г. Шредером обеспечила разработку и реализацию пакета актуальных для внутреннего развития страны преобразований. Среди важнейших направлений реформ можно выделить мероприятия по борьбе с безработицей. Рынок труда поставил перед федеральным правительством непростые задачи. Предстояло не только взять под контроль принявшую затяжной характер безработицу, но и подготовить рынок к будущим переменам, связанным с переходом от индустриального общества к обществу услуг и знаний.

Безработица стала характерной чертой экономического развития Германии. С каждым циклом конъюнктуры она поднималась на более высокий уровень. Среднегодовой уровень безработицы составил 9,6 % или 7,8 % согласно стандартизированному международному методу [1, с. 16]. Число безработных в восточной Германии (17,4 %) более чем вдвое превысило уровень западной Германии (7,8 %) [1, с. 17]. С особыми трудностями сталкивались безработные с ограничениями по состоянию здоровья и люди старше 45 лет [2, с. 263].

Наряду со структурными переменами (новые рабочие места обеспечивала расширяющаяся сфера услуг) глубокие изменения происходили и в стандарте трудовой деятельности. Существовавшие долгое время «нормальные трудовые отношения» с полным рабочим днем и обязательным страхованием, все больше отступали под натиском нетипичных форм занятости. До реформы 2000 г. так называемая «незначительная занятость» (менее 15 час. рабочего времени в неделю) освобождалась от страхования. Между тем, эта форма частичной занятости стремительно распространилась, особенно в сфере услуг: 25% всех трудящихся работали по принципу частичной занятости [3, с. 98]. Это влекло за собой, прежде всего, две проблемы. Во-первых, рушилась основа социальных систем страхования, а во-вторых, работникам с неполной занятостью часто уделялось мало внимания в рамках программ повышения квалификации. Тем самым над рынком труда в долгосрочной перспективе нависала угроза раскола за счет роста недостаточно квалифицированной рабочей силы. «Flexicurity» – так назывался способ решения, который должен был социально защитить нетипичную занятость. Его основные элементы – минимальная пенсия по швейцарскому образцу, обучение на протяжении всей жизни [1, с. 17].

На фоне растущих проблем на рынке труда федеральное правительство в 1998 г. инициировало «Союз во имя труда, профессионального обучения и конкурентоспособности», чтобы совместно с представителями союзов предпринимателей и профсоюзов обсудить меры в области занятости. Ответственным за проведение проекта был назначен министр труда и социальных дел Вальтер Ристер [2, с. 267]. За короткий срок более 63 тыс. человек получили предложения по трудоустройству и 5,8 тыс. приступили к обучению по требуемым профессиям [4, с. 10].

Некоторые отрасли немецкой экономики ощущали острую нехватку специалистов. К примеру, предприятиям, работающим над инновациями в области Интернет-экономики, требовалось около 75 тыс. программистов. А подходящих кадров для заполнения вакансий в стране не было [5, с. 10]. Поэтому летом 1999 г. в рамках «Союза во имя труда» и по инициативе федерального министра образования и научных исследований Эдельгард Бульман началась реализация программы по ликвидации нехватки специалистов в области информационных технологий. Более 30 тыс. безработных, имеющих перспективы в информационной отрасли, начали проходить соответствующую переподготовку. Число ученических мест в области высоких технологий было увеличено с 14 тыс. до 40 тыс. [6, с. 10]. Для решения имеющихся проблем был также привлечен внешний ресурс. Союз разработал проект «Greencard» для приглашения в страну до 20 тыс. специалистов в области информационных технологий из-за рубежа [5, с. 10].

Разработка новых форм в области социального страхования была поручена Федеральному ведомству по вопросам труда (ФВВТ). Одна из его компетенций состояла в выплате пособия фонда страхования от безработицы. Право на его получение имели безработные, зарегистрировавшиеся в этом качестве в Ведомстве по вопросам труда, работавшие минимум двенадцать месяцев из последних трех лет и платившие взносы в кассы обязательного социального страхования (военнослужащие и проходящие альтернативную гражданскую службу – минимум десять месяцев, сезонные рабочие – минимум шесть месяцев). Они должны были активно искать рабочее место, доказать наступившую нетрудоспособность, быть в неограниченном распоряжении рынка труда и проявлять готовность к работе, приемлемым образом компенсирующей заработок, которого они лишились. Принятый федеральным правительством закон «Job-Aktiv», призван был активизировать, квалифицировать, тренировать, инвестировать, содействовать в поиске. Его цель заключалась в повышении эффективности поиска работы [7, с. 57]. При определенных условиях ФВВТ возмещало повышенные расходы на обеспечение жизненных потребно-

стей. Право на получение помощи по безработице существовало без временных ограничений. Однако прежде чем продлить выплату помощи еще на год, проводилась проверка существующих для этого оснований.

Правительством был разработан пакет мер по оживлению рынка труда, нацеленный на освоение новых возможностей для занятости и усовершенствования процесса трудоустройства. ФВВТ теряло свой статус административной структуры. Оно должно было превратиться в офферента услуг для предприятий и тех, кто ищет работу. Существенным элементом реформы являлось повсеместное учреждение сервисных агентств по подбору кадров при биржах труда. Эти, преимущественно частные, агентства на временной основе предлагали предприятиям рабочую силу из числа бывших безработных. При желании безработного открыть собственное дело, он мог рассчитывать на финансовую поддержку государства. Так называемые «акционерные общества «Я»», получали в первые три года своей деятельности дотации из фонда страхования на случай безработицы, если их годовой доход не превышал установленную законодательством сумму. Новые правила для уже существующих мелких предпринимателей, аналогичные тем, что были выработаны для «акционерных обществ «Я»», стали стимулом для увеличения занятости [8, с. 9].

Планировалось более активное поощрение занятости в частных домашних хозяйствах. Еще один шаг – поддержка так называемых «Mini-Jobs» на низкооплачиваемых работах, когда наемный работник делал лишь небольшие отчисления в фонд социального страхования или не делал их вообще, а работодатель платил за него туда определенную сумму. Благодаря этому федеральное правительство ожидало появления 320 тыс. новых рабочих мест. Последние правила предполагали и новые требования к безработным: молодые должны были стать более мобильными. Кто отказывался от предлагаемой работы, должен был это обосновать.

На содействие реформе, была нацелена и программа «Капитал для работы». Согласно ее условиям предприятие имело право на получение льготного кредита в случае трудоустройства безработных. Это отвечало интересам, прежде всего мелких и средних предприятий, которые часто испытывали трудности с финансированием инвестиций. У предприятий, таким образом, появлялся стимул брать на работу безработных.

В конце марта 2001 г. в Берлине был учрежден Единый профсоюз работников сферы услуг «Ver.di». Насчитывая более 3 млн. членов, он являлся крупнейшим профсоюзом мира, объединяя наемных работников более чем 1000 профессий. В него вошли профсоюз государственных служащих и транспортников, профсоюз работников торговли, банков и

страховых компаний, германский профсоюз почтовых служащих, профсоюз работников СМИ и германский профсоюз служащих [9, с. 16].

Таким образом, реформы затронули все аспекты трудового законодательства и дали как положительный, так и отрицательный эффект. Несмотря на проведенные мероприятия ситуация к 2002 г. ухудшилась. Число безработных в среднем за год превысило 4 млн. человек. Вместе с тем, наблюдался и позитивный результат. 1 октября 2000 г. вступил в силу закон о борьбе с безработицей среди лиц с ярко выраженными физическими и умственными недостатками, что привело к сокращению безработицы в данной социальной группе. В результате поддержки ФВВТ пожилых людей, в период с 2001–2002 гг. число безработных старше 50 лет заметно снизилось. Благодаря активным усилиям федерального правительства право иностранцев на работу получило новое законодательное оформление. Были созданы условия для активного поиска места работы лицами ее не имеющими, а предпочитающими получать пособие по безработице. Условия его выдачи также претерпели изменения. О перспективности проведенных преобразований свидетельствует и тот факт, что федеральное правительство Ангелы Меркель, сменившее «красно-зеленую» коалицию в 2005 г., не свернуло начатых предыдущим кабинетом реформ в области рынка труда.

Литература

1. *Зайферт Х.* Труд меняется // Deutschland. 2001. № 2. С. 16–17.
2. Германия. Факты. Берлин, 2003. С. 480.
3. *Зинн Х.-В.* Германия нуждается в реформах // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 1. С. 96–102.
4. *Орт М.* Интервью с Вальтером Ристером // Deutschland. 1999. № 2. С. 10–13.
5. *Маршал М.* Greencard // Deutschland. 2000. № 3. С. 10–11.
6. *Маршал М.* Интервью с Эдельгард Бульман // Deutschland. 2000. № 3. С. 10–11.
7. Закон «Job-Aktiv» // Deutschland. 1999. № 2. С. 57.
8. *Marshal M.* Zukunftsprogramm // Deutschland. 1999. № 4. S. 9–10.
9. Единый профсоюз работников сферы услуг // Deutschland. 2001. № 3. С. 16.

ВЫВУЧЭННЕ ЖЫЛЫХ АБ'ЕКТАЎ НА ПАСЕЛІШЧАХ КАМЕННАГА ВЕКУ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ

В. У. Ашэйчык

Узнікненне жылга звязана з пачаткам развіцця чалавечых супольнасцяў. Яно з'яўляецца адной з асноўных матэрыяльных умоваў існавання чалавека, і таму заўсёды было адной з самых важных частак матэрыяльнай культуры.

Вывучэнне рэшткаў старажытных жылых канструкцый даволі шырока распаўсюджана ў археалогіі. Будучы цесна звязанымі з рознымі бакамі культуры, жытло адлюстроўвае шматлікія аспекты існавання чалавечых супольнасцяў. Гэта робіць звесткі аб старажытных жытлах важнай крыніцай для вывучэння дагістарычных грамадстваў. У прыватнасці, для рэканструкцыі схемаў грамадскіх адносін, механізмаў адаптацыі і жыццезабеспячэння, заканамернасцяў рассялення і пасяленчай структуры, шэрагу аспектаў палеаэмаграфіі і палеаэканомікі [1; 2, с. 110–124].

За гады археалагічнага вывучэння тэрыторыі Беларусі на паселішчах каменнага веку была даследавана пэўная колькасць жылых аб'ектаў. Большая частка атрыманых матэрыялаў апублікавана разам з іншымі вынікамі палявых даследаванняў у працах У. Ф. Ісаенкі, А. Г. Калечыц, В. Ф. Капыціна, У. П. Ксяндзова, М. М. Чарняўскага [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Аднак, на сённяшні дзень не існуе працы, прысвечанай абагульненню і комплекснаму даследаванню гэтых матэрыялаў.

Аўтарам у ходзе вывучэння гаспадарча-бытавых комплексаў на паселішчах каменнага веку быў сабраны ўвесь апублікаваны матэрыял па жытлах і зроблена яго першаснае абагульненне. Вынікі гэтай працы і прапануюцца ў дадзеным артыкуле.

Найстарэйшымі вядомымі нам паселішчамі чалавека на тэрыторыі Беларусі з'яўляюцца Юравіцкая і Бердыжская (Падлужжа 1) верхнепалеалітычныя стаянкі. Існавалі пэўныя падставы для меркавання аб наяўнасці на абодвух помніках рэшткаў старажытных жытлаў. Аўтарам былі крытычна прааналізаваны ўсе апублікаваныя матэрыялы, датычныя праблемы, у выніку чаго зроблена выснова аб недаказанасці такіх меркаванняў. Магчымасць існавання жытлаў на названых стаянках не выключаецца, але якіх-небудзь дакладных звестак, што дазволілі б даць ім канкрэтныя характарыстыкі, адсутнічаюць [10].

Па літаратурных крыніцах на тэрыторыі Беларусі вядома каля 50 фінальнапалеа-літычных і каля 100–150 мезалітычных паселішчаў і месцазнаходжаньняў. З іх раскопкамі даследаваліся некалькі дзесяткаў. На сённяшні дзень выяўлены рэшткі 11 жытлаў на 6 стаянках эпохі фінальнага палеаліту і мезаліту (Берасценава, Лудчыцы, Стасеўка, Берагавая Слабада, Аўрамаў Бугор, Бабулін Бугор).

Адносна невялікая колькасць выяўленых жытлаў тлумачыцца шэрагам прычынаў. Па-першае, пераважная большасць вядомых помнікаў вывучалася толькі павярхнёвымі зборамі і шурфоўкай, а не раскопкамі. Пры гэтым толькі апошні метада дазваляе выявіць рэшткі старажытных жытлаў. Па-другое, на значнай колькасці з вядомых помнікаў гарызонт залягання культурных рэшткаў у пазнейшыя часы парушаўся і куль-

турны слой быў часткова ці цалкам разбураны. Па-трэцяе, умовы залягання культурных рэшткаў на паселішча гэтага часу ў большасці сваёй неспрыяльныя для захавання арганічных матэрыялаў. Апошнія ж у асноўным і выкарыстоўваліся ў будаўніцтве.

Рэшткі жытлаў на старажытных паселішчах захаваліся ў выглядзе лінзаў пяску больш цёмнай, адрознай ад навакольнай, афарбоўкі, насычаных у большай ці меншай ступенях рэшткамі вуголля і попелу. Яны мелі дыяметр большы за 2 м і былі заглыблены ў стэрэильны слой. Звычайна такія аб'екты атаясамліваюць з рэшткамі паўзямлянкавых жытлаў – «земляных чумаў». Магчыма, некаторыя з іх – гэта сляды «тапталішчаў» вакол вогнішчаў, а самі жытлы мелі крыху большыя памеры [11, с. 120]. Аналагічныя жытлы з'яўляюцца тыповымі для помнікаў фінальнага палеаліту – мезаліту лясной паласы Еўропы [11, с. 119–125; 12, с. 141].

Такім чынам, на тэрыторыі Беларусі выяўлены паўзямлянкавыя жытлы круглай ці авальнай формы (за выключэннем аднаго простакутнага ў плане). У аснове канструкцыі – жыллёвая яма з чашападобным профілем, заглыбленая ад старажытнай дзённай паверхні ў сярэднім на 0,3–0,5 м (да 0,7 м). Памеры для круглых складалі 2–2,5 м у дыяметры, для авальных – каля 3 м у даўжыню. Два аб'екты былі большыя і мелі 5 м у дыяметры для круглага (Стасеўка), і звыш 5 м у даўжыню для авальнага (Берасценава). Плошча цэнтральных частак жытлаў складала ў сярэднім 5–7 кв. м (да 13 кв. м). Унутры ці ў непасрэднай блізкасці звонку жытлаў знаходзілася вогнішча, звычайна невялікіх памераў.

Асабліваю цікавасць ўяўляе жылы комплекс з паселішча Берагавая Слабада. Тут выяўлены рэшткі простакутнай паўзямлянкі плошчай 16 кв. м, побач з якой знаходзілася яшчэ адно паўзямлянкавае збудаванне (авальнай формы) з адметнымі канструктыўнымі асаблівасцямі – складалася з двух камер, меншая з якіх служыла дапаможным памяшканнем альбо ўваходам. Размяшчэнне выяўленых побач слядоў ад апорных слупоў дазваляе меркаваць аб магчымым існаванні навеса, які накрываў комплекс з двух збудаванняў.

Неалітычных помнікаў на тэрыторыі Беларусі вядома некалькі соцень, дзесяткі з іх даследаваліся раскопкам. Існуе дакладная інфармацыя аб выяўленні рэшткаў 18 жытлаў на 9 паселішчах (Востраў 1, Трахімавы Кусты, Перасудавічы 1, Добры Бор 1, Ліцвін 1, Ліцвін 2, Мішурова Грыва, Лоша 1, Лоша 2).

Усе зафіксаваныя жылыя аб'екты – рэшткі паўзямлянкавых жытлаў, што мелі круглую і авальную ці простакутную (тры аб'екты на паселішчы Добры Бор 1, адно на помніку Ліцвін 2) форму. Памеры іх складалі ў

ранні перыяд неаліту 2,2–3 м, у позні – 2,5–3,8 м. Глыбіня жыллёвых ямаў ад узроўню старажытнай дзённай паверхні вагалася ад 0,1 да 1–1,25 м, але ў сярэднім складала не менш за 0,5 м. Большасць жытлаў мела ўнутры агнішчы адкрытага тыпу, ўладкаваныя ў заглыбленні падлогі. У жытлах, датаваных познім неалітам, фіксуецца з’яўленне новай канструктыўнай дэталі – ямы-пограба, заглыбленай ў падлогу, дыяметрам да 0,6 м і глыбінёй да 1 м (Лоша 2).

Акрамя паўзямлянак на паселішчах каменнага веку, напэўна, існавалі і наземныя жытлы. М. М. Чарняўскі звяртае ўвагу на магчымае існаванне жытла слупнай канструкцыі на помніку Нясілавічы 6 [9, с. 21]. У. Ф. Ісаенка робіць высновы аб існаванні наземных жытлаў на помніках Опаль 2, Вяз 1, Камень 2, Камень 6, Слабодка 1 на падставе асаблівасцяў размяшчэння старажытных агнішчаў і канцэнтрацыі культурных рэшткаў у раскопе [3, с. 29, 59, 77; 13, с. 132, 164–165].

Фіксацыя рэшткаў старажытных наземных жытлаў з’яўляецца моцна ўскладненай. У адрозненні ад паўзямлянак, жыллёвыя ямы якіх з цягам часу заносіліся пяском і на іх месцы ў постдэпазіцыйным стане захоўваліся характэрныя лінзы запаўнення, наземныя жытлы знікалі, не пакідаючы слядоў [11, с. 119]. Іх вызначэнне ў большасці выпадкаў магчыма па размяшчэнні слядоў ад слупных ямаў і агнішчаў.

Падводзячы вынік, неабходна зазначыць, што асноўным тыпам выяўленых жытлаў эпохі фінальнага палеаліту – мезаліту на тэрыторыі Беларусі была круглая ці авальная паўзямлянка. З цягам часу адбываецца развіццё гэтай формы у бок павелічэння памераў і заглыбленасці. Хутчэй за ўсё, старажытным насельніцтвам шырока выкарыстоўваліся і наземныя жытлы, а характарызаваць якія складана з-за амаль поўнай іх не захаванасці. Для неалітычнай эпохі характэрным, верагодна, з’яўляецца пашырэнне выкарыстання збудаванняў слупнай канструкцыі.

Таксама была зроблена выснова, што на паселішчах каменнага веку выяўляецца сувязь паміж жытламі і іншымі аб’ектамі – агнішчамі, гаспадарчымі ямамі. Разам яны ўтвараюць адзіныя гаспадарча-бытавыя комплексы, у межах даследавання якіх мэтазгодна працягваць вывучэнне ўласна жылых аб’ектаў.

Літаратура

1. *Григорьев Г. П.* Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей // Охотники, собиратели, рыболовы: Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе / Отв. ред. А. М. Решетов. Л., 1972. С. 11–25.
2. *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.

3. *Исаенко В. Ф.* Неолит Припятского Полесья / АН БССР, Ин-т истории; Ред. Д. Я. Телегин. Мн., 1976.
4. *Калечиц Е. Г.* Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Науч. ред. Д. Я. Телегин. Мн., 1987.
5. *Калечиц Е. Г.* Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век. Мн., 2003.
6. *Копытин В. Ф.* Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилев, 1991.
7. *Ксензов В. П.* Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / Науч. ред. Н. Н. Гурина. Мн., 1988.
8. *Ксензов В. П.* Мезолит Северной и Центральной Беларуси / Ин-т гісторыі НАН Беларусі; Навук. рэд. І. М. Язэпенка. Мн., 2006.
9. *Чарняўскі М. М.* Неаліт Беларускага Панямоння / АН БССР, Ін-т гісторыі; Нав. рэд. Д. Я. Цялегін. Мн., 1979.
10. *Ашэйчык В. У.* Да пытання аб жыллах Юравіцкай і Бердыжскай верхнепалеалітычных стаянак // САЗ: Студэнцкі археалагічны зборнік / БДУ, Гістарычны ф-т; Навук. рэд. В. С. Абухоўскі. Мн., 2007. Вып. 1. С. 8–18.
11. *Зализняк Л. Л.* Население Полесья в мезолите / АН УССР, Ин-т археологии; Отв. ред. Д. Я. Телегин. Киев, 1991.
12. *Кларк Дж. Г. Д.* Доисторическая Европа: Экономический очерк / Пер. с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой. М., 1953.
13. Археалогія Беларусі: У 4 т. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. Мн., 1997–2003. Т. 1. Каменны і бронзавыя вякі / Э. М. Зайкоўскі, У. Ф. Ісаенка, А. Г. Калечиц і інш.; Пад. рэд. М. М. Чарняўскага, А. Г. Калечиц. Мн., 1997.

АНАЛІЗ СУЧАСНАГА СТАНУ МУЗЕЯЎ ВНУ Г. МІНСКА

П. Ю. Бандаровіч

У сучасным свеце ўсё большую значнасць набывае універсітэцкая адукацыя. Яе сутнасць – усебаковае развіццё асобы асобы з мэтай выхавання здольнага і перспектыўнага маладога пакалення. І для дасягнення гэтай мэты вельмі вялікая ўвага надаецца сёння універсітэцкім музеям, што недзіўна, так як яны маюць вельмі вялікі адукацыйна-выхаваўчы патэнцыял. Ужо з сярэдзіны 1990-х гг. у складзе Міжнароднага савета музеяў існуе міжнародны камітэт універсітэцкіх музеяў і калекцый, які вядзе статыстыку, выдае свой часопіс, штогод праводзіць семінары і канферэнцыі пад дахам буйнейшых універсітэцкіх музеяў свету. Нажаль, дакладных колькасных дадзеных па музеях гэтай групы ў Беларусі няма, што тлумачыцца адсутнасцю адзінага каардынацыйна-метадычнага цэнтра.

Між тым колькасць універсітэцкіх музеяў сёння павялічваецца. Напрыклад, у Мінску, дзе знаходзяцца большасць вышэйшых навучальных устаноў Беларусі, амаль кожная з іх мае альбо хоча мець уласны

музей ці аматарскае фарміраванне музейнага тыпу (мемарыяльны пакой, залу гісторыі, краязнаўчы кабінет, куток).

Усе універсітэцкія музеі ўмоўна можна раздзяліць на дзве прыблізна аднолькавыя па колькасці групы – музеі, якія адлюстроўваюць тую ці іншую профільную дысцыпліну (напрыклад, нумізматыка) і біяграфічныя музеі, якія знаёмяць наведвальніка з гісторыяй навучальнай установы. На сёняшні дзень у горадзе Мінску налічваецца каля 35 ВНУ. Музеяў жа 26, з іх 12 прысвечаны пэўным навуковым дысцыплінам, а 14 – біяграфіі навучальнай установы.

Сярод існуючых сёння музеяў адзін са старэйшых – Музей гісторыі Беларускага нацыянальнага тэхнічнага універсітэта. Адчынены ён быў у 1978 г. і да цяперашняга часу не змяняў сваёй экспазіцыі. Плошча яго складае 180 кв. метраў і на ёй экспаніруецца каля 1500 прадметаў, дакументаў і фотаздымкаў. Незвычайны па сваёй экспазіцыі музей Камандна-інжынернага інстытута Міністэрства надзвычайных сітуацый Рэспублікі Беларусь, сабранне якога налічвае каля 500 экспанатаў, якія размяшчаюцца ў двух залах агульнай плошчай 75 кв. метраў. Незвычайнасць музея ў тым, што, з'яўляючыся біяграфічным музеем ён адкрывае таксама старонкі з гісторыі пажарнай справы. Музей гісторыі Беларускага дзяржаўнага эканамічнага універсітэта быў адчынены 16 траўня 1997 г. (20 траўня – дзень народзінаў універсітэта). На плошчы ў 144 кв. метры размяшчаецца амаль увесь фонд музея – каля 5 тысяч прадметаў. Сярод экспанатаў – фотаздымкі, кнігі, дыпламы і ўзнагароды, 44 альбомы з фотаздымкамі выпускаў розных гадоў. Адкрыццё музея Мінскага дзяржаўнага вышэйшага радыё-тэхнічнага каледжа адбылося ў траўні 1999 г. Па сваім маштабе ён невялікі – усяго 25 кв. метраў, на якіх экспануюцца 600 прадметаў. Па іх можна прасачыць гісторыю навучальнай установы, яе пераўтварэнне са спецыяльнай у вышэйшую, пазнаёміцца з дасягненнямі ўстановы ў спорце, яе сувязямі і г. д. Музей беларускіх народных музычных інструментаў, які размяшчаецца ў Беларускаім дзяржаўным універсітэце культуры і мастацтваў, быў адчынены ў кастрычніку 1999 г. На плошчы 36 кв. метраў размешчаны каля 110 прадметаў, якія раздзелены па тыпах інструментаў – самагучальныя, духавыя, струнныя і інш. Музей гісторыі Мінскага авіякаледжа ўпершыню раскрыў свае дзверы ў 1983 г. Гэтая падзея была прымеркавана да 60-годдзя грамадзянскай авіяцыі. Затым ён быў часова згорнуты і новая экспазіцыя ўрачыста адкрылася 9 траўня 2000 г. У памяшканні музея, якое нагадвае сабой самалёт, размясціліся больш за 1500 экспанатаў, якія расказваюць аб гісторыі не толькі самага каледжа, але наогул усёй беларускай авіяцыі і аб людзях, якім яна абавязана. Пры следча-

экспертным факультэце акадэміі МУС працуе незвычайны музей крміналістыкі Міністэрства ўнутраных спраў. Адчынены музей 4 сакавіка 2001 г., у гонар Дня міліцыі. Размяшчаецца ў двух залах агульнай плошчай каля 140 кв. метраў. Калекцыя, якая складаецца з 970 экспанатаў, уключае ў сябе: 258 адзінак зброі, прыбор начнога бачання, 115 адзінак боепрыпасаў, 38 несапраўдных грашовых знакаў, 27 копіяў дакументаў, 261 фотаздымак. Пры Міжнародным гуманітарна-эканамічным інстытуце з 2002 г. існуе Музей спартовай славы МГЭІ. Інстытут гэты з'яўляецца камерцыйным і спартыўны накірунак у ім мае прыярытэт. У ім вучыліся такія спартсмены, як Зміцер Дашчынскі, Яўгення Паўліна, Аляксей Айдарыў, Аляксандр Сыман, Шыкаленка Наталля і іншыя. Экспанатаў – каля 200, у большасці сваёй гэта ўзнагароды і фотаздымкі. Музей гісторыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта фізічнай культуры першы раз быў адчынены ў траўні 1987 г. У 2000 годзе быў зачынены на рэканструкцыю і ўрачыста адчынены ў верасні 2002. Каля 600 экспанатаў (у асноўным – фотаздымкі, падарункі і шмат узнагародаў – медалёў, значакаў, кубкаў) размясціліся на плошчы 76 кв. метраў. Сярод прадметаў, якімі ганарыцца музей – барцоўкі А. Мядзведзя, Алімпійскі медаль І. Ушакавай, мячы футбалістаў «Дынама» – чэмпіёнаў СССР 1982 г. і інш. Пры адзеле вучэбна-выхаваўчай працы Вышэйшага дзяржаўнага каледжа сувязі існуе музей гісторыі Вышэйшага дзяржаўнага каледжа сувязі. Адчынены ён быў 7 траўня 2003 г. (Дзень супрацоўнікаў тэлебачання, радыёвяшчання і сувязі). Плошча музея – 70 кв. метраў, на якіх размешчаны фонд – больш за 300 прадметаў. Экспазіцыя распавядае не толькі аб гісторыі каледжа, але і пра стварэнне і развіццё сродкаў сувязі, тут выстаўлены ўзоры старых тэле- і радыёпрыбораў, тэлефонаў, прайгравальнікаў і г. д. Тая экспазіцыя, якую можна сёння ўбачыць у музеі гісторыі Беларускага дзяржаўнага аграрнага тэхнічнага ўніверсітэта – ужо не першая. Яшчэ 13 кастрычніка 1979 г., на 25-годдзе ВНУ быў адчынены музей гісторыі. Затым, у пачатку 2000-х была праведзена рэканструкцыя і адноўленая экспазіцыя разгарнула свае дзверы ўжо на 50-гадовы юбілей, у 2004 г. Агульная плошча музея – 126 кв. метраў, фонд музея складае: 2131 прадмет асноўнага фонду і 709 – навукова-дапаможнага. Музей гісторыі Беларускага дзяржаўнага тэхналагічнага ўніверсітэта першы раз адчыніў свае дзверы ў гонар свайго 60-годдзя, у 1980 г. З 2003 г. ён – на рэканструкцыі і 23 лістапада 2005 г., у 75-годдзе ВНУ зноўку прыняў першых наведвальнікаў. Больш за 1000 экспанатаў знаёмяць наведвальніка з гісторыяй ВНУ, яго сучаснай структурай, кіраўніцтвам і ганаровымі людзьмі. 15 сакавіка 1984 г., на 20-гадовы юбілей Мінскага радыё-

тэхнічнага інстытута быў адчынены музей яго гісторыі. У 2004 г. была адкрыта новая экспазіцыя – музей гісторыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта інфарматыкі і радыёэлектронікі. Экспазіцыя з 1000 экспанатаў знаёміць наведвальнікаў з гісторыяй універсітэта, спецыяльнасцях, якія ў ім можна атрымаць, навуковыя распрацоўкі ВНУ, яе ўзнагароды за спартовыя і навуковыя дасягненні, паказвае значэнне ўніверсітэта для навукі і краіны ў цэлым. Музей гісторыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта пачынаецца яшчэ ў 1978 г. Сучасная экспазіцыя была адкрыта 27 кастрычніка 2006 г. і была прымеркавана да 85-годдзя ўніверсітэта. Фонд на цяперашні час складае 7465 музейных прадметаў, з якіх: дакументаў і рэчавых крыніц – 1948, фотаздымкаў – 3256, кніг і літаратуры – 347, дакументаў у асабовых справах – 1914. Музей гісторыі Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка пачаў стварацца ў 1989 г. і адкрыты ў верасні 1990 г. У 2006 г. пачалося стварэнне новай экспазіцыі, якая і была ўрачыста адкрыта 26 лютага 2007 г. Фонд складае больш 2000 прадметаў, у асноўным гэта дакументы, фота- і відэамаатэрыялы, рэчавыя прадметы.

Падводзячы вынік можна сказаць, што стварэнне ўніверсітэцкіх музеяў у горадзе Мінску ідзе дастаткова паспяхова. Не можа не радаваць той факт, што большая палова музеяў адчыніліся альбо праходзіла стадыю рэканструкцыі пасля 2000 г. Станоўча можна адзначыць таксама энтузіязм і фантазію супрацоўнікаў музеяў, а таксама выкладчыкаў і студэнтаў, якія спрабуюць выкарыстоўваць музей рознымі незвычайнымі спосабамі – напісанне з яго дапамогай рэфератаў і курсавых прац; правядзенне там практычных заняткаў і інш.

Разам з тым нельга абысці недахопы музеяў. Перш за ўсё гэта невялікія плошчы. Выклікана гэта ў першую чаргу тым, што музеі звычайна знаходзяцца ў галоўных карпусах універсітэтаў, дзе вольных плошчаў звычайна няшмат. І музей у гэтым саборніцтве, нажаль, займае не прыярытэтнае месца.

Вельмі вострым недахопам з'яўляецца таксама адсутнасць кваліфікаваных кадраў. Сталыя супрацоўнікі музеяў альбо адсутнічаюць увогуле, альбо іх месцы займаюць асобы без спецыяльнай адукацыі. Першы выпадак характэрны для невялікіх устаноў, перш за ўсё каледжаў, дзе які-небудзь супрацоўнік ВНУ з'яўляецца адначасова і загадчыкам музея. Другі ж выпадак (характэрны для буйных ВНУ) – калі супрацоўнік ёсць, але асноўная яго спецыяльнасць іншая. Вырашыць гэтую праблему можна двума спосабамі: першы – арганізаваць між-ўніверсітэцкія курсы па тэорыі і практыцы музейнай справы, а другі – браць на працу ўжо кваліфікаваных спецыялістаў.

Але ўсё-ж-такі можна ўпэўнена сказаць, што справа музеяў ВНУ ў Беларусі ідзе ўгару, і трэба спадзявацца, што тэмпы яе не замарудзяцца, а наадварот паскоряцца. У такім выпадку нашыя музеі будуць развівацца і далей і маюць магчымасць перайсці на якасна новы, еўрапейскі ўзровень.

СИСТЕМА СОКРАЩЕНИЙ КИЕВСКОЙ ПСАЛТИРИ 1397 ГОДА

Т. П. Божко

Кириллическое письмо, созданное на основе греческого устава, переняло из него не только графическую форму значительного количества букв, но и систему сокращений, которая со временем была доработана местными переписчиками и существовала независимо как неотъемлемая часть старославянского языка. Характер сокращений в славянской письменности связан с видом письма (устав, полуустав, скоропись).

Уставное письмо продолжало свое существование даже после появления полуустава и скорописи. Возникает вопрос, почему уставное письмо и близкие к нему разновидности полуустава существовали так долго, не смотря на появление более удобной и практичной скорописи, а в некоторой части общества и после появления печатных изданий (старообрядцы). Во-первых, это было традиционное письмо для православной церкви, а традиции, как известно, ломать трудно. В IX веке это письмо пришло практически одновременно с новой религией и было неотъемлемой частью православия в сознании верующих и духовенства. Кроме того, на наш взгляд, существовала и практическая необходимость сохранения устава, т.к. читать его значительно проще, в силу геометрической формы букв, минимального влияния почерка переписчика, большого размера букв и т.д. Данный фактор имел большое значение непосредственно в богослужебной сфере (т.е. использование книг во время церковной службы), во время учения читать (как известно в средневековье учебником для чтения служила в основном Псалтирь). Также сохранение устава было одним из способов разграничения церковной сферы и деловой, которая использовала скоропись.

Одной из характерных черт уставного письма является небольшое количество сокращений. Ученые давно ведут дискуссии о времени и причинах появления сокращений, их функциях и задачах. Одни делают акцент на практических аспектах, другие – на сакрально-символических, третьи стараются соединить их. Говорить о причинах появления и развития системы славянских сокращений можно только в результате изучения конкретных памятников письменности. С этой целью был проведен анализ письма Киевской Псалтири 1397 года (непосредственным источ-

ником для исследования послужило факсимильное издание 1976 года). Текст рукописи был условно разделен на основной (непосредственно сами псалмы) и указания (содержат наименование и номер псалма, его автора, номер кафизмы и др.). Работа по систематизации сокращений велась по основному тексту.

Как показывают результаты анализа, переписчик Киевской Псалтири 1397 года использовал следующие виды сокращений: пропуск гласных; пропуск гласных и согласных; пропуск всех букв, кроме первой и последней; пропуск букв и вынос одной из них над строкой; вынос одной буквы над строкой (включая вынос буквы приставки); вынос последней буквы над строкой; усечение нескольких последних букв с выносом над строкой; лигатура; сокращение слова до одной начальной буквы и вынос ее над предыдущим словом, а также комбинированные способы. Наиболее часто – 1084 случая – применялся пропуск всех букв, кроме первой и последней, причем количество словарных форм ограничено: Бог, Боже, Бога, Господь, Господа, Господи, Господе, Христа. Это свидетельствует о том, что слова, имеющие глубокий сакральный смысл, сокращались до минимума (последняя буква указывала на падеж). Таким образом имя Бога скрывалось от «непосвященных» людей, но легко было узнаваемо в тексте всеми грамотными христианами. Сокращения такого типа широко используются в еврейском, греческом и латинском языках с этой же целью.

Часто применяемыми способами сокращения были пропуск гласных (791 случай) и пропуск гласных и согласных (565), причем, словарное разнообразие невелико: Богу (в конце слова оу), Господу; Боже, Сын, Царь, Спасение, Человек, Глагол(ить), Милость, Святой, Небо, Дух, Душа, Благо и их падежные формы и производные слова.

Нужно отметить, что перечисленные выше 3 способа являлись традиционными для славянских кириллических рукописей и употреблялись как в более ранних памятниках (например, Остромирово Евангелие 1056-1057 гг.), так и в более поздних, как Киевская Псалтирь 1397 г. Именно указанные сокращения имели, скорее всего, сакрально-символический характер.

Практические задачи вызвали появление следующих способов сокращения. В 313 случаях сокращения слов использовался пропуск букв и вынос одной буквы над строкой. Данный способ давал возможность экономить полезную площадь материала для письма, но употреблялся как в словах сакрального смысла (небесный, спасение, благословен и др.), так и в обычных (подражаша, много и др.).

Подобный способ – вынос одной буквы над строкой (585 случаев, из них 394 – это предлог «от» (буква т пишется над «омегой»)). Такие слова легко читаются, т.к. в них присутствуют все буквы. Большую часть отмеченных сокращений (134) составляют слова с вынесенной буквой приставки (например, в словах предсташа и отврати буквы д и т соответственно вынесены над строкой).

Распространенным способом сокращения слов в Киевской Псалтири является вынос последней буквы над строкой – 771 случай, причем только 82 из них составляют слова, расположенные в конце строчки. Это указывает на то, что данный вид сокращения использовался не только для того, чтобы вместить слово в строку, но и в целях экономии писчего материала.

Также для экономии места применялся способ усечения нескольких последних букв с выносом над строкой – 156 случаев. Наиболее часто таким способом сокращались слова несть, бысть, ради.

В Псалтири встречено 221 случай сокращения слов с помощью лигатуры (две буквы с одним общим элементом), причем в пяти словах использовано по две лигатуры. Треть таких сокращений употреблены в словах, расположенных в конце строки. Своего рода традиционным сокращением такого типа является слово «яко» (лигатура я+к).

Нужно отметить, что три последних способа характеризуются разнообразием словарных форм. Большая часть слов употребляется по одному разу, что также указывает на практический характер данных сокращений. Их применение было продиктовано конкретной ситуацией (например, конец строчки). Анализ словаря таких слов показывает, что среди них практически нет слов сакрального характера.

Чрезвычайно редким для Киевской Псалтири является способ сокращения слова до одной начальной буквы и вынос ее над предыдущим словом. Таких случаев только 2 – сокращение частицы «же» и вынос его над последней буквой слов «праведник» и «даси». Причина таких сокращений, скорее всего, – экономия места.

Кроме того, в тексте Киевской Псалтири встречаются и комбинированные способы сокращения слов: вынос одной буквы над строкой + лигатура, пропуск гласной + лигатура, пропуск гласных и согласных + лигатура, вынос одной буквы + усечение конца слова, пропуск гласных + усечение, пропуск гласных и согласных + усечение. Слова, сокращенные таким способом, не повторяются. Говорить с уверенностью о характере таких сокращений сложно. Это могут быть как вынужденные обстоятельства – расположение слова в конце строчки, так, возможно, и личная привычка переписчика.

Анализ сокращений слов Киевской Псалтири позволяет сделать вывод о том, что в уставном кириллическом письме появление и существование сокращений имело как сакрально-символические, так и практические причины.

Литература

1. Киевская Псалтирь 1397 года (факсимильное издание 1976 г.).

РАБАВАННЕ МЯСЦОВАГА НАСЕЛЬНІЦТВА ПАДЧАС ПОЛЬСКОЙ АКУПАЦЫІ 1919–1920 ГАДОЎ

В. М. Бароўская

У выніку паспяховых ваенных дзеянняў Польшчы на пачатку польска-савецкай вайны амаль уся тэрыторыя Беларусі была занята польскімі вайсковымі часткамі. На гэтых землях пачаў усталёўвацца акупацыйны рэжым. Галоўным кіруючым органам стала Грамадзянскае Упраўленне Усходніх зямель (Zarząd Cywilny Ziemi Wschodnich). Быў уведзены новы адміністрацыйны падзел зямель на акругі (Брэсцкая, Валынская, Мінская, Віленская), паветы і гміны. Але ўсталяванне новай адміністрацыі і кіравання суправаджалася выпадкамі даволі частага рабавання і марадзёрства з боку польскіх войскаў і жандармерыі. Асноўнымі ж прычынамі рабавання мясцовага насельніцтва былі хутчэй за ўсё дрэннае матэрыяльнае забеспячэнне польскіх вайсковых частак, адсутнасць дысцыпліны. Большасць вайскоўцаў лічылі гэтыя тэрыторыі часова занятымі. Таму, на іх думку, тут можна было забіваць і рабаваць. Многае залежала тут і ад паводзін камандзіраў. Так, у Маладзечне летам 1919 г. інцыдэнты паміж насельніцтвам і пазнанскімі атрадамі былі своечасова папярэджаны афіцэрамі [6, с. 35]. Але не паўсюль так адбывалася. Даволі часта рабаваннем займаліся і самі афіцэры, што вылівалася ў сапраўдную трагедыю для мясцовага насельніцтва.

Найбольш поўна выпадкі рэквізіцый і рабавання можна прасачыць праз агляд заяў грамадзян БССР, пададзеных у 1924 г. у адрас Таварыства садзейнічання ахвярам інтэрвенцыі. Значную частку з гэтых заяў займае корпус дакументаў пад назвай «Заявы грамадзян Глускага раёна аб стратах, учыненых белапольскай акуцыяй», які мае ў сабе 154 заявы вясковых гаспадароў [2, с. 143]. Збольшага заявы напісаны на стандартным бланку-апытальніку Таварыства, дзе змяшчалася інфармацыя па 12 пазіцыях. З іх мы можам атрымаць розныя звесткі, пачынаючы ад прозвішча, імя, імя па бацьку абрабаванага гаспадара і да інфармацыі аб прозвішчы і месцы жыхарства сведкаў, якія могуць пацвердзіць наяўнасць паказаных стратаў. Падобныя звесткі маюцца і па іншых

раёнах. Даволі часта паказчыкі розных форм рабавання ў бланках-апытальніках розных рэгіёнаў супадаюць, што сведчыць аб іх аб'ектыўнасці. Так, прааналізаваўшы 87 заяў пацярпелых па Асіповіцкім раёне па 8–10 пунктах выяўлена 17 выпадкаў збіцця і аніводнага забойства, гэта 19, 5 % ад агульнай лічбы (з 1918–1920 гг.), што блізка да статыстыкі па Глускаму раёну (20 %). Але ў Асіповіцкім раёне не атрымана ніводнай скаргі па рэквізіцыі, калі ў Глускім раёне іх было ажно 29 выпадкаў.

Агляд заяў Таварыства садзейнічання ахвярам інтэрвенцыі па Глускаму і іншым раёнам дае нам поўную карціну становішча ў большай ступені сельскага насельніцтва. Але акрамя вясковага насельніцтва, якое пераважала на беларускіх землях, значна пацярпелі і жыхары мястэчак і гарадоў.

Выразным прыкладам стану мяшчан падчас польскай акупацыі з'яўляецца апісанне становішча мястэчка Урэчча Мінскай губерні. Як і кожнаму населенаму пункту ваенныя дзеянні, а разам з тым і акупацыя, прынеслі немала шкоды. Калі паглядзець на становішча мястэчка пасля ліпеня 1920 г. (калі Чырвоная Армія прымусіла адступіць польскіх вайскоўцаў), то паўстае жудасная карціна. Усходняя частка Урэчча амаль уся згарэла, захаваліся толькі некаторыя будынкi [3, с. 167]. Наконт звестак аб прычынах пажараў, некаторыя жыхары вінавацяць ва ўсім палякаў, якія пры адступленні мусілі запаліць горад, каб яго маёмасць не засталася савецкім уладам. Таксама ёсць паведамленне аб удзеле ў гэтай справе бальшавікоў. Але хто б не падпаліў мястэчка, усё роўна яно згарэла.

Значна пацярпела і гарадское насельніцтва. Так, у Мінску была разбурана вялікая колькасць будынкаў вайсковага характару, таксама абодва чыгуначныя вакзалы, чыгуначны мост праз вуліцу Маскоўскую, мясцовы вайсковы шпіталь, месцамі выпалены цэлыя кварталы, у тым ліку мукамольня, разбурана шмат гандлёвых устаноў [2, с. 146]. Тысячы сем'яў былі абрабаваны на мільёны рублёў. Было забіта каля 100 чалавек. Патрэбна заўважыць, што жорсткія адносіны да мясцовага насельніцтва былі характэрны не заўсёды, але гэтага хапіла, каб матэрыяльнае становішча жыхароў значна пагоршылася.

Акрамя масавых пажараў, рабаванняў, рэквізіцый, вельмі распаўсюджанай з'явай былі арышты і заключэнне ў лагеры для далейшага ўтрымання. У першую чаргу пад рэпрэсіі траплялі камуністы, прыхільнікі савецкай улады, чырвонаармейцы, і асабліва чырвонаармейцы-палякі. Але і мірнае насельніцтва падвяргалася заключэнню. Як узгадвае ў сваіх успамінах І. Антонаў, найбольш «недобранадзейнымі» лічыліся яўрэі, беларусы-праваслаўныя, беларускія настаўнікі [1, с. 29]. Арыштаваных

звозілі ў бліжэйшую турму (у асноўным у былы губернскі горад) і там трымалі амаль без вырашэння справы. Большую частку з іх усё роўна адпускалі на волю. Але адзначаюцца і выпадкі катавання, фізічнага і маральнага знішчэння. Тыя жудасныя карціны, якія ўзгадваюць сведкі падзей і дакументы, ніколі не апраўдаюць польскія ўлады. Адна з найпершых мукаў была так званая «бачносьць»: арыштаванага ставілі тварам да сцяны, забараніўшы адварочвацца, і гэтак маглі трымаць некалькі дзён [5, с. 10].

Акрамя турмаў існавалі лагеры для больш доўгага турэмнага зняволення. Але патрэбна заўважыць, што ў лагеры, якія у большай масе сваёй знаходзіліся на тэрыторыі Польшчы, накіроўваліся чырвонаармейцы і прадстаўнікі бальшавіцкай партыі. Самым знакамітым лагерам лічыцца лагер у Дамбе пад Кракавам [8, с. 29].

Нельга не звярнуць увагу на ўзаемадасіны палякаў з прадстаўнікамі розных этнасаў, якія пражывалі ў той час на беларускіх землях. Так згодна з афіцыйнай нацыянальнай палітыкай на тэрыторыі «усходніх крэсаў» пражывалі тры асноўныя этнічныя суполкі: «маскалі», «жыды» і палякі [1, с. 35]. Галоўным прынцыпам выдзялення гэтых групавак быў этна-канфесіянальны фактар. Але ж калі параўнаць гэтае дзяленне з перапісам 1907 г., то на тэрыторыі Беларусі ў асноўным пражывалі беларусы – з іх большасць праваслаўных; таксама былі літоўцы, рускія, яўрэі, палякі і іншыя нацыянальныя меншасці [4, с. 51]. Таму выдзяленне толькі трох нацыянальных групавак было памылковым, і ў першую чаргу яно адпавядала палітычным мэтам Польскай дзяржавы. З афіцыйным пунктам гледжання беларусы-праваслаўныя, якіх было нямала нават у заходніх паветах, а таксама рускія прылічваліся да «маскалёў», а то нават і да бальшавікоў. Палякамі ж лічыліся не толькі мясцовыя палякі, але і беларусы-каталікі, сярод якіх каталіцкія святары праводзілі прапольскую агітацыю. Але ж нельга і адмаўляць той факт, што не ўсё беларускае каталіцкае насельніцтва лагодна адносілася да Польшчы, так як яны таксама з’яўляліся аб’ектамі рэквізіцый з боку польскага войска. Таму выраз «як у хрыста за пазухай» не заўсёды адпавядаў становішчу беларускага каталіцкага насельніцтва ў гэтай вайне. Наконт жа яўрэйскага насельніцтва (так званыя «жыды»), якое ў той час складала значную частку сярод мяшчан і было больш заможным у параўнанні з іншымі, то яны падлягалі актыўным рэквізіцыям, гвалту. Складалі тую частку насельніцтва, якая лічылася асноўнымі ворагамі (канечне ж пасля «маскалёў»). Найбольш распаўсюджанай формай ганьбавання яўрэйскага насельніцтва было абрэзванне барод і пэйсаў, што лічыцца вельмі абрыдлівым для іудзеяў [1, с. 51]. Таксама акрамя нацыянальнай

Агульная табліца страт падчас польскай акупацыі

Паветы	У залатой валюце, руб.	У савецкіх рублях 1919-1920 гг., руб.	У нікалаеўскай валюце
Мінскі	13763167	914004519	38752666
Бабруйскі	1037326	–	–
Барысаўскі	3254392	8120202500	–
Ігуменскі	1744623	1300	–
Мазырскі	19721 488	–	–
Слуцкі	3508282	–	22747
Разам	52029281	9034208319	38775413

нянавісці, яўрэі былі найбольш багатым слоём, і таму з'яўляліся добрай крыніцай узбагачэння для польскіх жаўнераў і афіцэраў.

Яскравым сведчаннем памераў рабавання беларускіх зямель з'яўляюцца дадзеныя наступнай табліцы

З усяго вышэй сказанага можна зрабіць выснову, што за невялікі прамежак часу акупацыі матэрыяльнае становішча мясцовага насельніцтва значна пагоршылася. Акрамя рабаванняў і рэквізіцый, польская акупацыя прынесла з сабою палітыку знішчэння нацыянальнай свядомасці беларускага насельніцтва праз ажыццяўленне арыштаў і забойстваў.

Літаратура

1. *Антоняў І. Г.* Успаміны аб польскай акупацыі Горадзеншчыны ў 1919–1921 гг. Гродна, 1921.
2. *Астрога В.* Пад крыламі белага арла // *Полымя*. 2001. №8. С. 140–154.
3. *Белоруссия в борьбе против польских захватчиков 1919–1920 гг.* М., 1940.
4. *Езовитов К.* Белорусы и поляки. Ковно, 1919.
5. *Луцкевич А.* Польская акупацыя ў Беларусі. Вільня, 1920.
6. *Мілеўскі Я. Е.* Адносіны польскіх войск да насельніцтва Беларусі (1919–1920 гг.) // *Бел. гіст. часопіс*. 1996. № 4. С. 32–43.
7. *Михутина И. В.* Польско-советская война 1919-1920 гг. М.: ИСБ РАН, 1994.
8. *Польско-советская война 1919–1920 гг. Ч. 2.* М.: ИСБ РАН, 1994.
9. *Ціхаміраў А. В.* Беларусь у палітыцы Польшчы ў канцы 1918 – пачатку 1921 гг. // *Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2.* 2005. №2. С. 59–66.

ПАДСКАРБІ ЗЕМСКІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў XV-XVI стст.: ДЗЕЙНАСЦЬ І ЭВАЛЮЦЫЯ ЎРАДА

Д. С. Буцін

Кіраванне дзяржаўнымі грашыма, скарбам і ўвогуле фінансамі – справа вельмі складаная, менавіта ёй і займаўся адзін з самых значных урадаў, у шэрагу з канцлерскім, ВКЛ – падскарбі земскі (першым вядо-

мым у 1429 г. стаў Яшка Струмiла) [7, с. 175]. Неабходна заўважыць, што скарб быў даволі цесна злучаны з дзяржаўнаю канцылярыяй: гэта былі як бы дзве часткі адной і той жа ўстановы, якая знаходзілася пры гаспадары і яго Радзе. Скарб, які захоўваўся ў Віленскім замку, з'яўляўся толькі сховішчам розных каштоўнасцяў, але пісьмовае справаводства па прыбытках і выдатках дзяржаўных сумаў вялося пісарамі вялікакняскай канцылярыі, менавіта з-за гэтага з 1520-х гг. падскарбі земскі з'яўляўся і найвышэйшым пісарам [1, с. 70]. Для дзяржаўнай канцылярыі скарб быў архівам, дзе захоўваліся дакументы, прывілеі і кнігі Метрыкі. У скарбе знаходзіліся вышэйшыя княскія рэгаліі – шапка Гедыміна, скіпетр, меч і харугва земская. Нарэшце, скарб – гэта галоўны арсенал, дзе захоўваліся агнястрэльная зброя і іншыя вайсковыя рэчы. Таму пры скарбе існавалі майстры, якія абслугоўвалі яго патрэбы.

У XV – першай палове XVI стст. падскарбі земскі яшчэ не быў сапраўдным міністрам фінансаў, а з'яўляўся дзяржаўным скарбнікам, які выконваў толькі тэхнічныя функцыі, у гэты час яго роля зводзілася да пасіўнага выканаўцы. Падскарбі прымаў і выдаваў сродкі па вусным загадзе князя ці рады, або канцылярскіх квітках. Потым прадстаўляў гаспадару справаздачу аб гэтым. У кіраванні фінансамі на дадзеным этапе большую вагу, чым земскі падскарбі, меў канцлер [4, с. 190].

Зусім іншую карціну мы назіраем у выніку шматлікіх, у тым ліку і фінансавых, пераўтварэнняў Жыгімонта II(III) Аўгуста. Але яшчэ з 1531 г. адкупшчыкі вялікакняскіх даходаў – мытнікі, селянічыя і васкаўнічыя – былі падпарадкаваны земскаму падскарбію, якому было дадзена права ануляваць дамовы на водкупы мыт і прымусова кампенсаваць выдаткі ў выпадку несвоечасовай выдачы даходаў. Падскарбію даручалася права прымаць даходы з адкупшчыкоў, а ў адсутнасць гаспадара – і права суда над імі. Расходванне сродкаў адкупшчыкамі дазвалялася толькі па квітках, якія мелі подпісы гаспадара і падскарбія. Усе гэтыя шырокія паўнамоцтвы падскарбі атрымаў па прычыне вялікага асабістага даверу гаспадара да Івана Гарнастая, які са студзеня 1531 г. займаў гэтую пасаду [2, с. 653].

Падчас валочнай памеры 1550-х гг. да падскарбія перайшло вышэйшае кіраўніцтва гаспадаркай ВКЛ. Ён стаў загадваць цэлай вобласцю кіравання і надзяляўся шырокімі распарадка-выканаўчымі функцыямі. У сувязі з увядзеннем у 1561 г. падатку на Лівонскія землі, сфера ўлады падскарбія была значна павялічана. Зборшчыкі гэтага падатку перайшлі пад яго непасрэднае кіраўніцтва. Перадача пабораў на водкуп рабілася толькі з ведама і рэкамендацыі падскарбія. Ён інструктаваў паборцаў, судзіў іх па скаргах за злоўжыванні, узнагароджваў стараных, звальняў

нядбайных, прызначаў на іх месца новых. Земскі падскарбі рэкамендаваў гаспадару асоб, якіх можна было вызваліць ад выплаты пабораў у выпадку беднасці ці разарэння ад ваенных дзеянняў. Даход, які ішоў ад пабораў, а таксама з двароў, валасцей, мыт і іншых крыніц даходаў падскарбі выдаваў на аплату наёмных войск, забеспячэнне памежных земляў і астатніх вялікакняскіх і земскіх патрэб.

Пасля Люблінскай уніі пасада падскарбія была выключана з ведамства Рады ВКЛ і падначалена толькі вялікаму князю. Ён з'яўляўся заўсёдным удзельнікам Сенату Рэчы Паспалітай.

Больш складанымі, у параўнанні з соймавай дзейнасцю падскарбія, былі ягоныя абавязкі ў адносінах да кіравання княскім скарбам. Увесь скарб знаходзіўся пад яго адказнасцю, як артыкулы даходаў, так і выдаткаў. Галоўныя даходы ішлі з боку ваявод, стараст, дзяржаўцаў, княскага лоўчага, намеснікаў, цівуноў, ляснічых, мытнікаў, войтаў, старцаў і некаторых іншых асоб. Прымаючы гэтыя паступленні, падскарбі павінен быў выслухаць справаздачу па пытанню колькасці грошай і пасля праверкі, калі ўсё дакладна, выдаць квіток аб прыёме. За ўсё скарбавае справядства ён несе асабістую адказнасць перад вялікім князем. Займаючыся гэтымі справамі, земскі падскарбі меў права накіраваць праверку з рэвізіяй у любую мясцовасць княства, дзе яна, на яго думку, была неабходнай. У дадзеным выпадку ён нават не пытаў дазволу ў гаспадара або рады, і самастойна накіроўваў туды правяраючых. Пасля агляду мог знізіць або павялічыць зборы з дадзенай тэрыторыі. Аднак не толькі рэвізораў прызначаў сваёй уладай падскарбі. Ён прызначаў мытнікаў і зборшчыкаў усялякіх падаткаў з дзяржаўных, княскіх, шляхецкіх, духоўных, зямлянскіх маёнткаў. Даходы скарб атрымліваў не толькі з ваяводстваў і дзяржаў, аддадзеных ва ўтрыманне, але і з дзяржаўных земляў, якія былі здадзены ў арэнду. Вялікім артыкулам даходаў скарба, а разам з ім і падскарбія, былі мыта, якія арандаваліся, звычайна, жыдамі (існаваў і агульны падатак на ўсіх жыдоў), але часам і шляхціцамі. У ліку скарбавых даходаў знаходзіліся гарадскія паборы – непасрэднае пераўтварэнне вёскі ў горад рабілася з мэтай спагнання будучых падаткаў. Падскарбі ўласным рашэннем меў права здаваць у арэнду фальваркі, гумны, даходы старостваў і дзяржаў, якія належалі скарбу, таксама як і лясныя багацці, мыта, непасрэдна праз сваіх пісараў, з большай выгодай для скарба. У выпадку смерці якога-небудзь уласніка, падскарбі адсылаў сваіх упаўнаважаных у гэтую зямлю і праз сваё імя браў яе пад уладу гаспадара, а ўсе даходы ішлі ў скарб. Тыя ж даходы, якія пры жыцці атрымліваў былы ўласнік, падскарбі клаў у сваю кішэню. Ён кантраляваў і эксплуатаваў дадзеную тэрыторыю, шукаючы новыя крыніцы даходаў,

аж да таго часу, пакуль не прызначаўся іншы ўладар, пасля чаго падскарбій перадаваў усе ўладныя паўнамоцтвы апошняму. Усе гэтыя выгоды, а таксама магчымыя дараванні з боку вялікага князя, з'яўляліся натуральным заробкам дадзенага ўрада. Разам са звычайнымі паступленнямі ў скарб існавалі і надзвычайныя. Да гэтага разраду скарбавых даходаў належаць накладаемыя соймам або князем падаткі з гарадоў, сярэбшчына і г. д. [6, с. 330].

Акрамя даходаў, у эканамічным жыцці ВКЛ назіраліся і шматлікія грашовыя выдаткі, арганізацыяй якіх таксама займаўся падскарбі земскі. Назіраліся выпадкі, калі грошы ў скарбе ўвогуле канчаліся, што прымусіла дзяржаву, праз асобу падскарбія, закладваць сваю маёмасць. Выдаткі, у першую чаргу, ішлі на абарону дзяржавы і вайсковыя патрэбы. Падскарбі вёў улік таму, колькі адслужылі і павінны яшчэ адслужыць, на карысць дзяржаўнага скарба, розныя службовыя асобы: конныя і пешыя, замкавыя і польныя, гарматнікі. Акрамя ўтрымання войска, абарона дзяржавы патрабавала захавання ў належным стане замкаў і цытадэляў. Таму падскарбі павінен быў выплочваць грошы не толькі вайскоўцам, але і простым жыхарам гэтых умацаванняў, якія былі патрэбны на будаўніцтве і пры забеспячэнні правіянтам, у асаблівасці гэта тычылася памежных замкаў. Усе гэтыя аперацыі загадам падскарбія ўпісваліся ў скарбныя рэестры скарбным пісарам, згодна з імі адбывалася выдача наяўных грашовых сродкаў са скарбу. Калі разглядаць выдаткі, не звязаныя з ваеннай справай, трэба спыніцца на так званых юргельтах – гэта своеасаблівыя пенсіі, якія прызначаліся гаспадаром ваенным людзям, земскім ураднікам і г.д. [3, с. 709].

Сустракаліся выпадкі, калі даходы скарба траціліся яшчэ да свайго паступлення ў яго, што яшчэ больш ускладняла і без таго напружаную працу падскарбія. Знаходзячыся на чале фінансаў дзяржавы і адказваючы за крыніцы земскіх прыбыткаў, падскарбі атрымліваў ад гаспадара загады расследваць справы ў выпадку прэтэнзій прыватных асоб на дзяржаўныя маёмасці.

Безумоўна, што адной з галоўных функцый земскага падскарбія была чаканка манеты, цэнтрам якой з'яўлялася сталічная Вільня. Разам з тым, падскарбі, як і канцлер, адыгрываў ролю сапраўднага дзяржаўнага паштальёна (а скарб – цэнтральнай пошты, як і канцылярыя), рассылаючы па ўсім княстве гаспадарскія лісты і універсалы. У шэрагу са сваімі непасрэднымі абавязкамі як вышэйшага скарбавага ўрадніка, падскарбі час ад часу атрымліваў загады, што не ўваходзілі ў яго прамую кампетэнцыю. Напрыклад, ён быў у ліку дэпутатаў, абраных дзеля збору акрэсленага соймам падатка [5, с. 150]. Але гаспадар пазбягаў выпадкаў

абцяжарвання падскарбія другаснымі загадамі, бо ягоны ўрад патрабаваў шмат увагі і часу. Такім чынам, часцей за ўсё, падскарбі земскі, у дадатак да сваёй галоўнай пасады, з'яўляўся толькі найвышэйшым пісарам, не займаючы болей ніякіх іншых урадаў.

Літаратура

1. *Груша А. І.* Канцылярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV-першай паловы XVI ст. – Мінск: Бел. навука, 2006.
2. *Ланно И. И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1589). – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. Т.І.
3. *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. – М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1900.
4. *Любавский М. К.* Очерк по истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. – М.: Изд-во О-ва истории и древностей рос., 1915.
5. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 46. 1562-1565. Кніга запісаў 46 (копія канца XVI ст.) / Падрыхтаваў В. С. Мянжынскі. – Мінск. : БелЭн, 2006.
6. Lietuvos Metrika. – V. : Mokslo ir enciklopedija, 1994 -. Kn 8 : (1499 1514): Uzrasymu Kn. 5 / Lietuvos istorijos inst. ; Parengė [ir pratarmė (liet., angl., rus.)], - p. 5-16, parase] A. Balius ir kt., - 649 p. – Tekstas liet., angl., lenk., lot., sen. balt. – Bibliogr. Pratarmės isnasosė, p. 5-16, ir santr., p. 501-502. – R – kles : p. 507-649.
7. *Lulewicz H., Rachuba A.* Urzednicy centralni i dygnitarze Wielkiego ksiestwa Litewskiego XIV – XVIII wieku: Spisy. – Kornik: Biblioteka Kornicka, 1994. – 256 s. – (Urzednicy dawnej Rzeczypospolitej XII – XVIII wieku: Spisy / Pod redakcja A. Gasiorowskiego).

ВОСПРИЯТИЕ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА В ЭЛЕКТРОННОМ ИЗЛОЖЕНИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТИ

О. А. Голета

На протяжении веков у человечества сложилась устойчивая традиция передачи знаний из поколения в поколение. Вначале она существовала в устной форме, а в процессе модификации прошла стадии узелкового письма у индейцев месоамерики, папируса у древних египтян, глиняных дощечек у представителей царств междуречья, рукописей и, наконец, печатной книги.

В современном мире, когда потоки информации постоянно увеличиваются, а образование и самообучение становится просто необходимым для успешной самореализации, данная проблема встает наиболее остро. Сейчас стоит вопрос наиболее эффективного использования компьютера. Грамотное использование компьютерных технологий, посредством электронного изложения материала, способствует повышению качества обу-

чения, позволяет учитывать индивидуально-психологические особенности личности, которые оказывают существенное влияние на усвоение новых знаний.

Формами электронного изложения являются гипертекст, аудио, видео, мультимедиа, гипермедиа.

Гипертекст – это форма организации текстового материала, при которой его единицы представлены не в линейной последовательности, а как система явно указанных возможных переходов, связей между ними. Следуя этим связям, можно читать материал в любом порядке, образуя разные линейные тексты [1, с. 593].

Звук, в широком смысле – это упругие распространяющиеся в среде и создающие в ней механические колебания; в узком смысле – субъективное восприятие этих колебаний специальными органами чувств человека и животных [2]. Таким образом, аудио – это гибкое и доступное средство электронного изложения материала, позволяющее преподавать, воздействуя на слух. Человеческий голос – ключевой элемент в процессе преподавания с помощью аудио.

Видео – одна из форм электронного изложения материала, эффективное средство обучения, которое оказывает большое влияние на учащихся.

Термин multimedia дословно переводится как многосредность или множество сред, что подтверждает его производный характер от ряда направлений в компьютерной технологии и практике обработки данных [1, с. 545]. Понятие «мультимедийный» во многих разработках компьютерных дидактических средств сведено к использованию звукового и анимационного оформления текстового учебного материала.

Технология гипермедиа родилась на стыке двух суперсовременных информационных технологий, – гипертекстовой технологии и технологии мультимедиа [3, с. 126]. В системах гипермедиа смысловые переходы могут иметь место между элементами разнородной информации: текстом, изображениями, речью, музыкой, видеоклипами и т.п.

В основе электронного изложения материала лежат не только технологические, но и психолого-педагогические аспекты. В основе познавательных возможностей и обучаемости лежит уровень развития познавательных процессов: восприятия, воображения, памяти, мышления, внимания, речи. Они достаточно индивидуальны и взаимосвязаны между собой.

Восприятие – это целостное отражение предметов, ситуаций и событий, возникающее при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности органов чувств [4, с. 66]. В зависимости от преобладающей роли того или иного анализатора в отражательной деятельности, восприятие различается по видам: зрительное, слуховое, осязательное. В этой связи людей, по преобладающему виду

восприятия разделяют на следующие категории: визуальный тип (более развиты зрительные анализаторы); аудиальный тип (более развиты слуховые анализаторы); механический тип (наиболее эффективное запоминание происходит вследствие механического воспроизведения).

Память – это психический процесс, от которого зависит результат учебно-воспитательной деятельности обучаемых, так как он связан с важнейшими познавательными действиями – запоминанием, сохранением и воспроизведением учебного материала. Процесс этот совершается тем успешнее, чем сильнее действуют на органы чувств раздражители [5, с. 94].

Существует несколько оснований для классификации видов человеческой памяти. Одно из них – деление памяти по времени сохранения материала, другое – по преобладающему в процессах запоминания, сохранения и воспроизведения материала анализатору. Во втором случае говорят о двигательной, зрительной, слуховой, обонятельной, осязательной, эмоциональной и других видах памяти [6, с. 342].

Индивидуальные различия памяти проявляются также в том, на какой вид представлений по преимуществу опирается человек при запоминании. Одни лучше запоминают то, что могут увидеть, другие то, что могут услышать, третьи – то, что может быть выполнено практически.

Электронное изложение учебного материала, используя его различные формы, позволяют учитывать индивидуально-психологические характеристики личности. В данной работе ударение ставим на гипертекст и аудио.

Гипертекстовая форма более удобна для людей с преобладающим видом зрительного восприятия. Гипертекст представляет материал по предмету как совокупность взаимосвязанных понятий, предполагает, что учащийся будет сам сопоставлять различные фрагменты, отбирать нужную информацию. Гипертекст дает возможность самостоятельно определять глубину «погружения в тему», позволяет учащемуся совершенно иначе воспринимать и усваивать учебную информацию.

Аудио изложение лучше использовать учащимся аудиального типа восприятия. Следует заметить, что аудио изложение оправдывает себя и при работе и с визуальщиками. Аудио придает обучению более «человеческий» и личностный характер; «вдыхает» жизнь в идеи, отображенные в разных разделах курса; отображает в живой речи то, что не так легко выразить с помощью печатных материалов; поощряет или стимулирует учащихся; воздействует на чувства и психологические установки учащихся; дает возможность учащимся прослушивать голоса специалистов, других обучающихся.

Таким образом, использование различных форм изложения электронного учебного материала позволяют учитывать индивидуально-психологические характеристики личности, что, в свою очередь, способствует

лучшему восприятию, интенсификации процесса обучения и повышению качественного уровня знаний.

Автором работы была реализована модель электронного изложения лекционного материала на тему «Польша после Второй мировой войны (1945–1948 гг.)», учитывая и зрительные (на основе гипертекста) и слуховые (аудио) возможности. Гипертекст был реализован в программе Macromedia HomeSite при помощи HTML-кода. Аудиозапись проводилась с использованием микрофона в программе WaveLab.

Для того, чтобы определить, востребованность материала в электронном изложении в студенческой среде был проведен опрос. Была разработана анкета из шести вопросов и предложена студентам для заполнения. В опросе принимали участие студенты третьего курса, отделения истории, русскоязычного потока, исторического факультета БГУ.

Результаты опроса позволили сделать следующие выводы:

1. 86% использует электронный конспект в процессе учебной деятельности.

2. 66% считает, что гипертекстовые технологии облегчают работу с электронным конспектом.

3. 46% хотели бы иметь аудио конспект лекций.

4. 82% считает необходимым наличие фотоматериалов.

5. 89% считает обязательным наличие карт.

6. 93% считает необходимым наличие диаграмм и таблиц.

7. 62% хотели бы иметь электронный конспект лекций, разработанный на основе гипертекстовых технологий, с аудио дубликатом текстовых материалов, включающий фотоматериалы, карты, диаграммы и таблицы.

8. 86% считает, что «модернизированный» электронный конспект, включающий вышеперечисленные компоненты, способствует повышению качества и эффективности образования.

Литература

1. *Балыкина Е.Н.* Сущностные характеристики электронных учебных изданий (на примере социально-гуманитарных дисциплин / Круг идей: Электронные ресурсы исторической информатики. Труды VIII конф. Ассоциации «История и компьютер» / Под ред. Л. И. Бородкина, В. Н. Владимирова – М. – Барнаул, 2003. С. 539-542.
2. Интернет-адрес: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
3. *Лакаев А. С.* Гипермедиа как интерпретирующая среда проблемно ориентированных процедур конечного пользователя // Сб. трудов Междунар. коллоквиума «Новые информационные технологии», 8–10 октября 1991. – М., С. 126–127.
4. Психология. Словарь. Под ред. Петровского А. В. Ярошевского М. Г. – М., 1990. С. 66–67.
5. *Стрикелева Л В., Пискунов М. У., Тихонов И И.* Организация учебного процесса с помощью АОС. Педагогические основы. – Мн., 1986. С. 94–96.
6. *Немов Р. С.* Психология (в 2 ч.) – М., 1995, ч. 2, С. 342–345.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ С РЕГУЛЯРНЫМИ ЧАСТЯМИ КРАСНОЙ АРМИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

Д. С. Данилевич

Для подготовки людей, которым предстояло действовать во вражеском тылу, важное значение имела помощь командования Красной Армии. С этой целью на основании приказа Главнокомандующего войсками Западного направления Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко от 13 июля 1941 г. был создан Оперативно-учебный центр Западного фронта. Наряду с организацией обучения личного состава партизанских отрядов и групп в его задачу входили также экипировка и заброска их в тыл противника. Оперативно-учебный центр возглавил опытный военный специалист, начальник отдела Главного военно-инженерного управления РККА полковник И. Г. Старинов. В июле-августе 1941г. этот центр располагался в районе Гомеля (дер. Ченки, Марковичи). Здесь же находилась созданная при Оперативно-учебном центре школа по подготовке партизанских кадров (в документах она нередко именуется Центральной партизанской школой, Белорусской (Центральной) школой). В городах Мозыре и Орле работали ее филиалы. Число одновременно обучавшихся составляло от 200 до 400 человек. Срок подготовки – 3–5, позднее – до 10 дней [1].

В течении лета 1941 года в партизанской школе Оперативно-учебного центра Западного фронта прошло подготовку почти полторы тысячи человек, большая часть которых в составе отрядов и групп была сразу же переправлена за линию фронта в оккупированные районы Белоруссии.

Оперативно-учебный центр обеспечивал направляющиеся в тыл врага боевые партизанские формирования взрывчаткой, портативной минно-подрывной техникой, которая изготавливалась на заводах Гомеля, Рославля, Орла и Бежицы. Только на Гомельском паровозовагоноремонтном заводе в июле-августе было изготовлено и поступило для партизан 1350 мин и 4310 зажигательных зарядов [2].

В соответствии с указанием ЦК ВКП(б) и приказом наркома обороны СССР при Главном политическом управлении Красной Армии и политуправлениях фронтов были созданы отделы, а при политотделах армий – отделения для партийно-политического руководства партизанским движением и организации работы среди населения на оккупированной территории. На территории Белоруссии эту работу проводили 8-й отдел и подчиненные ему 8-е отделения, образованные при политуправлении Западного фронта и политотделах, входящих в его состав армий. Но ввиду

тяжелого положения на фронте, а также из-за отсутствия достаточного количества оружия не все части Западного фронта сумели выполнить поставленные задачи. Наибольших результатов достигло командование 13-й армии, которое на территории Климовичского, Чаусского, Костюковичского и Кричевского районов Могилевской области, сформировало несколько небольших партизанских отрядов, личный состав которых вооружили винтовками, гранатами и бутылками с горючей смесью из армейских запасов.

Вскоре партизаны продемонстрировали образцы умелого тактического взаимодействия с частями Красной Армии на территории Полесской, Могилевской, Гомельской и других областей Белоруссии. Особенно отличились партизаны отряда «Красный Октябрь», которым командовал секретарь Октябрьского райкома партии Т. П. Бумажков. Граница боевых действий его отряда простиралась далеко за пределы Октябрьского района, его группы пробирались по тылам вражеских войск в Паричский, Глусский, Любанский, Стародорожский и Бобруйский районы. Так совместно с воинским подразделением капитана А. А. Недогорова партизаны разгромили в дер. Глуша Бобруйского района штаб пехотного полка. При этом захватили свыше трех десятков автомашин, много мотоциклов и велосипедов. Исключительный успех сопутствовал партизанскому отряду «Красный Октябрь» в операциях, проведенных совместно с бойцами подразделения Красной Армии, которым командовал подполковник Л. В. Курмышев. Прибыв в июле 1941 года в составе бронепоезда и подразделения пехоты на территорию Октябрьского района, отряд Л. В. Курмышева установил тесное взаимодействие с отрядом Т. П. Бумажкова. О совместных боевых действиях этих отрядов сообщал в ЦК КП(б)Б секретарь ЦК ЛКСМБ М.В.Зимянин, побывавший в Октябрьском районе в конце июля – начале августа 1941г. «Немцы испытали удары отрядов так основательно, – писал он в докладной записке от 5 августа, – что именуют командиров отрядов «бандит Курмышев», «бандит Бумажков». Недавно объединенный отряд тт. Курмышева и Бумажкова разгромил в дер. Оземля штаб немецкой дивизии. Партизанский отряд блестящей разведкой подготовил этот разгром...»

Разведчики доставили командованию подробные данные о наличии сил противника и точном расположении его огневых средств. 18 июля по железнодорожной ветке Бобруйск-Рабкор бронепоезд Красной Армии неожиданно для фашистов подошел к дер. Оземля и обрушил по штабу и огневым точкам противника шквал артиллерийского огня. Предварительно партизаны перерезали пути отхода противника. После артподготовки красноармейцы и партизаны, возглавляемые инструктором райко-

ма партии С. В. Маханько, пошли на штурм. В завязавшемся бою враг потерял до 80 солдат и офицеров. Отряд освободил дер. Оземля, взял пленных и богатые трофеи: штабную оперативную карту с планом наступления немецких войск на гомельско-черниговском направлении, два шифровальных кода, 55 броне- и автомашин, 2 радиостанции, 27 мотоциклов, 45 лошадей с повозками и грузом. Захваченных пленных, документы и трофеи передали командованию советских войск [3].

Всего к началу августа партизанский отряд «Красный Октябрь», действуя совместно с подразделением подполковника Л. В. Курмышева, истребил 300 вражеских солдат и офицеров, взорвал более 20 мостов, в том числе 11 через р. Птичь, вывел из строя 20 вражеских танков, спустил под откос бронепоезд, уничтожил большое количество автомашин противника, захватил богатые трофеи, оказал войскам Красной Армии большую помощь разведанными.

Активно взаимодействовали с войсками Красной Армии во время оборонительных боев летом 1941г. партизаны других районов Полесской области. Партизанский отряд, возглавляемый секретарем Туровского райкома партии М. М. Белявским, совместно с красноармейцами вел упорные бои за Туров, который неоднократно переходил из рук в руки. В ночь на 4 августа подразделение капитана Даниленко вместе с партизанами совершило налет на дер. Озераны. Противник, не выдержав неожиданного удара, был вынужден оставить деревню и отойти к Турову. 13 августа красноармейцы и партизаны, оттеснив врага, овладели городом. Через несколько дней гитлеровцам удалось вновь захватить город, но спустя два часа контратакой советские бойцы и партизаны восстановили положение на этом участке фронта. Они удерживали Туров в своих руках до 23 августа. И только когда враг ввел в бой большое количество свежих сил, советские войска вынуждены были отойти. Во время пребывания в Турове командование партизанского отряда организовало вместо эвакуированного военкомата походный призывной пункт и проводило мобилизацию военнообязанных, которые в порядке пополнения направлялись в воинскую часть [4].

Вместе с красноармейцами сражались против гитлеровских захватчиков бойцы и командиры Жлобинского партизанского отряда, которым командовал В.А.Миронов. Отряд поддерживал связь со штабами 63-го корпуса и 154-й дивизии, по их заданию вел разведку, участвовал в оборонительных боях по отражению наступавшего противника. Оказавшись в окружении, партизаны разбились на группы и вырвались из вражеского кольца. Часть из них во главе с командиром отряда вышла в советский тыл, пройдя с рейдами по тылам противника более 400км [5].

В совместных боях с Красной Армией партизаны Белоруссии приобретали боевой опыт, учились взаимодействию, вырабатывали свою партизанскую тактику. Действиям партизан, хотя и имевшим много общего с боевыми действиями регулярных сил, были присущи специфические особенности. На контролируемой противником территории они решали задачи как путем прямых боевых действий (засада, налет, наступление, оборона), так и не вступая в непосредственное соприкосновение с ним (диверсия). К концу августа 1941г. вследствие полной оккупации территории Белоруссии и дальнейшим отходом на восток частей Красной Армии, прямые контакты между партизанскими формированиями и регулярной армией прекратились. Снабжение партизан по воздуху и другие формы взаимодействия были практически невозможны из-за тяжелого положения на фронте, малочисленности партизанских отрядов и групп, отсутствия у них постоянных мест дислокации и радиосвязи. Этим и объясняется то, что осенью 1941г. партизанские формирования Белоруссии действовали полностью автономно по отношению к частям Красной Армии [2].

Литература

1. Попов А. Ю., Цветков А. И. Русский диверсант Илья Старинов. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2003. – 192 с.
2. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков. В 3 т./ Гл. редколлегии А.Т.Кузьмин. – Мн.: Беларусь, 1985. – 591 с, 551 с, 531 с.
3. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941-июль 1944): Документы и материалы. В 3 т./ Под общей редакцией А. Т. Кузьмина. – Мн.: Беларусь, 1982. – 743 с, 814 с, 792 с.
4. Долготович Б. Д. Беларусь в годы Великой Отечественной войны. – Мн. Полымя, 1994. – 141 с.
5. Калинин П. З. Партизанская республика. – Мн.: Беларусь, 1973. – 308 с.

АБОЗ ВОЙСКА ВКЛ У XV–XVI ст.ст.

А. А. Іваноў

Напрыканцы XX ст. на Беларусі узнікла цікавасць да ваенна-гістарычнай рэканструкцыі, якой на сённяшні дзень займаюцца шматлікія рыцарскія клубы, аматары гісторыі і прафесійныя даследчыкі, якія фактычна закладваюць падмурак для афармлення нацыянальнай школы вайскавай гісторыі. Аднак гісторыя войнаў гэта не толькі гісторыя бітваў, але і вывучэнне матэрыяльна-тэхнічнай базы і эвалюцыі дапаможных службаў, сярод якіх важнае месца займае абоз.

Сёння можна смела сцвярджаць, што абоз як адзінку войска, можна разглядаць як у шырокім, так і ў вузкім сэнсе гэтага слова. У вузкім

сэнсе абоз успрымаецца як статычная адзінка: спалучэнне транспартных сродкаў, фуражу, ваенных прылад. Рэальна ж сярэднявечны абоз- гэта ўсё войска, сабранае у паходным парадку, разам з прыслугай, матэрыяльнымі сродкамі, транспартнымі сродкамі і ўсімі дапаможнымі службамі.

Найменшай адзінкай абозу з'яўлялася павозка, якая магла мець розныя памеры і розную будову. Адрозненні маглі быць, ў першую чаргу, у памерах колаў, што залежала ад перавозімага цяжару і ад умоў мясцовасці. Другім важным момантам з'яўлялася трываласць павозак і іх захаванасць ад механічных пашкоджанняў, якая забяспечвалася з дапамогай металічных дуг, пасоў, чэпаў [6, с.255]. Да таго ж вазы маглі быць як крытыя, так і адкрытыя. Даследчыкі Г. Дэльбрук і А. Навакоўскі вылучаюць у пачатку XV стагоддзя з'яўленне так званых баявых вазоў што звязана з пашырэннем ужывання тактыкі прымянення вагенбургаў (умацаваных абарончых збудаванняў з павозак). Дзеля гэтага збоку паміж коламі прывешвалася дошка, якая магла вытрываць удары невялікіх снарадаў і перашкаджала пранікненню ў лагер пад нізам вазоў [1, с. 355–357].

Адрознівалася і колькасць запрэжаных у павозкі коней, якая магла вагацца ад 1 да 4, ізноў жа ў залежнасці ад перавозімага груза. Так, аднаконная павозка магла перавозіць да 600 кг, пры гэтым хуткасць яе перамяшчэння не перавышала 25 кіламетраў у суткі [6, с.255]. Павозкі звычайна ішлі радамі (калонамі): да чатырох радоў. Адно цяжка сцвярджаць: абоз у час маршу ішоў суцэльным гулам, альбо ўсё ж такі захоўваўся прынцып прыналежнасці тых ці іншых павозак да сваёй харугвы, а значыць існавала магчымасць, што у шэраговым парадку за кожнай харугвай цягнуўся яе ўласны абоз. Што тычылася стаяння лагерам, то тут сітуацыя больш зразумелая: пры кожным атрадзе ля намётаў стаялі іх ўласныя павозкі. Выключэнне мог складаць, хіба што, толькі агульнавайсковы абоз. [3, с.105].

Забеспячэнне дысцыпліны, вызначэнне нормаў паводзін і парадку дзеянняў абоза, нормы пакаранняў за правіны і крымінальныя злачынствы рэгламентуюцца існуючым заканадаўствам, а ў XVI ст. абпіраюцца на нормы статутаў і на ваенныя артыкулы каманднага саставу, найбольш вядомымі якіх з'яўляюцца ваенныя артыкулы пана Тарноўскага перыяду Лівонскай вайны [7,с.240–255].

Можна смела сцвярджаць, што абоз- гэта своеасаблівая паходная дзяржава са сваімі органамі ўлады, заканадаўствам і шырокім колам выконваемых функцый, сярод якіх можна вызначыць транспартную, гаспадарчую, медыцынскую і рэлігійную, якія дастаткова добра

апісваюцца ў шматлікіх пісьмовых крыніцах, прысвечаных апісанню ваенных выпраў[4, с. 17, 76, 87],

Адным з найбольш цікавых і адначасова складаных з'яўляецца пытанне фінансавання і матэрыяльнага забеспячэння абоза. Дакладна невядома, якая частка «галоушчыны» і «серабшчызны» (галоўных ваенных падаткаў) ішлі непасрэдна на забеспячэнне абоза. Трэба зазначыць, што феодалы Княства яшчэ ў 447 годзе згодна з земскім прывілеем Казіміра былі вызвалены ад выплаты падатку на вайсковыя патрэбы –«серабшчызны» [5, с.41], ды і памер яе вагаўся у залежнасці ад сацыяльнага статусу падаткаплацельшчыка і ад крытычнасці моманту.

Важна яшчэ і тое, што забеспячэнне правіянтам з'яўлялася абавязкам саміх рыцараў, а папаўненне правізіі адбывалася згодна нормам існуючага заканадаўства з пазбяганнем гвалту, насілля і пад кантролем адказных асоб. віжоў, падначаленых непасрэдна гетману[3, с.109].

Аднак найбольш складанай з'яўляецца праблема вызначэння месца абозу ў баі і вызначэнне спосабаў яго непасрэднага практычнага выкарыстання ў час баявых дзеянняў,

Калі прытрымлівацца пэўных храналагічных межаў, то разгляд гэтага пытання неабходна распачаць з апісання Грунвальдскай бітвы 1410 года і апісання месцараспалажэння абозу ў ёй. Дакладна вядома, што і армія Ордэна, і саюзныя войскі за некалькі дзён да бітвы занялі свае пазіцыі на пэўнай адлегласці адно ад аднаго. Месцараспалажэнне войска, хутчэй за ўсё, і стала месцам знаходжання абоза ў час бітвы, тым больш, што Ян Длугаш у сваёй «Хроніцы...» узгадвае той момант, калі стаўшы твар да твару, ордэнцы, каб заманіць літоўскую і польскую конніцы ў т. зв. «воўчыя ямы» і вымусіць менавіта іх распачаць бойку, адыйшлі на пэўную адлегласць назад. Наўрад ці ў такім выпадку абоз меўся на месцы баявой пазіцыі войска, таму што адцягванне яго за лінію войск заняла б значны час і зрабіла б абоз вельмі прывабным для атакі і захопу з боку ворагаў. Хутчэй за ўсё, той жа тактыкі прытрымлівалася саюзнае войска Польшы і ВКЛ, тым больш, што Длугаш неаднаразова ўзгадвае з'яўленне ганцоў з поля боя ў лагеры для атрымання падмогі або са свежай інфармацыяй аб стане спраў [4, с.78–80]. Так, непасрэдна ўзгадваецца з'яўленне Вітаўта ў польскім лагеры ля паходнай часоўні, калі ён заклікаў караля Ягайлу як мага хутчэй уступіць у бой, рушыўшы на падмогу ліцвінам польскія атрады на лінію боя, што непасрэдна сведчыць аб аддаленасці пазіцыі лагера з абозам ад лініі баявых дзеянняў.

Такая ж сітуацыя назіраецца і падчас Лівонскай вайны 1558 – 1582 гг. Так, у дыярыўшах Ст. Баторыя ўзгадваецца асада Веліжа, калі з агульнага абозу, размешчанага на даволі значнай адлегласці ад месца асады, пасылаюцца рэзервныя атрады, харч і інжэнерна-тэхнічныя сродкі. Цікава, што менавіта пры абозе знаходзілася стаўка караля, так як многія яго пісьмы з паручэннямі і загадамі якраз і напісаныя ў месцы стаяння абоза[7, с.190].

Невыключана, што дадзенае становішча было характэрнае для доўгіх ваенных кампаній і запланаваных, строга стратэгічных бітв. Тым больш трэба зазначыць, што такая пазіцыя непасрэдна звязана са стратэгіяй будавання ўмацаваных вайсковых лагераў, т. зв. «вагенбургаў», аб чым будзе сказана крыху пазней.

Аднак незаўжды бітвы насілі запланаваны характар. Нярэдкамі былі спантанныя сутыкненні, нечаканыя сустрэчы падчас паходаў, атакі на абоз падчас маршу, пераправы войска альбо ў час пагоні, праследвання адступаючага войска, калі будаванне, разгортванне ўмацаванага лагера было немагчымым. Якую ж пазіцыю ў такой сітуацыі павінен быў займаць абоз на полі боя?

Пры разглядзе дадзенага пытання узнікаюць некалькі магчымых рашэнняў: адцягванне абозу за спіны асноўных баявых шэрагаў у тыле, змяшчэнне абоза ў цэнтр войск. Кожны варыянт мае свае станоўчыя і адмоўныя бакі.

Апошняе важнае і самае спрэчнае пытанне пры вывучэнні абоза ВКЛ звязана з практыкай пабудовы ўмацаваных абозных лагераў вагенбургаў. а таксама з магчымасцю пераняцця тактыкі гусітаў у XV ст. Польскі даследчык А.Навакоўскі ў сваім артыкуле «Spret taborowy, obozowy i przegradowy» ставіць над сумненне існаванне ў Польшы і ВКЛ ў пачатку XV стагоддзя навыкаў і вопыту пабудовы вагенбургаў[6, с. 254–255]. Аднак апісанне бітвы на р.Ворскле ў 1399 г., якое пададзена ў Патрыяршым летапісе: «... і ста Вітовт на брэзе с телегі кованыя чепом умацаваныя...»[2, с. 234] –гэта нішто іншае як апісанне вагенбурга, якія на нашай тэрыторыі выкарыстоўваліся яшчэ да афармлення гусіцкага руху ў Еўропе.

Сказаць, калі дакладна пачалі прымяняць на землях ВКЛ вагенбургі, вельмі складана, Магчыма, запазычанне адбылося праз Ордэн, да якога Вітаўт неаднаразова звяртаўся за дапамогай у час барацьбы з Ягайлам за велікакняскі пасад [4, с. 28–291].

Другі магчымы шлях з'яўлення вагенбургаў на нашых землях і пачатак іх прымянення можа быць звязаны з удзелам чэшскага рыцараў у

Грунвальдскай бітве на баку братоў славян, Дарэчы, прымаў удзел у гэтай бітве і Ян Жыжка. – адзін з будучых лідэраў гусіцкага руху,

Апошні магчымы шлях запазычвання не толькі тактыкі будавання вагенбургаў, але ўжо разам з тым і тактычных навінак «гусіцкай вытворчасці» звязаны з імем ўжо згаданага намі Жыгімонта Карыбута-віча, які доўгі час ваяваў у чэшскіх землях на баку гусітаў і быў асабістым сябрам ЯнаЖыжкі.

Як вынік можна зазначыць, што абоз войска ВКЛ у XV–XVIст.ст. не значна адрозніваўся ад абору іншых еўрапейскіх краін, увабраўшы ў сябе як традыцыі Усходу, так і традыцыі Захаду, а яго камплектаванне, забеспячэнне і ўнармаванне абозных парадкаў ажыццяўлялася згодна з тагачасным заканадаўствам.

Літаратура

1. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории в 5 томах. – М.: Государственное военное издательство наркомата обороны СССР.1936-940.Т3. Средневековье,937.-514ст.
2. ПСРЛ. .Сиб,:Тип.Л, Н.Скороходова,1897.Т 11: Патриаршая или Никоновская летопись.-254ст.
3. Статут Вялікага княства Літоўскага1588: Тэксты. Даведкі. Каментарыі. /Беларус. Сав. Энцикл. Рэд.І.П.Шамякін і інш.- Мн.:БелСЭ,1989.-573ст.
4. Ян Длугош. Грунвальдская битва.-М.:Изд. АН СССР. 1962.
5. Бохан Ю. М. Наёмная войска у Вялікім княстве Літоўскім у XV–XVIстст.- Мінск:Інстытут історыі НАН Беларусі,2004.-92ст.
6. Nowakowski A. Sprzet taborowy, obozowy i przeprowowy// Polska technika wojskowa do 1500roku. Warszawa.1994.
7. Sprawy wojenne kiola Stefana Batorego, Dyjaryjusze, relacyje, listy i akta z lat 1576-1586. Zebrab i wydal X. Ignacy Polkowski. Krakow,1887.

УЗАЕМААДНОСІНЫ Ў АСЯРОДКУ СЯЛЯНСКАЙ АБШЧЫНЫ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ

Н. М. Карбалевіч

Грамадскія традыцыі асновы беларускага этнасу – беларускага сялянства – маюць глыбокія карані. Яны фарміраваліся напрацягу стагоддзяў пад уплывам знешніх і ўнутраных фактараў і захоўваюць у сабе шматгадовы гістарычны досвед беларускага народа. Да таго ж грамадскія традыцыі ахопліваюць адну з самых цікавых сфераў чалавечага жыцця – сферу чалавечых адносін, а значыць, захоўваюць у сабе і агульначалавечы досвед. Сялянская абшчына таксама з’яўляецца мадэллю калектыўнага дзеяння, вывучэння якога прадстаўляе цікавы бок не толькі грамадства, але і псіхалогіі чалавека.

Пры напісанні працы на дадзеную тэму выкарыстоўвалася разнастайныя крыніцы і літаратура. У асобную групу можна вылучыць працы знакамітых беларускіх этнографіў канца XIX – пачатку XX ст. М.В. Доўнар-Запольскага і А.К.Сержпутоўскага. У творах М.В. Доўнар-Запольскага прыведзены цікавыя вызначэнні пэўных бакоў грамадскага ладу сялян. «Галоўная аснова абшчыны – адміністрацыйна-фінансавая арганізацыя»[5]. У творах А.К. Сержпутоўскага маляўніча апісаны грамадскія з’явы – бонда і сябрына, якія дазваляюць зрабіць вывады аб характары ўзаемаадносін сялян. Важнай крыніцай з’яўляецца праца «Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павета», у якім фальклорныя творы пададзены без апрацоўкі. Творчая спадчына А.К. Сержпутоўскага таксама прадстаўлена ў кнізе У.К. Касько «Палескі дзівасіл». Гэтыя фальклорныя дадзеныя дазваляюць вызначыць пэўны бок узаемаадносін сялянства на Палессі – самым архаічным рэгіёне Беларусі. Фальклорныя творы дазваляюць адзначыць, перш за ўсё, маральна-этычны бок узаемаадносін. (Беларускі фальклор: хрэстаматыя. Склад. К. П. Кабашнікаў. – Мн., 1985). Насычаным інфармацыяй з’яўляецца зборнік Ліса А.С. «Жніўныя песні». У фальклорных жніўных песнях выражаны народны погляд на чалавека, працу, прыроду, сацыяльная этыка іх стваральнікаў, самы псіхалагічна-змястоўны вобраз чалавека, працы, які ўзнікае на шырокім прыродным і сацыяльным фоне[8, с.7]. Быў у якасці крыніцы выкарастаны таксама Статут ВКЛ: для вызначэння сацыяльнага і прававога становішча сялянства, месца копных судов у агульнадзяржаўнай судовай сістэме. Асобны бок выкарыстанай літаратуры складаюць калектыўныя творы-даследаванні сучасных беларускіх этнографіў: «Грамадскі быт і культура сельскага насельніцтва Беларусі» (В.К. Бандарчык, Л.І. Мінько, Г.І. Каспяровіч і інш.), Шосты том «Грамадскія традыцыі» з серыі «Беларусы» (Мн. 2002). У параграфу, які апісвае абшчынныя перажыткі ў сучасным грамадстве, я карысталася і ўласнымі назіраннямі, якія праводзіліся ў вёсцы Балотчыцы Слуцкага раёна Мінскай вобласці.

Сялянская абшчына на беларускіх землях існавала не адно стагоддзе, але працэс фарміравання абшчынных прынцыпаў з’яўляецца яшчэ больш працяглай з’явай і сваімі каранямі адыходзіць у далекую мінуўшчыну. Безумоўна, працэс стварэння паўнаважнай шматбаковай грамадскай сістэмы не можа быць аднамомантавым, таксама ён утрымлівае на сабе розначасовыя насленні, што робіць практычна немагчымым дакладнае вызначэнне часу з’яўлення абшчыны. На Беларусі ворыўнае земляробства было вядома яшчэ ў канцы I – пач. II ст. н.э.[3, с.16]. Гэты тэрмін толькі ўмоўна можна лічыць часам узнікнення сельскай абшчыны. А

паколькі беларускі край здаўна быў земляробчым, і менавіта земляробства адыгрывала галоўную ролю ў жыцці людзей гэта адкрывала шлях да трывалага ўмацоўвання калектыўнай сістэмы, шлях да ўдасканалвання ўсіх элементаў гэтай сістэмы, шлях, які цягнуўся праз стагоддзі.

Важную ролю ў жыцці грамады адыгрывалі органы самакіравання і судовая сістэма, наяўнасць якіх дазваляе вылучаць грамаду як грамадска-палітычную адзінку. Органы самакіравання асобных сельскіх грамад узначальвалі старцы, старшыні, якія з'яўляліся асноўнымі збіральнікамі агульных падаткаў, што ішлі дзяржаве ці феодалам ад усёй вёскі. На пасадку старцаў, стараст выбіраліся найбольш паважаныя і заможныя асобы з сялянскага асяроддзя. Асноўную ролю ў абранні на пасадку адыгрывала не толькі матэрыяльнае становішча чалавека, але і яго аўтарытэт сярод аднавяскоўцаў. З гэтага можна адзначыць сацыяльную справядлівасць гэтай сістэмы, паводле якой прывілеяванае становішча старасты абавязвала ў асноўным на грамадскую думку, якая дастаткова рухома рэгулявала сістэму і не дазваляла наяўных злоўжыванняў. Старцы, старшыні выбіраліся сялянамі на абшчынных так званых копных сходах. На грамадскіх сходах сяляне размяркоўвалі падаткі, службовыя і іншыя абавязкі, вызначалі тэрмін сельскагаспадарчых прац, карыстанне лугамі, лясамі, разбіралі розныя пытанні грамадскага жыцця. Менавіта таму ўлада ў грамадзе мела калектыўны характар. Аднак калектыўны характар грамадскай улады абмяжоўваўся шэрагам палавых, узроставых і маёмасных умоў. Вялікім аўтарытэтам у грамадзе карысталіся старыя людзі, дзеці якіх ужо самастойна гаспадарылі. Гэтыя сяляне ўтваралі так званую «раду старэйшын»[3, с.46].

Акрамя грамадскай думкі ў грамадзе існавала ўнармаваная судовая сістэма, заснаваная на звычайным праве. У ёй таксама рэалізавалася патрэба сялян у грамадскай дзейнасці. Суды чыніліся на сельскіх сходах, на якія збіралася дарослае мужчынскае насельніцтва сяла. Прысутнасць на капе лічылася грамадскім абавязкам, за няўку без уважлівай прычыны спаганялі штраф. Народнае судасправаводства не ведала закрытых працэсаў, яны праходзілі заўсёды публічна, што выключала магчымасць злоўжыванняў і памылак суб'ектыўнага характару. Правасуддзе, па сутнасці, вяршылася ўсімі прысутнымі. Грамадзянскае права на абарону незалежна ад маёмаснага і саслоўнага стану меў кожны жыхар воласці без якіх-небудзь абмежаванняў. Судаводства мела шматпрыступкавую структуру, якая дазваляла дэталёва разгледзець справу і пазбегнуць пэўных памылак, паколькі кожная са стадыя была рэгламентаванай і галоснай. Пры вынясенні прысуду капа заўсёды

ўлічвала рэпутацыю злачынцы і гэта ўплывала на ступень жорсткасці пакарання. Па прычыне таго, што абшчына з'яўлялася вытворчай адзінкай, абавязковым быў прынцып выплаты шкоды.

Грамада ўяўляла сабой складаны грамадска-вытворчы арганізм. Эканамічныя адносіны мелі істотны, вызначальны характар. Асновай узаемаадносін былі пазямельныя адносіны. Адзіным уладальнікам зямлі была абшчына. Унутры абшчыны зямля размяркоўвалася паміж дымамі і службамі. Такім чынам, можна вылучыць асаблівую форму ўласнасці на зямлю – грамадска-прыватную. Абшчына з'яўлялася адзінкай падатка-абкладання. Вызначаўся аб'ём падаткаў для кожнай абшчыны. Потым ён размяркоўваўся старастамі паміж абшчыннікамі. Праблема сацыяльнай дыферэнцыяцыі згладжвалася сацыяльна справядлівай сістэмай размеркавання падаткаў. Такім чынам, адносіны ў абшчыне не былі чыста вытворча-эканамічнымі. Іх можна вызначыць як грамадска-эканамічныя. «Працуй грамадой – не будзеш з бядой»[1]. На падставе сутнасці абшчынных адносін можна вылучыць шэраг грамадска-эканамічных з'яў у асяродку абшчыны: бонда, талака, сябрына.

Сістэма поглядаў асобнага чалавека на свет і сваё месца ў ім фарміравалася з дзяцінства і адпавядала пануючым у асяродку абшчыны тэалагічным і матэрыялістычным уяўленням, этычным нормам. «Хітрэй свету не будзеш»[9, с.120]. «Самасуд – не суд», «Зробіш ліхое, й душа не на месцы», «Сядзіш у радку, цягні бяду», «Як людзі, так і мы» [7, с.224].

Амаль ва ўсіх сферах абшчыннай сістэмы праяўляўся пэўны дуалізм. Грамада, па-першае, заўсёды абараняла інтарэсы селяніна, адстойвала яго правы перад дзяржавай, але з цягам часу абшчына пераўтварылася ў ніжэйшае звяно дзяржаўна-адміністрацыйнай сістэмы. Па-другое, дваістасць землекарыстання. Селянін быў землеўладальнікам вылучаецца толькі ў межах абшчыны; адзіным землеўласнікам выступала грамада. Па-трэцяе, дваістымі былі і пэўныя маральныя нормы. Пэўныя злачынствы, якія лічыліся ганьбай у адносінах да суабшчынніка, «дазваляліся» ў адносінах да дзяржаўцаў і паноў-землеўласнікаў і называліся кемлівацю. «Хто пану не схлусіць, а паню не падмане, той у сваёй гаспадарцы не гаспадар, а пуспога двара затычка»[7, с.333]. У пэўнай ступені гэтую дваістасць можна патлумачыць сутнасцю абшчыны. Абшчына з'яўлялася карпаратыўным сялянскім утварэннем, своеасаблівым адасобленым светам. Акрамя ўнутраных узаемадзеянняў гэты свет павінен быў мець стасункі і з навакольным асяроддзем, а для гэтага трэба было выпрацаваць пэўную сістэму ўзаемаадносін з наваколлем, што і было зроблена.

Грамада – гэта ўрэгуляванае сялянскае ўтварэнне, вытворчая, сацыяльна-эканамічная, грамадска-палітычная, культурная, этнічная ў нейкім сэнсе, маральная адзінка грамадства, асобны ўнармаваны свет, жывы арганізм, які імкнуўся самастойна жыць па сваіх законах. Грамада, абшчына для селяніна была адзінай магчымасцю заняць сваё пэўнае месца ў грамадстве. У абшчынных адносінах вызначаюцца крыху хваравітыя адносіны да маёмасці, але гэта можна патлумачыць хутчэй цяжкім становішчам сялян, чым іх карыслівымі меркаваннямі. «А нашы людзі бедныя:/ Ядуць хлеба па крышацы/ А п’юць вады па лыжаццы»[8]. Нельга глядзець на абшчыну, як на нешта спрошчанае, прымітыўнае, бо яна прыклад складаных грамадскіх узаемаадносін. І толькі цалкам натуральнае ўтварэнне можа так арганічна ахопліваць усе сферы жыцця, дапамагаць складанаму існаванню. Абшчына ніколі не супрацьстаяла асобе чалавека, які заўсёды меў права выказаць свае думкі, з дапамогай звычаю ці добрых людзей даказаць сваю справядлівасць. Заўсёды вельмі моцнымі былі маральныя асновы абшчыны, калі літасць перамагае карыслівы інтарэс, а інакш і немагчыма, бо людзі, якія складалі абшчыну, заўсёды цяжка працавалі на зямлі, якая не церпіць падману, ілжывасці, несумленнасці.

Асноўнымі падставамі для захавання пэўных абшчынных рыс у сучасным сялянскім асяродку з’яўляецца захаванне месцаў агульнага пасялення сялян – вёсак, а таксама трываласць рысаў, якія складваліся стагоддзямі і трывала замацаваліся ў сялянскім менталітэце. І сёння ў ХХІст. можна ўбачыць у нашых вёсках, нават немагчыма сказаць, рэшткі мінулага, гэта хутчэй асновы, чым адбіткі.

У пэўнай ступені традыцыі і звычаі беларускага сялянства з’яўляюцца асновай узаемаадносін беларускага народа. І захоўваюць яны шматгадовую мудрасць і досвед народа. Ёсць падставы лічыць, што пэўныя рысы абшчынных узаемаадносін могуць стаць трывалай падставай для фарміравання і развіцця пэўных грамадскіх інстытутаў сучаснага беларускага грамадства.

Літаратура

1. Беларускі фальклор: хрэстаматыя. Склад. *К. П. Кабаінікаў*. – Мн.: Выш. шк., 1985. – 749с.
2. Беларусы. Т.6: Грамадскія традыцыі. – Мн.: Бел. навука, 2002. – 605с.
3. Грамадскі быт і культура сельскага насельніцтва Беларусі/ *В. К. Бандарчык, Л. І. Мінько, Г. І. Каспяровіч* і інш. – Мн.: Навука і тэхніка, 1993. – 256с.:іл.
4. *Довнар-Запольскі М. В.* История Белоруссии/ *М. В. Довнар-Запольскі*. – 2-е изд. – Мн.: Беларусь, 2005. – 680с.
5. *Довнар-Запольскі М. В.* Западнорусская сельская община в XVIв. – СПб., 1897.

6. *Довнар-Запольский М. В.* Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVIв. – Киев., 1905.
7. *Касько У. К.* Палескі дзівасіл: Бел. нар. прыказкі, прымаўкі, выслоўі: са скарбніцы *А. К. Сержпутоўскага/ У. К. Касько.* – Мн.: Выш. шк., 2005. – 383с.
8. *Ліс А. С.* Жніўныя песні. – Мн.: Навука і тэхніка, 1993. – 238с.
9. *Сержпутоўскі А. К.* Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павета. – Мн.: Універсітэцкае, 2000. – 270с.
10. *Сержпутовский А. К.* Очерки Белоруссии// Живая старина. СПб., 1907. Вып. 3,4.
11. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588/ Пер. на бел. мову *А. С. Шагун.* – Мн.: Беларусь, 2005. – 207с.: іл.
12. Этнаграфія Беларусі. Энцыклапедыя. Мн., 1989.

КАНЦЫЛЯРЫЯ ГУБЕРНАТАРА ЯК ОРГАН ДЗЯРЖАЎНАГА КІРАВАННЯ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў 30–50 гг. XIX ст.

Г. С. Кліз

На губернатара была ўскладзена вялікая колькасць спраў і абавязкаў. Зразумела, што адной асобе іх нельга было адолець, таму кіраванне губерняй губернатар ажыццяўляў пры дапамозе спецыяльнай канцылярыі і чыноўнікаў для асобых даручэнняў. Апошнія займаліся найбольш важнымі для начальніка губерні справамі: расследаваннем службовых злоўжыванняў і беспарадкаў, рэвізіямі дзяржаўных устаноў, выкананнем сакрэтных распараджэнняў і г.д [4, арк. 48]. Губернская канцылярыя з'яўлялася сувязным звяном губернатара з падначаленымі ўстановамі і з вышэйшымі органамі ўлады імперыі.

Случачыя канцылярыі знаходзіліся ў вядзенні губернатара і падначальваліся непасрэдна яму. Назначэнне і звальненне гэтых чыноўнікаў залежала ад губернатара. Толькі чыноўнікі для асобых даручэнняў пры ім назначаліся і звальняліся па зацвярджэнню міністра ўнутраных спраў [7, арт. 647].

Штат канцылярыі зацвярджаўся Сенатам [5, № 17112]. Прыкладны склад канцылярыі губернатара можна разгледзець на аснове дадзеных аб канцылярыі віцебскага губернатара. Так, на падставе штата 1845 г., яго канцылярыя складалася з правіцеля канцылярыі, 3 старшых і 3 малодшых памочнікаў правіцеля канцылярыі і рэгістратара. Акрамя таго, пры губернатарах знаходзіліся 2 старшыя і 2 малодшыя чыноўнікі для асобых даручэнняў, якія атрымоўвалі жалаванне па штату, 1 старшы і 1 малодшы без жалавання. З адпушчаных па штату сродкаў адна частка выкарыстоўвалася на выдачу платы 12 штатным чынам, а з астатняй сумы ўтрымліваліся 10 канцылярскіх служачых і пісараў, якія знахо-

дзіліся на службе, і 6 вольнанаёмных пазаштатных супрацоўнікаў [3, арк. 43 ад., 44].

У штат канцылярыі губернатара маглі ўваходзіць і перакладчыкі [1, с. 73], а таксама журналісты, пра якіх згадваецца ў Сводзе законаў [6, арт. 305].

Аднак колькасць служачых была не пастаяннай. Гэта адбывалася з-за таго, што склад канцылярыі залежаў ад сумы грошаў, выдаткаваных на яе ўтрыманне. Губернатар не меў права выходзіць за межы гэтай сумы. Рэшткі, якія склаліся напрыканцы года, губернатар мог скарыстаць на пакупку для канцылярыі кніг законаў ці канцылярскіх матэрыялаў, а таксама на прызначэнне часовай дапамогі для заахвочвання чыноўнікаў і служачых канцылярыі [7, арт. 646].

З-за сваёй набліжанасці да губернатара служачыя маглі засяроджваць у сваіх руках ўсё кіраванне губерняй. Былі выпадкі, калі губернатар поўнасю перадаваў справы свайму правіцелю канцылярыі [1, с. 73].

Старшыя памочнікі правіцеля канцылярыі вялі ўсе справы самастойна і свядома не дапускалі сваіх падначаленых «амаль ні да якіх спраў, ні да складання дакладаў, і падрыхтоўцы праектаў выканаўчых лістоў, а займалі іх адной толькі перапіскаю» [3, арк. 18 ад.]. Такім чынам яны імкнуліся паставіць у залежнасць ад сябе губернатара.

Да пытанняў, якімі павінна была займацца канцылярыя грамадзянскага губернатара, належалі наступныя: складанне справаздач і іншых ведамасцяў; сакрэтныя справы, даручаныя асабіста губернатару, і тыя, якія патрабавалі хуткага выканання; перапіска па прызначэнню дваранскіх сходаў і па зацвярджэнню дваранскіх выбараў; перапіска па прадстаўленню да розных узнагарод, якія не маглі быць выкананы ў губернскім праўленні ці прыказе грамадскай апекі; выдача падарожных, замежных пашпартоў і іншых пасведчанняў; перапіска па агляду губерні, па выкананні рэкруцкіх набораў, па зацвярджэнню размеркавання кватэрнай павіннасці, па разгляду губернатарам крымінальных, следчых і іншых судовых спраў [7, арт. 643].

Выкананне гэтых пытанняў у канцылярыі губернатара было падзелена паміж сталамі і рэгістратурай, дзе вяліся кнігі і рэестры. Трэба адзначыць, што кнігі і рэестры вяліся вельмі дрэнна. У прыватнасці, сенатарская рэвізія канцылярыі віцебскага губернатара выявіла, што многія кнігі адсутнічалі, а тыя, якія знаходзіліся ў канцылярыі, вяліся няправільна ці змяшчалі шмат памылак, былі не перанумараваны і не прашнураваны, без належных у канцы надпісаў пра колькасць лістоў [3, арк. 44 ад.-48].

Доўгі час свайго існавання канцылярыя не мела структурных падраздзяленняў. Толькі ў пачатку 30-х гг. XIX ст. былі створаны сталы

(адзелы), кожны з якіх разглядаў пэўнае кола пытанняў. Так, напрыклад, канцылярыя віцебскага губернатара была падзелена на 6 сталоў у 1830 г., магілёўскага ў 1831 г., а мінскага ў 1837 г [2, с. 12]. У розных губернях размеркаванне функцый паміж сталамі не было аднолькавым і залежала ад мясцовых асаблівасцей.

Так, канцылярыя віцебскага губернатара падзялялася на:

1. Паліцэйскі стол, які заведваў справамі паліцыі, перапіскай аб следствах, а таксама справамі па прашэннях прыватных асоб;

2. Казначэйскі стол. Заведваў прыходам і расходам сумаў канцылярскіх і перасылачных, выдачай падарожных, пашпартоў, перапіскай пра пенсіі і выдачай пасведчанняў;

3. Гаспадарчы стол, які заведваў справамі і перапіскай па гаспадарчай часці;

4. Статыстычны стол. Заведваў збіраннем рознага роду хуткіх дадзеных для дастаўлення іх у міністэрствы, справамі аб здарэннях, а таксама складаннем гадавых справаздач пра становішча губерні;

5. Стол агульных спраў. Заведваў агульнымі справамі кіравання, рэкруцкімі справамі і сакрэтнай перапіскай;

6. Судны стол. У ім займаліся вядзеннем крымінальных і следчых спраў, перапіскай пра арыштантаў і раскольнікаў.

Рэвізія гэтай канцылярыі ў 1853 г. выявіла, што справы знаходзіліся ў вялікім беспарадку. Ва ўсіх сталах назіралася маруднасць і адсутнасць кантролю за выкананнем распараджэнняў. Толькі сакрэтныя справы ў большасці сваёй вяліся дакладна і акуратна [3, арк. 53, 64, 74 ад., 103, 111 ад., 113 ад.].

Так, напрыклад, справы паліцэйскага стала па прашэннях прыватных асоб выконваліся вельмі марудна. Маруднасць гэта была вынікам абсалютнай адсутнасці кантролю за выкананнем зробленых распараджэнняў, бо ў большасці выпадкаў звесткі, якія былі запатрабаваны, не толькі не дастаўляліся, а нават на працягу пяці, шасці і болей год не рабілася ніякага адказу [3, арк. 51 ад.].

Такая ж маруднасць назіралася ва ўсіх сталах, гэта прыводзіла да парушэння сувязей паміж губернатарам і рознымі ўстановамі, як падначаленымі, так і вышэйстаячымі. Напрыклад, распараджэнні генерал-губернатара часам пакідаліся ўвогуле без адказу ці выконваліся праз год [3, арк. 11 ад.]. Віленскі генерал-губернатар Бібікаў канстатаваў, што атрымліваў інфармацыю пра становішча ў губерні прыватным чынам, паколькі падначаленыя яму месцы не даносілі аб розных, часам цікавых, здарэннях [1, с. 74]. Са значным спазненнем выконваліся цыркуляры

міністэрства ўнутраных спраў, загады Сената, і нават распараджэнні самага імператара.

Загружанасць сталоў была рознай. Так, шмат спраў прыпадала на казначэйскі і пашпартны сталы канцылярыі віцебскага губернатара, у той час як у гаспадарчым стале «заняткі ... былі вельмі нязначныя» [3, арк. 16].

Канцылярыя губернатара мела свой архіў, куды перадаваліся вырашаныя справы. Аднак на прыкладзе канцылярыі віцебскага губернатара можна сцвярджаць, што архіў гэты насамрэч з'яўляўся свайго рода складам для непатрэбных папер канцылярыі, бо «архіў губернатарскай канцылярыі мае толькі адну вонкавую форму некаторага парадку, так як большая частка спраў знаходзіцца ў звязках і размяшчаецца па паліцах, аднак у сутнасці сваёй архіў знаходзіцца ў поўным беспарадку.

Перадача спраў у архіў адбывалася без усялякага парадку, без вопісаў, без распісак і без дакладнага разбірання спраў» [3, арк. 120–120 ад.]. Такое становішча архіва можна патлумачыць толькі няўважлівым стаўленнем кіраўніцтва і чыноўнікаў канцылярыі да яго. Так, вядзенне архіва было перададзена аднаму чыноўніку, прытым вольнанаёмнаму, у той час як для разбору архіва і складання дакладнага алфавіту ўсіх спраў патрэбна была праца не аднаго адказнага чыноўніка.

Канцылярыя грамадзянскага губернатара прызначана была дапамагчы яму выконваць свае службовыя абавязкі. Яна сканцэнтравала ў сабе ўсё справаводства і з'яўлялася сувязным звяном паміж губернатарам і іншымі адміністрацыйнымі ўстановамі. Праз канцылярыю, як своеасаблівы інфармацыйны цэнтр, праходзілі звесткі аб усіх сферах грамадскага жыцця.

Літаратура

1. *Киселев А. А.* Система государственных учреждений и чиновничество Беларуси в политике российского правительства (конец XVIII – первая половина XIX в.): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – Мн.: БГУ, 2003.
2. Минская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1793–1917) / Сост. Т.Е. Леонтьева. – Ми.: БелНИИДАД, 2006.
3. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф.1430. Канцелярия витебского гражданского губернатора. – Оп. 1. – Д. 25436.
4. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 2001. Канцелярия могилёвского гражданского губернатора. – Оп.1. – Д.512.
5. Полное собрание законов Российской империи. - Собрание первое: В 45 т.- СПб.: Тип. II отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцел., 1830. - Т. XXIII.
6. Свод законов Российской империи, повелением гос. Имп. Николая Павловича составленный. Изд. 1832 г. – СПб.: Тип. II отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцел., 1832. – Т. II.

7. Свод законов Российской империи, повелением гос. Имп. Николая Павловича составленный. Изд. 1842 г. – СПб.: Тип. II отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцел., 1842. – Т. II.

РЭГІЯНАЛЬНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ФЕАДАЛЬНОЙ РЭНТЫ НА БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVI – XVII стст.

А. П. Лойка

Другая палова XVI – XVII стст. бадай што самы драматычны і трагічны для беларускага народу. Лівонская вайна, казацкі тэрор, які падрываў моц Рэчы Паспалітай знутры, крывавае вайна з расійскай дзяржавай 1654-1667 гг. Па віне маскоўцаў-захопнікаў, што неслі па нашай зямлі смерць, гвалт, мор, беларусы згубілі больш за палову насельніцтва – 52,3 % [1, Морзу J. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w II połowie XVII wieku. Poznań, 1965. S. 181].

Не складана ўявіць сабе наступствы ваенных ліхалеццяў сярэдзіны XVII ст. Выпаленыя населеныя пункты, дэпрэсія і, як вынік, – жудасны эканамічны крызіс, які не бачыла яшчэ зямля беларуская. Натуральна, што ўвесь цяжар па аднаўленню гаспадаркі Рэчы Паспалітай лёгка ляг на плечы звычайнага селяніна.

Сацыяльна-эканамічную аснову феадалізму складала сельскагаспадарчая вытворчасць, а менавіта сялянства з'яўлялася асноўным вытворчым класам гэтага грамадства. Таму асаблівую цікавасць уяўляе даследванне сацыяльна-эканамічных умоў жыцця «простага люду» і ў першую чаргу яго адносіны да асноўнага сродку вытворчасці феадальнага грамадства – зямлі.

Пры вывучэнні акрэсленай праблемы галоўнымі сярод гістарычных крыніц, натуральна, з'яўляюцца інвентарныя вопісы дзяржаўных, царкоўных і прыватных уладанняў

Інвентары дзяржаўных і прыватных уладанняў складаліся пры змене кіруючых адміністрацыйных асоб (старостаў, аканомаў, адміністрацый), перадачу зямель у арэнду ці пасля яе аканчэння, пад час рэвізій гаспадарчага стану дзяржаўных маёнткаў, часта пры іх продажы ці заставе. У цэнтры ўвагі складальнікаў інвентарных вопісаў была, як правіла, сялянская гаспадарка. Характарыстыка феадальна-залежнага насельніцтва вызначалася ў асноўным тым, якую гаспадарчую накіраванасць меў маёнтак, якая форма рэнты ў ім пераважала. Звычайна ў інвентарах насупраць кожнай улічанае сялянскае гаспадаркі запісваўся памер яе зямельнага надзелу, яго павіннасная структура (цяглы, чыншавы ці змешаны), ступень абкладання павіннасцямі.

Для выяўлення як падабенства, так і своеасаблівасцей гаспадарчага развіцця ў розных рэгіёнах Беларусі ўжываецца замацаванае ў гістарыяграфіі метадыка падзелу краіны на эканоміка-геаграфічныя зоны. Заходнія і ўсходнія землі мелі шматлікія асаблівасці і іх супастаўленне ў працэсе вывучэння дазваляе не толькі падкрэсліць спецыфічныя рысы кожнай з іх, але і выявіць асноўную тэндэнцыю сацыяльна-эканамічнага развіцця Беларусі на пэўных этапах. У гістарычнай літаратуры пад усходам нашай Радзімы звычайна маецца на ўвазе тэрыторыя, далучаная да Расійскай імперыі пасля першага падзелу Рэчы Паспалітай 1772 года. У склад цэнтральнай зоны ўключаліся Менскі, Наваградскі і Мазырскі паветы. Такі падзел апраўданы толькі з некаторымі агаворкамі, прычым толькі для канца XVIII – першай паловы XIX стст. і не зусім правамерны для вывучаемага прамежку часу. Для гэтага ж перыяду пад усходнім рэгіёнам неабходна разумець тэрыторыю, на якой у другой палове XVI ст. яшчэ не была праведзена ў шырокіх маштабах валочная памера і якая вылучалася значнай эканамічнай своеасаблівасцю (перавага грашовай рэнты і даніны) у параўнанні з фальварачна-паншчынай сістэмай на захадзе і ў цэнтры Беларусі. Цалкам, на нашу думку, правільны падзел гаспадарчых зон па ўмоўнай лініі Орша – Барысаў – Менск – Слуцк – Пінск [2, Спиридонов М. Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV-XVI вв.). Мн., 1993. С. 93]. Цэнтр Беларусі як асобная эканоміка-геаграфічная зона вылучаецца не заўсёды. Гэта тлумачыцца некалькімі прычынамі. Па-першае, гаспадарчае развіццё заходніх і цэнтральных рэгіёнаў у многім падобна, а часам нават ідэнтычна. Таму даследчыкі часта не лічаць неабходным раз'ядноўваць іх. Па-другое, пры даследванні не заўсёды мажліва правесці паўнаўартаснае параўнанне цэнтра з усходам і захадам з-за адсутнасці шырокага кола крыніц па гэтым рэгіёне. Напрыклад, большасць дзяржаўных уладанняў размяшчаліся на ўсходзе Беларусі. Цэнтр прадстаўлены адзінкавымі ўладаннямі, інвентары якіх сустракаюцца эпизадычна. Тое ж тычыцца і царкоўных уладанняў.

Выдзяляюць тры асноўныя віды феадальнай рэнты: адпрацовачную, грашовую і натуральную. У залежнасці ад формы эксплуатацыі вылучаюцца цягляя, кунічныя (чыншавікі) сяляне і даннікі.

Да першай паловы XVII ст. адзначаецца далейшае павелічэнне нормаў паншчыны. Раслі яны ў дзяржаўных, царкоўных і прыватнаўласніцкіх уладаннях (як магнацкіх, так і ў маёнтках дробнай і сярэдняй шляхты). Прычым падымае вызначэнне паншчыны ў гэты час стала даволі распаўсюджанай з'явай. Шэраг гісторыкаў адзначаюць, што ў заходніх і цэнтральных рэгіёнах Беларусі паншчына вырасла да сярэдзіны XVII ст.,

у параўнанні з сярэдняй XVI ст. прыкладна ў два-тры разы [3, Лойка П. А. Прыватнаўласніцкія сяляне Беларусі. Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI – XVIII стст. Мн., 1991. С.31].

Нормы штотыднёвай паншчыны на заходніх і цэнтральных абшарах Беларусі былі вышэйшымі, у параўнанні з усходнімі. Колькасць паншчынных дзён у тыдзень з валокі ў магнацкіх маёнтках была роўнай у сярэднім 3,7, а ў дробна- і сярэднешляхецкіх – 4,7 у цэнтральназаходнім рэгіёне; на ўсходзе ж аналагічныя паказчыкі па магнацкіх уладаннях – 2 дні, а па шляхецкім – 2,3 дні. Гэта тлумачыцца тым, што на ўсходзе Беларусі фальварачна-паншчынная сістэма ў першай палове XVII ст. не набыла такога інтэнсіўнага развіцця, як у заходніх частках дзяржавы [4, Пичета В. А. Аграрные реформы в восточных областях Литовско-Русского государства во второй половине XVI и в начале XVII в. // Белоруссия и Литва XV–XVI вв. М., 1961. С. 124].

Асноўнымі плацельшчыкамі чыншу былі чыншавыя ці кунічныя сяляне. Сплочвалі чынш і цягля, але памер грашовай рэнты ў грашовай рэнты ў гэтай катэгорыі сялян быў ніжэйшым.

Пры даследванні развіцця чыншавай павіннасці на Беларусі ў другой палове XVI – першай палове XVII ст. неабходна мець на ўвазе, што грошы з цягам часу абясцэньваліся. З тае прычыны, рэальны і намінальны рост чыншу часам – абсалютна розныя лічбы. Калі ў 1545 годзе залаты дукат (чырвоны злоты) ацэньваўся ў 50 грошаў, дык у 1578 годзе – у 56, у 1598 г. – у 58, у 1611 г. – у 70, у 1620 г. – у 120, у 1622 г. – у 140, у 1628 г. – 160, у 1631 г. – у 165 грошаў [5, Рябцевич В. Н. О чём рассказывают монеты. Мн. 1977. С. 112. 127].

Ва ўсходняй Беларусі, дзе грашовае рэнта атрымала большае развіццё, чым у заходняй, памер яе рос як у рэальным, так і ў намінальным выражэннях. У кунічных сялян усходу чынш падняўся з канца XVI ст. да сярэдзіны XVII ст. намінальна ў 9, а насамрэч ў 2,7 разы [6, Голубеў В. Ф. Сялянскае зумлеўладанне і землекарыстанне на Беларусі ў XVI – XVIII стст. Мн. 1992. С. 121].

У другой палове XVI – першай палове XVII стст. чынш у сялян захаду і цэнтру Беларусі рэальна не толькі не павялічваўся, але часам нават і памяншаўся.

Аднак, якія б павіннасці эксплуатаемага сялянскага саслоўя не пераважалі, заўжды яе дапаўнялі натуральным аброкам. За другую палову XVI – першую палову XVII стст. ён значных змяненняў не меў. Інвентары аднатыпныя ў пераліку даніны: жыта, авёс, ячмень, гусі, куры, яйкі, мёд, сена, дровы, пянька і інш.

Кола дзяржаўных павіннасцей сялян Вялікага княства Літоўскага было акрэслена ўжо напрыканцы XIV стагоддзя. Яно ахоплівала гарадскія працы (пабудова і ўтрымання абарончых збудаванняў), прадуктовую даніну, грашовыя падаткі і ваенныя павіннасці. Выконваліся яны як дзяржаўнымі, так і прыватнаўласніцкімі сялянамі

Інвентары радзівілаўскіх уладанняў Непачылавічы, Радулічы даводзяць, што тут існавала змешаная адпрацовачна-чыншавая феадальная рэнта. З трыццаці валок сяла Непачылавічы дваццаць былі цяглымі, а астатнія дзесяць – кунічнымі. З кожнай цяглай валокі чыншу плацілі 5 коп, 24 грошы. Выплочвалі сяляне гэтага ўладання і натуральны аброк: 1 гуся, 1 курыцу, з усёй вёскі ялавіцу і іншыя прадукты. Паншчына адбывалася з валокі ў тыдзень 3 дні, у час жніва з дыма 1 дзень у тыдзень [7, Archiw główny aktów dawnych (AGAD) dz. XXV, №3480/1. 1.3–7].

Не меншую цікавасць уяўляе інвентар маёнтка Пеліканы Браслаўскага павета за 1622 год, які належаў вяльможнаму пану Янушу Тышкевічу, ваяводзе Мсціслаўскаму, старосце браслаўскаму. Сяло Пеліканы мела 20 валок, з якіх спаганяліся наступныя павіннасці: з адной валокі чынша 60 грошай; 1 бочку жыта, 1 бочку аўса, 1 курыцу; 3 разы на тыдзень выходзіць на палявыя працы [8, Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ), ф. 1727. воп. 1 спр. 4. л. 119–121 адв].

Як вядома, практыка закладвання землеўласнікамі сваіх уладанняў арандатарам мела шырокае распаўсюджанне ў Вялікім княстве Літоўскім ў першай палове XVII ст. Гэтаксама бясспрэчна і тое, што цяжар абкладання павіннасцямі часовых падданных быў значна большым. Менавіта ў такіх ўладаннях найбольшым была прага ў сялян да змагання за лепшую долю. Часам такія узброеныя выступленні заканчваліся на карысць прыгнятаючага саслоўя (4 гады падданыя Крычаўскага староства трымалі ўладу ў сваіх руках).

Маёнтак Тулава Віцебскага ваяводства быў закладзены ў арэнду панам Сцяпану і Восіпу Петкавічам на чатыры гады (з 1640 па 1644 г.). Як вядома, пры перадачы зямельнай уласнасці іншаму трымальніку заўжды складаліся інвентарныя апісанні. Воласць Тулаўская новымі гаспадарамі была цалкам пераведзена на грашовы чынш. Яна змяшчала 3 дыма, якія плацілі па 12 коп, 3 дыма баярскіх, што выплочвалі 16 коп [9, Дзяржаўны гістарычны архіў Літвы. ф. 1177. воп. 1. спр. 6616. л. 2 адв.].

Такім чынам, сацыяльна-эканамічнае развіццё сялянства Беларусі ў другой палове XVII – першай палове XVIII стст. мела свае лакальныя асаблівасці. Пасля правядзення аграрнай рэформы Жыгімонта II Аўгуста 1557 г. найбольшы імпульс развіццё фальварачна-паншчыннай сістэмы гаспадарання атрымаў захад і цэнтр Беларусі. Таму тут большае развіццё

набылі адпрацовачныя павіннасці. Узровень грашовага чыншу значна вырас ва ўсходнім рэгіёне, а ў заходне-цэнтральным фактычна застаўся нязменным, ці дзе-нідзе нават зменшыўся. Прадуктовы аброк як ва ўсходнім, так і ў заходнім рэгіёнах Беларусі зменаў не пацярпеў.

Літаратура

1. Archiw główny aktów dawnych (AGAD). dz. XXV, №3480/1. л. 3–7.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). ф. 1747. воп. 1. спр. 4. лісты 119–121 адв.
3. Дзяржаўны гістарычны архіў Літвы. ф. 1177. воп. 1. спр. 6616. ліст 2 адв.
4. *Morzy J.* Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w II połowie XVII wieku. Poznań, 1965.
5. *Голубеў В. Ф.* Сялянскае землеўладанне і землекарыстанне на Беларусі XVI – XVIII стст. Мн., 1992.
6. *Лойка П. А.* Прыватнаўласніцкія сяляне Беларусі. Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI – XVIII стст. Мн., 1991.
7. *Пичета В. А.* Аграрные реформы в восточных областях Литовско-Русского государства во второй половине XVI и в начале XVII в. // Белоруссия и Литва XV – XVI вв. М., 1961
8. *Рябцевич В. Н.* О чём рассказывают монеты. Мн., 1977.
9. *Спиридонов М. Ф.* Закрепощение крестьянства Беларуси. Мн., 1993.

ПОЛИВАРИАНТНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ИСТОРИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА КАК ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

А. Н. Максимчик

Парад суверенитетов начала 90-х гг. весьма негативно сказался на развитии исторической науки на Северном Кавказе. Развернувшаяся борьба кавказских этносов за обретение собственной государственности актуализировала территориальные проблемы, подняла вопросы о политическом, экономическом доминировании того или иного народа в многонациональных республиках. Стремление сохранить целостность территории Российской Федерации, наличие значительной доли русского населения на Кавказе и многочисленной кавказской диаспоры в России на долгие годы обеспечивают актуальность изучения проблем этого региона.

Здесь первостепенная и ответственная роль принадлежит историкам региона. Дело в том, что этническая психология и самосознание народов Северного Кавказа неразрывно связаны с их историей. Свойственное народам Кавказа уважение к предкам, глубина исторической памяти, зафиксированная не только в хронике, но и в исторических преданиях, ге-

неалогиях, особенности социально-экономического и культурного развития – все это обусловило формирование менталитета, тяготеющего к истории. Поэтому на Кавказе так велик интерес к истории и результатам исторических исследований. Без преувеличения можно сказать, что история стала инструментом этнокультурной самоидентификации народов, она в значительной степени формирует общественное сознание [1, с. 5].

Изучение истории северокавказских этносов в настоящее время развивается в двух направлениях. Первое связано с разработкой политически актуальных для кавказских этносов вопросов. С начала 1990-х и до сего дня остаются ведущими проблемы этногенеза народов Северного Кавказа, Кавказской войны, депортации, геноцида и т.д. [2]. Второе составляют немногочисленные работы, не представляющие политического интереса и методологический плюрализм 90-х гг. их практически не затронул.

Все этапы развития российского кавказоведения очень чувствительно реагировали на те процессы, которые происходили в обществе (первоначально в вопросах вхождения народов Северного Кавказа в состав России в советской науке господствовала идеологема об «абсолютном зле», затем сменившая концепция «наименьшего зла», период «оттепели» и т.д.).

В настоящее время требуется широкий, строго аргументированный научный подход к вопросу о присоединении народов к России. Требуется провести анализ и синтез материалов на трех основных уровнях: субрегиональном, региональном и общероссийском. Российская держава складывалась, как известно, в хронологических пределах двух формаций: феодальной и капиталистической. Каждой из них были присущи свои особые черты, которые влияли на характер присоединения и развитие народов в составе единой державы [3, с. 10].

В данный момент пока еще нет глубоко проработанной историко-методологической модели присоединения. Обозначаются, но в достаточно условном смысле два основных типа: мирный и военный. Каждый из них, в свою очередь, можно подразделить на несколько подгрупп. Первая из выделяемых категорий включает в себя такие события, как добровольное присоединение на базе волеизъявления от имени правящей династии, представителей господствующего класса либо народных собраний [4].

Сущность второй формы выражалась в прямых территориальных захватах, осуществлявшихся в результате конфликтов и войн. Процесс завершался включением соседних регионов в политическую систему Российского государства [5].

В отдельный подтип можно выделить немногочисленные случаи установления протектората в ходе дипломатических акций и военных кампаний. К этой же группе можно отнести и международные договоры, за-

ключенные при разделе территорий и после окончания войн с сопредельными государствами [6].

Историко-типологическое изучение выявляет любопытную картину сочетания различных путей вхождения народов в общий процесс образования Российской империи. Однако их научная группировка серьезно затрудняется иногда отсутствием абсолютно чистого типологического ряда. В этой схеме оказываются смешанные, комбинированные виды и их сочетания [7].

В постсоветский период исследователи Г. Х. Мамбетов, Б. К. Мальбахов и К. Ф. Дзамихов разрабатывают концепцию военно-политического союза Кабарды с Россией (середина XVI – 70-е гг. XVIII в.) [8]. Дзамихов сформулировал методологические принципы подхода к рассмотрению проблемы. В ней речь идет о необходимости избегать прямого и буквального толкования смысла тех или иных актов, оформлявших русско-кабардинские отношения в XVI – первой половине XVIII в. в современных политико-правовых терминах, что ведет к неоправданной «модернизации» характера этих актов. Если же идти от конкретно-исторических явлений и искать адекватные им понятия, то оказывается, что «смысл», значение актов того периода для обеих сторон и реальная практика русско-кабардинских отношений больше соответствует понятию военно-политического союза, имевшего в основе договор о покровительстве 1557 г. и фиксировавшегося в характерных для той эпохи формах (и формулах) феодального вассалитета [9].

Российский взгляд на проблему формирования многонационального Российского государства во многом находится под влиянием дореволюционной историографии [10]. Именно в 90-е гг. XX в. шел процесс переизданий дореволюционных историков (В. А. Потто, Н. Ф. Дубровин, С. М. Броневский и др.), идеи М. Н. Покровского стали фигурировать в исторической литературе [11].

Анализ обширного материала на основе историко-сравнительного метода в исследовании, позволяет сделать следующие выводы:

- ни одна из интерпретаций присоединения Северного Кавказа к России, не была отброшена исторической наукой как антинаучная. Все они обладают аргументацией, необходимой для признания их научными концепциями. В российском кавказоведении отсутствует даже вопрос об антинаучности какой-либо из них. Новые возникали как альтернативы существующим. В разные исторические периоды наблюдается доминирование определенных интерпретаций исторических событий, причинами которого являются господствующие в обществе установки;

- с момента возникновения первых интерпретаций и по настоящее время в российском кавказоведении не появилось таких новых фактов, которые позволили бы уменьшить их число. Например, число фактов, работающих на концепцию «завоевания», во много раз превосходит число фактов, работающих на концепцию «добровольного вхождения», и наоборот. При этом эти два процесса шли параллельно, а поэтому нельзя ни один из них обобщать на весь Северный Кавказ;

- многообразие интерпретаций присоединения северокавказского региона к России строится на различном понимании одних и тех же исторических документов. Обращает на себя внимание то, что любой текст имеет подтекст, причем как управляемый, так и неуправляемый. Методологический и мировоззренческий уровень исследователя существенно влияет на выделение и понимание этого подтекста, а, следовательно, и на понимание всего текста документа.

Войны и репрессии принесли кавказским народам огромные страдания. Однако вряд ли это может оправдать ненаучную аргументацию, весьма часто используемую в исторической литературе.

Литература

1. Кузнецов В. А., Чеченов И. М. История и национальное самосознание. Проблемы современной историографии Северного Кавказа. Пятигорск, 1998
2. Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М., 2003; Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006; Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа / К. С. Гаджиев. М., 2001; Алексеева Б. П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. М., Кисловодск, 1993 и др.
3. Агаджанов С. Г. Основные проблемы истории образования и развития многонационального Российского государства // История и историки. М., 1995. С. 6–15
4. Матвеев В. А. Исторические особенности утверждения геополитических позиций России на Северном Кавказе (дискуссионные аспекты проблемы и реальности эпохи) / Под ред. и с предисл. В. Б. Виноградова. Армавир, Ростов-на-Дону, 2002; Виноградов В. Б. Российский Северный Кавказ: факты, события, люди. Под ред. проф. С. Л. Дударева. Москва-Армавир, 2006; Блиев М. М. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. / М. М. Блиев, Р. С. Базаров. Владикавказ, 2000/
5. Россия и Черкесия (вторая половина XVIII - XIX вв.). Майкоп, 1995; Анчабадзе Г.З. Вайнахи. Тбилиси, 2001; Бейтуганов С. И. Кабарда и Ермолов. Очерки истории. Нальчик, 1993; Боков Ф. П. По поводу концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России: Теоретическо-методологический аспект. Грозный, 1990
6. История Дагестана с древнейших времен до наших дней / Ин-т истории, археологии и этнографии. В 2 т.: Т. 1: История Дагестана с древнейших времен до XX века. Отв. ред. Османов А.И. М.; 2004 и др.
7. Аутлеев П. У. Адыгея в хронике событий (с древнейших времен до 1917 года). Майкоп, 1990; Блиева З. М. Российско-чеченские отношения в XVII – середине

- XVIII веках// Вопросы истории. 2003. № 12. С. 47–61; *Бирюков А. В.* Российско-чеченские отношения в XVIII – середине XIX века // Вопросы истории. 1998. № 2 С. 47–59 и др.
8. *Мальбахов Б. К., Эльмесов А. М.* Средневековая Кабарда. Внутренние и внешние аспекты истории. Нальчик, 1994; *Дзамихов К. Ф.* Адыги: вехи истории. Нальчик, 1994
9. *Дзамихов К. Ф.* Адыги и Россия. Формы исторического взаимодействия. М., 2000. С. 110-123
10. Присоединение Кавказа к России. XIX век. СПб., 2005; Россия и Чечня. 200-летняя война: Сб. Сост. А. Блинский. СПб, 2000 и др.
11. *Гаджиев В. Г., Борохова И. М.* Н. И. Покровский и его роль в развитии отечественного кавказоведения // Научная мысль Кавказа. 1998. № 1. С. 72–79

ЖУРНАЛІСЦКАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ В. КНОРЫНА Ў 1917–1920 ГГ.

Д. А. Марціновіч

Пачатак журналісцкай дзейнасці Кнорына шчыльна звязаны з выданнем газеты «Звязда», якая першапачаткова выходзіла па-руску, і толькі з 1925 года на беларускай і рускай мовах (а з 1927 года толькі па-беларуску). Яе першы нумар выйшаў у Мінску 27 ліпеня 1917 года накладам 3000 асобнікаў [6, с. 100]. Спярша газета выдавалася як орган Мінскага камітэта РСДРП(б), а пасля Паўночна-Заходняга абласнога камітэта РСДРП(б) [2, с. 122]. Як сцвярджае В.Солскі, рэдактарам «Звязды» прызначылі А.Мяснікова [6, с. 101], а вось аўтары «Гісторыі беларускай жуналістыкі» называюць першымі рэдактарамі М.Фрунзе і А.Мяснікова [2, с. 122]. Разам з тым прызначэнне Мяснікова мела фармальны характар, паколькі яго хоць і прызначалі на шматлікія пасады, але канкрэтную працу за галоўнага рэдактара рабілі іншыя [6, с. 101]. Газету фактычна выпускалі тры чалавекі: Кнорын (афіцыйна ён узначальваў аддзел унутранага і замежнага агляду, а таксама працаваў адказным сакратаром), яго памочнік Алібегаў і сакратар рэдакцыі Галкін, якія актыўна карысталіся «нажніцамі» (творча пераапрацоўвалі або проста перапісвалі асобныя матэрыялы з цэнтральных газет). Але гэта з’ява была распаўсюджана нядоўга, бо неўзабаве (у канцы ліпеня) большавіцкія цэнтральныя газеты былі закрыты па загаду Часовага ўрада.

У новых умовах газеце даводзілася самой выпрацоўваць свой курс. «Звязда» пісала аб праследаваннях большавікоў у Петраградзе і на фронце, выступала супраць Часовага ўрада, але вызначанай палітычнай лініі ў яе не было. Да намераў Леніна кіраўніцтва «Звязды» ставілася, калі верыць В.Солскаму, даволі скептычна. Кнорын увогуле быў праціўнікам такіх намераў [6, с. 116], у тым ліку і таму, што супрацоўнікам даводзілася працаваць у складаных мясцовых умовах, дзе значная ўлада

належала мясцовай ваеннай адміністрацыі, якая магла зачыніць газету. Менавіта гэтым было выклікана з'яўленне ў «Звяздзе» патрыятычных артыкулаў, у якіх усхвалялася мужнасць салдат на фронце. Яны пісаліся часцей за ўсё Кнорыным [6, с. 117], які хацеў выратаваць газету. Але гэта не дапамагло. 23 жніўня камісар Часовага ўрада Жданаў, які спаслаўся на загад камандуючага Заходнім фронтам, выдаў загад аб закрыцці «Звязды». Яе друкарня была канфіскавана.

15 верасня замест яе пачала выходзіць газета «Молат», галоўным рэдактарам якой быў прызначаны В.Кнорын. Апошняе рашэнне было зацверджана на Паўночна-Заходняй абласной канферэнцыі РСДРП(б), якая праходзіла 15-18 верасня 1917 года. Паводле словаў самой рэдакцыі, «Молат» быў працягам закрытай 23 жніўня «Звязды». Газета паспела выдаць 18 нумароў [2, с. 125], пасля чаго 6 кастрычніка была зачынена. Да гэтага прывёў рапарт камандуючага Заходнім фронтам генерала Балыева Вярхоўнаму галоўнакамандуючаму. Балыеў пісаў, што «Молат» вылівае цэлыя патокі бруду на вышэйшы камандны склад і афіцэрства» [6, с. 133], што адначасова вярхоўнае камандаванне абвінавачваецца ў зацягванні вайны з мэтай задушэння дэмакратыі. Балыеў прывёў шмат цытат з «Молата» і запатрабаваў распараджэння аб закрыцці газеты і рэквізіцыі тыпаграфіі, паколькі «характар дзейнасці «Молата» трэба прызнаць безумоўна шкодным у чыста ваенных адносінах» [6, с. 133]. Газета, на думку генерала, адмоўна дзейнічала на армію. Неўзабаве «Молат» быў закрыты, але канфіскаваць тыпаграфію ўлады не здолелі, паколькі яе ахоўвалі па-бальшавіцку настроеныя ўзброеныя салдаты.

Паколькі тыпаграфію бальшавікі захавалі, на 2-ой надзвычайнай Паўночна-Заходняй канферэнцыі РСДРП(б), было прынятае рашэнне выдаваць замест «Молата» новую газету пад назвай «Буравеснік», якая стала выходзіць з 8 кастрычніка. Галоўным рэдактарам застаўся В.Кнорын. Як сцвярджае В.Солскі, традыцыі выкарыстання «нажніц» захоўваліся: «бальшавіцкая прэса.. перадрукоўвала... артыкулы з газеты “Рабочы шлях”», якая «замяніла петраградскую “Праўду”, што была зачынена пасля ліпеньскіх падзей... “Рабочы шлях” у Мінску нельга было атрымаць. Сувязь з цэнтрам яшчэ пагоршылася, акрамя таго цалкам развалілася пошта... Бальшавікі неяк ухітраліся атрымліваць адзін-два нумара “Рабочага шляху”. У іх тады друкаваліся лісты Леніна. “Молат”, а потым “Буравеснік” гэтыя лісты перадрукоўвалі. Ленін тады адкрыта пісаў пра паўстанне, час для якога, на яго думку, ужо наступіў. Такая пазіцыя знаходзілася ў яўнай супярэчнасці з палітыкай бальшавікоў Заходняй вобласці» [6, с.136].

Тым не менш, пазіцыя У.Леніна перамагла. 25 кастрычніка (7 лістапада па новым стылі; у далейшым даты падаюцца менавіта па новым стылі) у Петраградзе адбылася Кастрычніцкая рэвалюцыя. У той жа дзень у Мінску выйшаў чарговы нумар газеты «Буравеснік» з адозвай, якую напісаў Кнорын.

Пад назвай «Буравеснік» газета выходзіла да 1 лістапада 1917 года, пасля чаго вярнулася да сваёй першапачатковай назвы «Звязда». «Сёння мы звяртаемся да сваёй першапачатковай назвы, да нашай “Звязды”. З яе мы пачыналі сваю цяжкую працу ў заходнім краі і з ёю разам у гэтыя адказныя дні пойдзем да поўнай перамогі...» – сцвярджалася ў перадавым артыкуле «Звязды» за той дзень [4].

У наступныя месяцы актыўнасць журналісцкай дзейнасці В.Кнорына перажывае відавочны спад. Журналістыка ў яго жыцці часова адышла на другі план, паколькі Кнорын займаў шэраг адказных пасадак. Так, у апошнія месяцы 1917 года ён з’яўляўся членам Ваенна-рэвалюцыйнага камітэта Заходняга фронту і Паўночна-Заходняй вобласці, упраўляючым справамi Саўнаркома пры Абласным выканаўчым камітэце Саветаў Заходняй вобласці і фронту (Аблвыканкамзаху), замаў асобныя іншыя пасады.

Журналісцкая дзейнасць В.Кнорына аднавілася ў лютым 1918 года, калі ён пераехаў у Смаленск, куды з-за наступлення нямецкіх войскаў, што пачалося 18 лютага 1918 года, быў перанесены з Мінску цэнтр Заходняй вобласці. У гэтым горадзе Кнорын працаваў да снежня 1918 года і рэдагаваў газеты «Звязда» (газета Паўночна-Заходняга абласнога і Смаленскага губернскага камітэтаў РКП(б), «Известия» [3, с. 108], якая, відаць, была адной з мясцовых смаленскіх газет, і «Заходняя камуна» (афіцыйны орган выканкома Саветаў Заходняй вобласці – Заходняй Камуны).

У пачатку 1919 года, адзначанага абвяшчэннем незалежнасці БССР, у журналісцкай дзейнасці Кнорына адбыліся пэўныя змены. 2 студзеня 1919 года на 3-ім пасяджэнні Цэнтральнага бюро Камуністычнай партыі (большавікоў) Беларусі па пытанні аб друкаваных органах была прынятая наступная пастанова: «Газета «Звязда» пераводзіцца ў Мінск, у рэдакцыйную калегію ўваходзяць тт. Мяснікоў і Кнорын» [1, с. 50].

Але ў першую палову 1919 года Вільгельм Кнорын, захоплены палітычнымі падзеямі журналістыкай актыўна не займаўся. З пачаткам польскай акупацыі ён зноў пераехаў у Смаленск, дзе працаваў з жніўня 1919 да 12 чэрвеня 1920 года. Там Кнорын займаў пасаду ваеннага камандзіра Смаленскай акругі. Адначасова з восені 1919 года В.Кнорын

працягваў выданне газеты «Звязда» як штотыднёвіка (выданне выходзіла ў Смаленску да жніўня 1920 года).

Адначасова з 1 лютага 1920 года ў Смаленску на беларускай мове выходзіла газета «Савецкая Беларусь» (выдавалася да 1933 года). Першыя дзесяць нумароў выдаваліся два разы на тыдзень рэдакцыйнай калегіяй ЦК КП(б) Літвы і Беларусі як двухтыднёвы часопіс [5, с. 198]. Першы нумар быў падпісаны рэдактарамі А.Бурбісам, В.Кнорыным, А.Чарвяковым, Ф.Шантыром. Яны ж склалі першую рэдкалегію газеты, якая без зменаў функцыянавала да выдання чацвёртага нумара, пасля чаго яе склад змяніўся, і Кнорын там больш не фігурыраваў [2, с.140].

Журналісцкая дзейнасць Вільгельма Кнорына была даволі актыўнай, хоць і не аднароднай. Яна характарызавалася як творчай, так і арганізатарскай актыўнасцю В.Кнорына, які ў дастаткова складаных умовах не толькі пісаў для газет шэраг матэрыялаў і перадавых артыкулаў, але часам быў вымушаны арганізоўваць газетнае выданне. Месцамі працы В.Кнорына былі Мінск, а таксама Смаленск, аўдыторыяй – насельніцтва этнічнай часткі Беларусі, а таксама асобных заходніх раёнаў Расіі, якія ў 1918 годзе ўваходзілі ў Заходнюю камуну.

Можна канстатаваць, што Вільгельм Кнорыну стаяў ля вытокаў беларускай бальшавіцкай журналістыкі.

Літаратура

1. 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии: документы и материалы. – Мн., 2005.
2. Булацкі Р.В., Сачанка І.І., Говін С.В. Гісторыя беларускай журналістыкі. – Мн., 1979.
3. Вильгельм Георгиевич Кнорин// История СССР. 1967. № 2. – С. 105-110.
4. Звезда. 1917. 1 ноября.
5. Конан У. «Савецкая Беларусь»// Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 6 Кн. 1. – Мн., 2001. – С. 198.
6. Солский В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте. – Мн., 2004.

АВЕСТИЙСКОЕ ЖРЕЧЕСТВО И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ПОНИМАНИЯ

А. С. Миксюк

Авеста – священная книга зороастрийцев и древнейший письменный памятник иранцев. Ее создание, судя по особенностям языка, содержанию и ряду социально-исторических моментов, относят к IX-VI вв. до н. э., а родиной принято считать Среднюю Азию.

Нет сомнений в том, что жречество играло особую роль в древнеиранском обществе. Однако обрывочность сведений, а также большое коли-

чество различных терминов, имеющих отношение к жреческой деятельности, усложняют вопрос понимания авестийского жречества. Всего в Авесте упоминается 12 терминов, обозначающих жреца.

Āθrauan – один из самых часто упоминающихся терминов в Авесте. Термин происходит от слова âtar (огонь) + суффикс -van- (суффикс деятеля). Культ огня возник задолго до реформы Заратуштры и составлял едва ли не главную часть авестийского служения богам. Так, в Гатах, древнейшей части Авесты, единственным упоминаемым ритуалом является чтение молитв перед священным пламенем огня с воздетыми к небу руками.

Далее можно выделить группу из 8 терминов, которые появляются лишь в Младшей Авесте (Видевдат 5, 57-58; Видевдат 7, 17-18; Висперад 3, 1) и всегда упоминаются все вместе, за исключением первого жреца в списке.

Zaota – термин также упоминается достаточно часто, встречается в Старшей Авесте. Существует две наиболее вероятные теории его происхождения. Представитель гейдельбергской школы, создатель знаменитого «Древнеиранского словаря» Хр. Бартоломе считал, что корень zhautar- восходит к индоиранским временам, в котором соединились два значения: «тот, кто проводит возлияния» и «тот, кто призывает богов». Другой исследователь Дж. Дармштетер полагал, что термин происходит от корня zv- (звать) [4]. Исходя из текста Авесты, Zaota – это тот, кто «говорит» (Ясна 3, 24), кто «быстр в совершении жертвоприношений, громкий в песнопениях» (Ясна 10, 89), кто «предлагает хаому» (Яшт 10, 120).

Nāvanan – термин произошел от слова haomō (хаома – ритуальный напиток), havanəm (Асс.) – два предмета для выжимания хаомы. Таким образом, функции данного жреца – это приготовление священного напитка.

Ātravaḥša – термин произошел от слова âtar (огонь) + корень vkš- (расти), дословно может быть переведен как «вращивающий огонь».

Fraβərəθa – преверб fra- (вперед) + корень br- (нести) + суффикс -tr- (суффикс деятеля), дословный перевод – «выносящий».

Ābərəta – многозначный преверб â- + корень br- (нести) + суффикс -tr- (суффикс деятеля). Очевидно, функции данного жреца были схожи с функциями предыдущего и заключались в доставке ритуальных инструментов во время проведения обрядов.

Āsnaθa – многозначный преверб â- + корень snə- (мыть) + суффикс -tr- (суффикс деятеля), дословно – «вымывающий», следящий за чистотой ритуальных инструментов, сосудов и т.д.

Raēṣwiškara – функции данного жреца схожи с перечисленными выше, он выполнял различные действия во время жертвоприношений, а также читал гимны и молитвы.

Sraošāvarəza – термин произошел от имени иранского божества Sraošō (послушание, дисциплина, внимание) + корень vrz- (действовать). Данный жрец являлся «дисциплинарным исполнителем», следившим за порядком в храме [1, с. 318].

Таким образом, можно сделать следующий вывод: подобное терминологическое разделение жречества производилось исключительно на основании выполняемых функций и не имело никакого влияния на положение жреца в обществе. Это подтверждает и тот факт, что все восемь терминов перечисляются в Авесте без указания превосходства какого-либо одного из них.

И, наконец, можно выделить последнюю группу жрецов, состоящую из трех терминов. Их объединяет тот факт, что в Авесте они упоминаются исключительно с негативной окраской.

Karapaṇō – данный термин происходит от санскр. kalpa (ритуал) или от авестийского kar- (бормотать) [3, с. 20]. В Авесте используется применительно к жрецам враждебного культа.

Kava – термин с двойственным значением. С одной стороны, мы встречаем его всякий раз, как идет речь о служителях враждебного культа, часто он употребляется вместе с термином Karapaṇō (Яшт 14, 4; Ясна 9, 18). С другой стороны, кавиями называли восемь правителей, членов царской династии, позже названной Кейянидами, и покровителя пророка – Виштаспу (Ясна 12, 7; Яшт 17, 49–51). Причем, кави Виштаспа был последним правителем, который носил этот титул, последователи его титула не имели. Множество споров вызывает происхождение термина. Возможно, у арийцев он обозначал вождя племени, который выполнял религиозные обряды, произносил соответствующие гимны богам. В Индии слово «кави» обозначало жреца-кудесника, сведущего в магии, или посвященного в таинства, мудреца и поэта [2, с. 63]. Возможно, в древнеиранском обществе кави могли выполнять жреческие функции, являясь своеобразными «жрецами-царями», поддерживающими старые арийские культы и традиции.

Usiṣ – термин происходит от санскр. usiṣah [3, с. 20]. В Авесте термин упоминается лишь один раз (Ясна 44, 20). Некоторые исследователи возводят существование термина к протоиндоарийским временам, когда он обозначал определенный класс жрецов. Линкольн полагал, что данным термином обозначался жрец, который оказывал помощь воинам в захвате скота, потому в Авесте термин упоминается с отрицательной окраской [4].

Таким образом, грамматический анализ терминов может дать дополнительные сведения, которые отсутствуют в тексте самого источника, а также разъясняет функции, выполняемые жречеством.

Литература

1. Соколов С. Н. Язык Авесты. Л., 1964.
2. Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.
3. Dhalla M. History of Zoroastrianism. NY. 1938.
4. Интернет-адрес: <http://tenets.zoroastrianism.com/priest33.html>

КВАТЭРНАЕ ПЫТАННЕ МЕНСКА Ў 20-Я ГГ. ХХ ст

Т. Ул. Мірановіч

На сённяшні дзень у гістарычнай навуцэ існуе разуменне таго, што для поўнага дакладнага адчування той ці іншай гістарычнай эпохі не дастаткова толькі палітычнага, эканамічнага, культурнага агляду. Неабходна разглядаць праблему ўсебакова, у тым ліку, звяртацца і да паўсядзённага жыцця. Дадзеная праца накіравана на тое, каб ахарактарызаваць адзін з аспектаў паўсядзённага жыцця жыхароў Менска, а менавіта кватэрнае пытанне, якое безумоўна застаецца актуальным і на сённяшні дзень. Асноўныя мэты даследвання: прааналізаваць стан жыллёвага фонду Менска ў 1920-х гг. Храналагічныя рамкі вызначаюцца 1921 – 1930гг.

Даследванне ў асноўным будзецца на фактычным матэрыяле крыніц, і ў першую чаргу перыядычных выданняў. Найбольш карыснымі для напісання працы былі штодзённыя газеты «Звязда» і «Савецкая Беларусь», якія мелі найбольшы тыраж у той час на тэрыторыі БССР і найбольш зместоўна адлюстроўвалі грамацка-палітычныя працэсы. НЭП садзейнічаў пэўнай лібералізацыі ў галіне друку, таму мы можам з большай доляй упэўненасці спасылацца на прыведзеныя ў газетах матэрыялы. Да таго ж, падчас адсутнасці глыбокіх даследванняў матэрыяльнай культуры Менска міжваеннага перыяда, ў пэрых аспектах дадзеныя газет з'яўляюцца адзінай крыніцай інфармацыі.

Статус сталіцы Беларусі Менск набыў 8 студзеня 1919, у 1920-я гг адбываецца замацаванне сталічных функцый, Менск становіцца навуковым, культурным цэнтрам Беларусі. Спецыфічным было геапалітычнае становішча: у адпаведнасці з Рыжскім мірным дагаворам 18 сакавіка 1921г. мяжа паміж Польшчай і Беларускай ССР праходзіла ўсяго ў некалькіх дзесятках кіламетраў на захад ад Менска.

Пачатак 1920-х гг. для Менска характарызуецца станам крызісу і вялікімі стратамі пасля войнаў. На працягу дзесяцігодзя вяліся мера-

прыемствы па аднаўленню эканомікі, стабілізацыі жыцця. Але матэрыяльнае становішча насельніцтва заставалася складаным. На пачатак 1920-х гг. Менск з'яўляўся адным з самых дарагіх гарадоў СССР. Нестабільнасць цэн, іх хуткі рост былі, часам, большымі чым па ўсёй РСФСР, напрыклад, на лістапад 1922 па цэнах на тавары першай неабходнасці і на харчовыя прадукты Менск стабільна ўваходзіць ў чацвёрку самых дарагіх гарадоў [10, №276 (681) 13 снежня 1922]. Да таго ж, па памерах заробку БССР значна адставала ад іншых рэспублік СССР [3, с. 169]. У гэты час назіраецца дынамічны рост насельніцтва горада. Згодна перапісам, колькасць жыхароў Менска ў 1922г. складала 102375 чалавек, а ў 1930г. – каля 147555, кожны год прырост насельніцтва складаў 7,15% [8, с. 142].

Пад час войнаў, акупацыі значная частка жылёвых будынкаў была спалена, разбурана, другая частка прышла ў стан нягоднасці, пачынала руйнавацца (у ацалелых дамах працякалі дахі і прагнілі падлогі, сцены і столі, аселі вуглы, лесвіцы не мелі поручняў, вокны – шкла, большасць печаў не былі прыгодны для выкарыстання). Жыллёвы фонд Менска толькі ў 1926г. набліжаецца да паказчыка 1911г., пасля таго, як шырока былі распачаты мерапрыемствы па будаўніцтву новага жылля. На 1911г. гарадская нерухомасць складала 10300 будынкаў, з 8000 жылымі дамамі [11, с. 89], а ў 1926 – 6763 забудаваных уладанняў з 9728 жылымі будынкамі і 7918 нежылымі грамацкага прызначэння [1, с. 297]. Жыллёвы крызіс паглыбляўся тым, што ў Менску, як у сталіцы, ўзрастала колькасць грамацкіх устаноў. Імі было занята, па розных крыніцах, ад 33% [6, с.12] да 44,8% ад агульнай колькасці будынкаў [1, с.273].

На працягу 1921–1924г. пераважна праводзіліся мерапрыемствы па падтрымцы і аднаўленню захаваўшагася гарадскога жыллёвага фонду. Новага жылля амаль не будуюцца, на працягу 1921–24гг. жылёвы фонд павялічваўся практычна толькі за кошт будаўніцтва дамоў індывідуальнай забудовы. Дзяржава дапамагала грашовымі крыдытамі і будаўнічымі матэрыяламі. Індывідуальная забудова пераважае як від жыллёвага будаўніцтва, у 1920-я гг. яна складае больш 80% ад гарадской забудовы. Для гэтых мэтай рабочым і служачым выдзяляліся зямельныя пляцоўкі 0,15-0,6га, распаўсюджаны выпадкі самавольнага захопу зямлі дзеля распачынення будаўніцтва. Забудоўшчыкам рабіліся ільготы, выдаваліся пазыкі да 10 год, па якіх спаганялася не вышэй 3% гадавых. Арэндная плата за участкі не спаганялася да заканчэння трохгадова тэрміну пасля ўзвядзення жылля. Значную частку жыллёвага фонду складалі дамы барачнага тыпу. Узводзіліся яны на ўскраінах горада па некалькі будынкаў побач і складалі пасёлкі барачнага тыпу.

Дзяржаўнае будаўніцтва жылля вялося ў нязначных памерах (у 1923г. яно складала каля 1%) [3, с. 174]. Дзяржаўныя мерапрыемствы па будаўніцтву новага жыллёвага фонду распачынаюцца з сярэдзіны 1920-х гг. Увесну 1925г. у Менску быў адкрыты Беларускі банк Камунальнай гаспадаркі і Кватэрнага будаўніцтва. Банк выдаваў пазыкі жыллёвым таварыствам, крыдытаваў рамонт і паліўныя патрэбы па векселям ці пад залог рухомай маёмасці, найбольш прыемлімай формай пагашэння пазыкі з'яўляліся ўзносы з рэшткаў кватэрнай платы за пакрыццё расходаў таварыства.

Праца па рамонту і будаўніцтву вялася на сродкі, якія адлічваліся ў фонд паляпшэння побыту рабочых і служачых з дзяржаўнай прамысловасці і транспарту. Для адшукання сродкаў на будаўніцтва спаганяўся падатак з лішкаў займаемага пляцу т.зв. «напрацоўнага элемента», у маі 1924г з лішкаў было сабрана 14678руб. 90кап [10, №208 (1205) 9 вер.1924]. А з сакавіка 1925г. уведзена падатковае абкладанне ўсёй жылой плошчы, займаемай непрацоўным элементам [5, № 52 (1962) 4 сак.1925].

Недахоп будаўнічых матэрыялаў стрымліваў разгортванне жыллёвага будаўніцтва ў патрэбных аб'ёмах, асабліва не хапала кровельнага жалеза, сантэхнічнага абсталявання, водаправодных і каналізацыйных труб. Галоўным чынам узводзіліся драўляныя дамы, мураваныя ў 1926г. складалі ўсяго 4,4% ад усіх забудоў [3, с. 170]. Дробнае двух-чатырох кватэрнае аднапавярховае будаўніцтва з'яўлялася даволі дарагім. Да таго ж пасёлкі мелі паўвясковы выгляд з малой шчыльнасцю (120–140 чалавек) на гектар будаўнічай плошчы [7, с.108]. Жыццё патрабавала пераходу на больш буйное, двухпавярховае, драўлянае, шматкватэрнае будаўніцтва. Для забяспячэння працоўных жыллём пачынаюць узводзіцца т.зв. «рабочыя пасёлкі». У 1925г. будаўнічыя кааператывы прыступілі да ўзвядзення некалькіх рабочых пасёлкаў у раёне Ляхаўкі (сённа раён вуліц Свярдлова, Ульянаўскай, Кастрычніцкай), вакзала, пасёлака Камінтэрн (сённа раён фабрыкі Камунарка) і іншых месцах. Першапачаткова гэта было дробнае драўлянае 2–4 кватэрнае аднапавярховае будаўніцтва, пазней – 16 кватэрныя дамы з двума пад'ездамі.

Пачынаючы з 1927г. у планах жыллёвага будаўніцтва паралельна з драўляным з'яўляецца і цаглянае. Першыя з цагляных будынкаў узводзяцца на сродкі кааператываў служачых дзяржаўных ўстаноў. Гэта былі не вялікія, на 4-8 кватэр дамы, узводзіліся яны пераважна ў цэнтральных раёнах. Напрыклад: жылыя дамы кааператываў таварыства «Госбанковец» па вул. Валадарскага (1927), 6-кватэрны дом па вул К. Маркса ля сада імя Профінтэрн (сённа парк імя Горкага)

пабудаваны на сродкі настаўнікаў (1928г.) [2, с.24]. У гады першай пяцігодкі (1928 – 1932гг.) пачынаецца ўзвядзенне шматкватэрных жылых дамоў. Гэтаму садзейнічае павялічэнне выпуску цэглы на прадпрыемствах Менска. На працягу 1920-х забудова была неарганізаванай і хаатычнай, але ўзводзіліся і рацыянальна, эканамічна спраектаваныя дамы: 73 кватэрны дом Наркомлеса па вул. К. Маркса 1928–32гг), два 112 кватэрных дома для рабочых і служачых Чыгункі па вул. Маскоўскай, Кірава [2, с.31].

На прыканцы 1920-х была зроблена спроба ўзводзіць дамы са спецыяльнымі грамацкімі памяшканнямі, такія дамы атрымоўвалі назву дамоў-камун. Але такія будынкі не ўлічвалі рэальных патрэб жыхароў, па некалькі разоў перабудоўваліся, наогул, ў Беларусі не набылі шырокай распаўсюджанасці.

У Менску ў 1920-х гг. камунальныя кватэры не сталі асобнай спецыфічнай формай жылля. Таму што на пачатак 1920 значная частка жылых буйных будынкаў была зруйнавана, на працягу наступных гадоў пераважна ўзводзіліся індывідуальныя дамы-хаты сялянскага тыпу і невялікія, малакватэрныя дамы, па гэтай прычыне не склалася фонду для камунальных дамоў. Па-другое, мелася тэндэнцыя для размежавання кватэр-пакояў у муніцыпалізаваных дамах, якія перадаваліся працоўным. Перад засяленнем рабілася невялікая перапланіроўка, каб размежаваць вялікі пакой, ці кватэру, тым самым зрабіць ізаляваную жылую плошчу, асобны ўваход.

Наогул, у 1920-я гг. назіраўся востры недахоп жыллёвай плошчы. Часам, пад жыллё адводзіліся падвальныя, чардачныя, прыстасоўвалі нежылыя памяшканні. Нягледзячы на пашырэнне жылёвага будаўніцтва, сярэдняя норма жыллёвай плошчы на аднаго чалавека пачынаючы з 1923г. штогод зніжалася. У 1920-я гг. пачынае складвацца сучасная сістэма забяспячэння жыллём.

Літаратура

1. Белорусская ССР в цифрах 1919 – 1929гг. Мн., 1930.
2. *Воинов А. А.* Жилищное строительство в Белорусской ССР. Мн., 1980.
3. Гісторыя Беларусі: ў 6 т. Т.5 Мн., 2006.
4. Гісторыя Мінска. Рэд. Бабкова У. А. Мн., 2006.
5. Звязда. – №4 (1325) 6 студзеня 1923. – 18 студзеня 1923. – №82 (1992). – № 52 (1962) 4 сакавіка 1925. – №82 (1992) 11 красавіка 1925. – № 149 (2059) 3 ліпеня 1925. – № 152 (2062) 6 ліпеня 1925. – № 159 (2069) 1925. – №162 (2071) 18 ліпеня. – 1925. – №4 (2213) 4 студзеня 1926. – №: 6 (2216) 8 студзеня 1926. – №10 (2220) 13 студзеня 1926. – №13 (2223) 1926. – № 28 (2238) 2 лютага. – №30 (2240) 1926. – №31 (2241) 1926. – № 224. 30 верасня 1926.
6. *Лья Куркоў.* Мінск незнаёмы 1920–1940. Unfamiliar Minsk 1920–1940. Мн., 2002.

7. *Леановіч І. А.* Жыллё рабочых г. Мінска ў даваенны перыяд (1917–1941гг.)// *Весці Акадэміі Навук Беларускай ССР № 1.* 1974. Серыя грамацкіх навук. С. 104–112.
8. *Мінск. Краткая хроніка:(ноябрь 1917 – 1966).*Мн., 1966.
9. *Памяць. Мінск у 4–х кнігах. Кніга 3.*Мн., 2004.
10. *Савецкая Беларусь. – №276 (681) 13 снежня 1922. – № 221 (626) 5 кастрычніка 1922. – №208(1205) 9 верасня 1924 . – №79 (1378) 8 красавіка 1925 . – №81 (1991) 10 красавіка 1925 №133 (1432) 17 чэрвеня 1925.*
11. *Шыбека З. В. Шыбека С. Ф.* Мінск.Старонкі жыцця дарэвалюцыйнага горада. Мн., 1994.

ПЫТАННЕ АБ СУТНАСЦІ І АБ'ЁМЕ АДЗІНАЎЛАДДЗЯ ПЕРШАГА РЫМСКАГА ПРЫНЦЭПСА

А. А. Рагойша

Рымская дзяржава часоў Аўгуста – гэта добра дакументаваны гістарычны аб'ект, прыдатны для вывучэння працэсу і прычын пераўтварэння краіны з рэспубліканскай формай кіравання ў адзінаўладную манархічную імперыю, працэсу прыходу і станаўлення дыктатуры. Мэтай дадзенай працы з'яўляецца даследаванне таго, як Аўгуст распарадзіўся вышэйшай уладаю ў Рыме, аналіз сутнасці створанай ім палітычнай сістэмы раннерымскай імперыі ў форме прынцыпату і пошук адказу на пытанне, чаму ён змог правесці мноства рэформ, прынятых грамадствам.

Перадумовы змены дзяржаўнага ладу выпявалі і ў палітыцы, і ў эканоміцы, і ў сацыяльнай сферы Рымскай рэспублікі.

Пасля заканчэння саюзнай вайны Рым пераўтварыўся з полісу ў сталіцу Італіі і міжземнаморскай дзяржавы [1]. Полісная структура з яе выбарнымі магістратурамі не магла існаваць у такой вялікай краіне. Выбары маюць сэнс толькі тады, калі ў іх удзельнічае большасць насельніцтва, якое мае права голасу. Пасля атрымання італікамі правоў рымлян народныя сходы былі немагчымыя па аб'ектыўных прычынах. У той час людзі не прыдумалі прадстаўнічых органаў ўлады, такіх як парламент, таму неўдзел усіх жыхароў у працы цэнтральнай улады паставіў пад пытанне неабходнасць існавання выбарных магістратур.

Крываваыя грамадзянскія войны, дыктатура Марыя, праскрыпцыі Сулы, паўстанне рабоў, першы трыумвірат, другі трыумвірат – усе гэтыя падзеі паказвалі на тое, што, нажаль, Рэспубліка пражыла свой век. Стала неабходным змяніць яе на новую сістэму ўзаемаадносін дзяржавы і народа. Папярэднія дыктатуры праілюстравалі грамадству няправільныя шляхі, і толькі Аўгуст змог стварыць самую жыццязстойкую сістэму – быццам сам час праводзіў натуральны адбор.

Што да эканомікі, праблемы канцэнтраваліся ў існаванні полісна-абшчыннай сістэмы, якая не магла забяспечыць рынак таварамі. На

змену дробнаму ішло буйное землеўладанне, малая рамесная майстэрня замянялася на вялікую, дамашняе рабаўладальніцтва выцясняяся буйным з дзесяткамі ці сотнямі рабоў, што працавалі на вілах магнатаў. Рабаўладальнікам былі патрэбны моцная ўлада, стабільнасць, гарантыі ад рабскіх паўстанняў [1]. У манархіі не магло здарыцца, напрыклад, такіх глупстваў, калі Сенат прызначаў дыктатара, дыктатар вёў вайну, і тут раптам яго паўнамоцтвы павінны былі быць складзеныя з-за зыходу тэрміну, незалежна ад таго, ў якой сітуацыі кіраўнік пакідае войска.

Што тычыцца сацыяльнай сферы, то на той момант сфарміраваліся перадумовы перападзелу сродкаў вытворчасці. Ні «новыя людзі», ні тым больш ветэраны не маглі пагадзіцца з эканамічнай манаполіяй набілітэту. Тым больш, пралетарыят заўсёды быў гатовы адабраць і падзяліць.

13 студзеня 27 года да новай эры Актавіян складвае надзвычайныя паўнамоцтвы трыумвіра. У адказ сенат і рымскі народ угаворваюць яго не пакідаць Бацькаўшчыну, Актавіян, канешне, не можа не згадзіцца. З гэтага часу і пачынаюцца рэформы, якія пранізваюць усе сферы жыцця: культурную, палітычную, эканамічную, сацыяльную [2].

Пасля таго як Актавіян разбіў войскі Антонія і той закончыў сваё жыццё самагубствам, Актавіян, застаўшыся адзіным уладаром Рымскай рэспублікі, пачаў рэфармаванне дзяржаўнага апарату. Актавіян не хацеў прымаць які-небудзь адзін тытул. Тытул дыктатара быў скампраментаваны падчас дыктатуры Сулы; эліністычны «басілеўс» і старажытарымскі «рэкс» былі занадта рэзкія для вуха грамадзяніна, які прывык да роўнасці, да рэспублікі. Таму Актавіян пайшоў па лепшаму шляху збірання традыцыйных магістратур [3].

Сацыяльную палітыку Аўгуста можна размеркаваць на тры плыні [3].

Па-першае, ішло ўзмацненне і паглыбленне рабаўладальніцкіх адносін, што праявілася ў выданні мноства законаў, якія рэгулявалі адносіны паміж рабамі і іх гаспадарамі, а таксама ў пошуках беглых рабоў і іх вяртанні.

Другім напрамкам палітыкі была кансалідацыя вышэйшага класу. Паміж вышэйшымі саслоўямі існавалі розныя супярэчнасці: сенатары – вершнікі з-за суда і ўвогуле ўплыву; вершнікі – правінцыйная значь з-за фінансавых аперацый ў правінцыях; набілітэт – плебс з-за няроўнага размеркавання маёмасці. Таму Аўгуст імкнуўся знішчыць ці хоць бы знізіць супярэчнасці дзеля перадухілення сацыяльнага выбуху.

Трэцім важным кірункам было ўзмацненне сярэдняй праслойкі грамадства: мелкіх і сярэдніх рамеснікаў і землеўладальнікаў, – Аўгуст хацеў засяродзіць іх увагу на гаспадарчай дзейнасці, а не на кіруючай.

Гэтаму садзейнічалі заканчэнне войнаў, усталяванне міру, адраджэнне гандлю і ўвогуле эканомікі.

Аўгуст, не будучы таленавітым ваяводаю і ў самым пачатку кар'еры не будучы магутным палітычным дзеячом, змог вывернуць навыварот увесь міжземнаморскі свет. Такое мог зрабіць толькі чалавек з выключнымі талентамі. Канешне, не трэба недаацэньваць, што яго рэформы былі неабходнымі і былі лагічнай заканамернасцю — радыкальны паварот гісторыі немагчыма зрабіць на голым месцы. Усё ж такі Аўгуст даказаў, што менавіта ён зможа правесці такія рэформы, што менавіта ён зможа стаць бацькам нараджаючайся краіны. Кажуць, што Аўгуст быў няздатны, слабы, і пералічваюць астатнія яго недахопы — гэта, на мой погляд, зусім не так. Менавіта ж Аўгуст перамог ворагаў у грамадзянскай вайне, а не яны яго, таму дыскусіі аб слабасці гэтага чалавека выглядаюць зусім неабаснаванымі. Канешне, не трэба забываць, што ішоў Аўгуст па чалавечых касцях, па тысячах загубленых жыццяў — ішоў наперад дзеля таго, каб з цемры грамадзянскіх войнаў нарадзіўся новы свет. Чамусьці ў выпадку Вялікіх людзей гісторыя амаль заўсёды забывае іх адмоўныя бакі, іх крывавыя рукі. Так было з Аляксандрам, Цэзарам, так здарылася і з Аўгустам. З другога боку, ён знаходзіўся ў вузкім калідоры, у складаных ўмовах яму прыходзілася лавіраваць паміж паваротамі гісторыі. Адзін крок улева, крок управа ад ужо вядомага нам ягонага шляху маглі зусім па-іншаму павярнуць кола сусветных падзей. Тады хто ён — параджэнне гістарычнага лёсу ці чалавек, якому хапіла сіл ператрэсці свет, як яму захацацца? На мой погляд, і тое, і другое.

Аўгуст улічыў памылкі свайго прыёмнага бацькі. Жорсткая расправа з ворагамі, магчыма, выратавала яму жыццё. Цэзар хацеў кансалідаваць розныя колы грамадства — гэта быў прайгравальны варыянт, бо занадта кантрастных людзей ён імкнуўся паміраць. Новы лад жыцця мог усталявацца толькі пасля поўнага пераразмеркавання маёмасці, а такое, на жаль, было магчыма толькі пры фізічным вынішчэнні ворагаў новай сістэмы. Аўгуст жа імкнуўся пазбавіцца ад супярэчнасцяў паміж асобнымі групамі, якія выклікалі крызіс грамадства.

Другой, на мой погляд, памылкай Цэзара было жаданне і імкненне да громкіх тытулаў, што ніяк не ўжывалася ў Рэспубліцы, нават ў плябейскім асяроддзі. Аўгуст улічыў памылкі і дасягненні Цэзара і таму змог здзейсніць сваю мару. Канешне, імкненне яго да тытулаў не магло быць слабейшым чым у Цэзара, а то і мацнейшым. А чаго можна чакаць ад чалавека, якога лічаць сынам бога, а потым і самым богам? Такі псіхалагічны ціск не мог не адлюстравацца на светаўспрыманні Аўгуста.

Асабліва гэта бачна пад самы канец яго жыцця, калі Аўгуст разважаў, ці не будзе вялікага перапалоху і хваляванняў ад яго смерці.

Паступова збіраючы магістратуры, Аўгуст амаль нічым не рызыкаваў, бо пры адносна павольным руху гэтага працэсу ён мог збавіць тэмп, калі б была неабходнасць. Але, як мы бачым, яму не толькі не прыходзілася змяншаць тэмп, але і наадварот, паскараць, бо сенат з народамі па сутнасці ўпыхвалі яму ўладу. Канешне, гэта было вельмі моцна звязана з аўтарытэтам Аўгуста. Занадта доўгія войны, занадта многа смерці навокал – і раптам мір! Стабільнасці, спакою, бяспекі – вось чаго жадалі людзі, і Аўгуст даў ім гэта. Што тычыцца сенату, то тым больш ён слабеў, чым больш мацнеў Аўгуст. Вынікам палітычных рэформаў Аўгуста стала сістэма прынцыпату, сістэма, у якой манархія прыкрывалася рэспубліканскай тогай. Гэта быў першы крок да стварэння сапраўднай манархіі. Што да грэкаў, то яны адразу далі адпаведнае прозвішча Аўгусту – Аўтакратар [4]. Можна з-за больш старых традыцый дэмакратыі, ці з-за адсутнасці эйфарыі ў грамадстве, але грэкі разгадалі сутнасць рэформ і на што гэтыя рэформы накіроўваліся.

Аўгуст імкнуўся быць прыкладам як для простага, так і для вышэйшых класаў грамадства ў розных сферах жыцця: у шанаванні бацькоўскіх звычаяў, у рэстаўрацыі старажытных нормаў і рэлігіі. Аўгуст бачыў, у якім маральным крызісе знаходзілася грамадства, і яму нічога не заставалася як аднаўляць пахіснутую рэпутацыю рымскай культуры. Гэтым ён замаруджваў, але не прыпыняў працэс зліцця з Усходамі. Рым не мог вярнуцца да старой культуры, таму што ён пераўтварыўся з поліса ў сталіцу Італіі, а потым у сталіцу многанацыянальнай дзяржавы. Далейшае паглыбленне сінтэзу заходняй і ўсходняй культур і рэлігій ужо немагчыма было пераадолець: у Еўропе заўсёды была цікавасць да ўсходніх культураў, гэта бачна нават цяпер.

Ваенныя рэформы Аўгуста змянілі полісную армію абшчыннікаў на прафесійна-наёмную, але гэта не перашкаджала быць міру. Слова «мір» было ва ўсіх на вуснах. Храм Януса пры Аўгусте зачыняўся тройчы, хоць за ўвесь час да яго — толькі два разы. Улада Аўгуста трымалася на трох слупах: аўтарытэт, грошы, армія.

Аўгуст стварыў дзяржаву, якая праіснавала яшчэ паўтысячагоддзя. Наступным пакаленням яго кіраванне запомніцца як перыяд небывалага росквіту краіны. У той час, калі Імперыя будзе падаць пад ударамі варвараў, знойдуцца людзі, якія будуць змагацца не за ўладу, не за багацце, а за мару, якую некалі звалі Рымам.

Літаратура

1. История Древнего Рима: Учебник для вузов по спец. История / В. И. Кузищин, И. Л. Маяк, И. А. Гвоздева и др.; Под ред. В. И. Кузищина. М., 2001.
2. Деяния божественного Августа // Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., 1990. С. 189–199.
3. Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., 1990.
4. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1993.

ЖЕНСКИЙ ГОРОДСКОЙ КОСТЮМ В ЭПОХУ АЛЕКСАНДРА I

Е. И. Романова

Костюм—это не просто одежда, чьей основной функцией является защита тела человека от воздействий внешней среды; это богатейшее историко-культурное наследие, которое несет в себе разностороннюю информацию о своем владельце и эпохе, к которой он принадлежит. Недаром можно сказать, что история костюма—это история культуры в самом широком смысле. Все то новое, что создавало человечество на протяжении своего существования, нашло свое непосредственное отражение в одежде.

Женский городской костюм в эпоху Александра I возник не в одно мгновение, за ним стоит целая череда взаимосвязанных событий не только российской, но и европейской истории.

Начало XIX в. в России, как и во всей Европе, отмечено господством стиля, который в искусстве получил название неоклассицизма [5, с. 81]. Его главной особенностью стало восхищение красотой человеческого тела, а идеалами были роскошные статуи времен античности. Отсюда и берет свое начало так называемая «нагая мода» [4, с. 102], которая своим появлением была обязана не только античности, но и событиям, которые имели место в XVIII в. Так, первой женщиной, которая в прямом смысле этого слова позволила женскому телу вздохнуть свободно, стала знаменитая королева Франции Мария-Антуанетта. И как ни странно, Великая Французская революция, которая унесла жизни всей ее семьи, все же продолжила начинания королевы в области костюма, еще больше упростив его. Практичные англичане сумели перенять эстафету, и со своей стороны сделали его еще более комфортным и естественным. Париж же со всей своей роскошью, украсив простые и удобные английские платья, сумел создать из них настоящие шедевры, тем самым окончательно утвердив за собой титул мирового центра женской моды.

Своей же популярности «нагая мода» была обязана реформе театрального костюма, в ходе которой художник Давид по просьбе своего друга, трагика Франсуа Тальма, создал сценические костюмы в античном стиле на основе греческих и римских памятников из собраний Лувра, и

тем самым заложил основу работы сегодняшнего театра, когда не только при помощи декораций, но и костюма, можно передать атмосферу инсценированной эпохи. И с этого времени театр становится не только местом, где можно было хорошо провести время, но и своеобразным домом мод, где модницам удавалось познакомиться со всеми новинками не только со сцены, но и оглянувшись вокруг себя [3, с. 82].

В России подобного рода мода приживалась достаточно долго, что было связано с негативным отношением к ней сначала Екатерины II, которая в последние годы своей жизни была яркой противницей всего французского, а затем и ее деспотичного сына Павла, который и вовсе отказался от французской моды, введя в России жесткий прусский режим. И только в первые годы правления Александр I Российская Империя наконец-то распахнула двери для изысканных модных новинок Европы, знакомство с которыми стало возможным, благодаря появлению в России еще с 1791 г. первых модных журналов [6, с. 442].

С этого момента «нагая мода», хотя и в несколько урезанном варианте, в связи с традиционными представлениями о приличии, захлестнула собой сначала российскую столицу, а затем даже самые глухие провинции огромной империи. А для того, чтобы лучше прочувствовать и представить себе подобного рода одежду вспомним слова ее современника французского писателя Луи Себастьяна Мерсье: «Кто эта женщина, появлению которой предшествуют рукоплескания?... Что это, неужели она голая?... Я вижу легкие шелковые панталоны, что-то в роде полукафтана, очень открытого спереди, легкий газ художественно прикрывает бюст. Прозрачная батистовая рубашка позволяет видеть всю ногу, украшенную над коленом золотыми обручами, и эти легкие покровы так возбуждают воображение, под ними формы кажутся такими привлекательными, что, право, задаешь себе вопрос: не выиграла ли бы общественная стыдливость, если бы их совсем не было?» [7, с. 241].

Подобного рода костюм не мог оставить равнодушным ни одного мужчину. Состоял он из платья с высокой талией, глубоким круглым декольте, короткими рукавами и юбкой с множеством легких складок, при помощи которых подчеркивалась красота женского тела. Недаром, эти платья носили столь романтические названия, как например Минерва, Галатея, Диана или Венера. Шились они в основном из легких тканей, таких как муслин, батист, креп или кисея, при этом обязательно светлых, а лучше всего белых тонов с еле заметным рисунком на подоле, рукавах и декольте. Платья делались короткими спереди, а сзади обязательно украшались длинным треном, умение носить который также указывало на наличие у его хозяйки творческой фантазии и должных манер.

Поверх платья обычно надевали прозрачные туники, которые соответствовали тону наряда и крепились на плечах при помощи заколок, вы-

полненных на античный манер, хотя иногда их украшали и греческим узором или меховой опушкой («туника по-русски») [4, с. 136].

Неотъемлемой частью женского туалета также являлись шарфы, шали, палантины, в которые эффектно кутались «богини» начала XIX века. При довольно однообразных и скромных по цвету нарядах яркая узорная шаль приобретала важный колористический акцент во всем облике женщины. В это время даже распространяется модный танец с шалью – «па де шаль» [1, с. 117], который исполнялся воспитанницами дворянских учебных заведений при выпуске. Первые шали привозили в Россию с Востока или Европы, но вскоре их производство было налажено в самой империи, в помещичьих усадьбах, среди которых наибольшей популярностью пользовались шали мануфактуры Надежды Мерлиной, которые выполнялись из пуха диких коз в тончайшей технике двустороннего ткачества.

Обувью служили туфли подобные древнегреческим «котурнам» [2, с. 443], сделанные из атласа или кожи с лентами, которые переплетались на чулках, и по цвету соответствовали наряду модницы. Главной трудностью для почитательниц такой обуви стало неумение красиво передвигаться в ней после долгого царства обуви на высоких каблуках, для чего наиболее обеспеченные семьи приглашали специальных учителей, которые обучали их дочерей легкой и скользящей походке в новом изобретении моды. В 1802 г. в помощь российским модницам было издано специальное пособие «Искусство сохранять красоту. Подарок российским дамам и девицам» [7, с. 246], где можно было найти различные рекомендации по использованию этих необычных туфель.

Что касается верхней одежды щеголих, то она полностью соответствовала суровому российскому климату. И несмотря на огромную популярность различных «дульетов», мантилий и пелерин, роскошные и теплые меха никогда не выходили из моды.

Простота античного стиля распространилась и на прически. Появились гладко остриженные головы или «половинная» стрижка, с бритыми или коротко подстриженными на затылке волосами, в подражание туалету человека, который шел на казнь после кровавых событий Великой Французской революции. Но женщина не могла надолго лишиться своего главного украшения, и вскоре волосы снова были отпущены и начали зачесываться кверху или заплетаться в косы, которые обвивали вокруг головы так, что затылок оставался открытым, а спереди вдоль щек спускались короткие букли – «фаворитки» или «бандо» [2, с. 444].

Головные уборы также стали вполне простыми и естественными, чего требовал наряд дамы. Особой популярностью среди них пользовались легкие чепцы, плоскодонные корнеты и капоты, а также головные уборы, названные в честь каких-то значимых исторических событий: как например, «варшавские» и «суворовские» чепцы [7, с. 245].

Необходимо понимать, что подобного рода мода вызвала и некоторые трудности среди российских дам. Еще вчера считавшиеся красивыми дородные модницы, вынуждены были прибегнуть к помощи мягких полукорсетов, которые стягивали столь ненавистные излишки плоти. А изящные худышки, которым не хватало объема груди для столь глубокого декольте и вовсе воспользовались техническими разработками, в виде накладного бюста с пружинкой, заставлявшими искусственную грудь вздыматься в такт с дыханием ее обладательницы. Однако, наиболее серьезной проблемой стало несоответствие холодного российского климата подобным одеждам, в следствие чего многие модницы тяжело болели, или вовсе умирали от тяжелых форм простудных заболеваний. Но решение данной проблемы было вскоре найдено в виде телесного трико, которое надевали под прозрачные платья, и укороченной курточки – спенсера, который использовался в любое время года.

Такой мода была в начале века, но не пройдет и десятка лет, как в ней произойдет целый ряд кардинальных изменений: ткани станут более тяжелыми и колоритными, талия опустится практически на свое натуральное место, рукава все более будут напоминать воздушные шарики, пропадет столь популярный в начале века трен, усложнятся прически и головные уборы, да и сам облик дамы перестанет быть столь естественным и легким, наполняясь элементами восточных традиций. Все это будет связано с деяниями Наполеона, который не только сумеет покорить Восток, но и вновь введет в Париже традицию королевских балов, которые будут удивлять современников своей роскошью и колоритом. А победа России в Отечественной войне 1812 г., пребывание русских войск в Париже и всеобщее восхищение императором Александром внесут в этот костюм немного элементов русской национальной одежды, а также наряды с именами прославленных полководцев и самого императора, при этом сделав их популярными не только среди российских модников, но и парижан.

Литература

1. *Алешина Т. С., Ефимова Л. В., Самонин С. Ю.*, Костюм в России XV–начало XX века. Из собраний государственного исторического музея. М., 2000.
2. *Будур Н.* История костюма. М., 2002.
3. *Кирсанова Р. М.* Механические рукава для приятной дамы. // Родина. 2004. №9. С. 81–85.
4. *Кирсанова Р. М.* Русский костюм и быт XVIII–XIX вв. М., 2002.
5. *Пушкарева Н.* «Обморок лягушки» и «бараний окорок». История женской одежды за десять веков // Родина. 1995. №10. С. 81–87.
6. *Пыляев М. И.* Энциклопедия царской Москвы. М., 2006.
7. *Суслина Е.* Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. М., 2003.

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1920-Е ГОДЫ

А. В. Ругаль

Открытие Белорусского государственного университета произошло в труднейшие для Беларуси времена – в период становления молодой республики и одновременно в период коренных политических, экономических и культурных преобразований, связанных с революцией. Университет в 1920-е годы стал крупным научным и культурным центром, где работали многие знаменитые ученые России, Украины и Беларуси, но основная роль университета заключалась в том, чтобы дать возможность получить высшее образование тем, для кого раньше это было недоступно.

Каким был контингент студентов Белорусского государственного университета? На первое декабря 1924 г. в БГУ училось 2672 человека, из них: рабочих – 282 человека, детей рабочих – 173, крестьян и крестьянских детей – 603, служащих – 835, детей служащих – 382, трудовой интеллигенции – 340, других – 57 человек (9, с. 44). Очевидно, что большинство студентов были служащими, имели рабочее или крестьянское происхождение. За этими цифрами стоят главные проблемы деятельности университета: как из вчерашних рабочих и крестьян подготовить специалистов с высшим образованием, а также как обеспечить студентов материально, предоставить место в общежитии иногородним, оплатить лечение больных и многое другое.

В 1921- начале 1922 гг. студенты учились бесплатно. Решением от 8 марта 1922 г. правление БГУ вынуждено было ввести плату за обучение, так как из-за отсутствия средств стал вопрос о закрытии БГУ (12, с. 17). А с 1923 г. платное обучение было введено во всех высших и средних учебных заведениях Белоруссии. Тогда же был определен порядок оплаты за обучение: распоряжение о плате за обучение касалось всех студентов, за исключением освобожденных особой комиссией. В отношении размера платы студенты делились на две категории: трудовые и нетрудовые. Первая категория подразделялась на три разряда. Для первого – размер платы был установлен в 15 руб. золотом в год (на декабрь 1922 г. 1 рубль золотом был эквивалентен 1300 советским рублям), для второго – 10, третьего – 5 руб. Нетрудовое студенчество должно было платить 50 руб. золотом в год. От платы освобождались: окончившие рабочий факультет, члены Российской коммунистической партии, комсомольцы, лица состоящие на иждивении членов РКП, дети профессорско-

преподавательского состава Вузов и лица, командированные Советом Профсоюзов Белоруссии, заработок которых не превышал установленного этим Советом минимума (3, с. 4).

Чтобы помочь студенчеству в плане материального обеспечения, вместе с открытием университета была введена стипендия. В 1921 – 1922 учебном году стипендию выдавали продуктами. Так, студенты медицинского факультета ежемесячно получали паек в кооперативе «Медик», который располагался на площади Свободы, недалеко от здания Совета Народных Комиссаров. В паек входили мука, сахар, масло подсолнечное, замороженное соленое мясо и др. Муку студенты меняли на хлеб, мясо обычно «сбывали» в обмен на более «съедобную» пищу, т.к. процесс приготовления мяса в тех условиях был весьма затруднительным. (5, с. 71).

Практически одновременно с введением оплаты стали выдаваться денежные стипендии в советских знаках, которые очень быстро обесценивались.

Кто же были те «счастливчики», которые имели право на стипендию? В первую очередь стипендию получали слушатели рабфака – рабочие, батраки и крестьяне, которые имели 4-летний стаж работы, воспитанники детских домов, которые не имели помощи от родственников. В следующую очередь стипендию получали студенты, которые имели политический, общественный или красноармейский стаж. Стипендии были лишены те студенты, которые имели постоянную работу или помощь от родственников (11, с. 4). Студент, зачисленный в списки на получение стипендии, пользовался ей на протяжении всего периода обучения. Лишится стипендии студент мог только при условии улучшения материального положения, или если он без уважительной причины остался на одном том же курсе (10, с. 119).

Каким же было материальное положение студентов БГУ? Этим вопросом задались участники девятой конференции профсоюзной секции студенчества, состоявшейся весной 1927 г. Чтобы получить ответ, среди студентов университета была проведено анонимное анкетирование. Всего было собрано 1424 анкеты, (опрошено было 50 % всех студентов) (7, с. 4). В ходе анкетирования были получены следующие данные: выяснилось, что часть студентов (15,3 %) одновременно вынуждена учиться и работать, большая же часть живет на стипендии и на средства, полученные от случайного заработка, и только 8,5 % студентов живет на деньги, получаемые от родителей. Месячный бюджет в 15 рублей и меньше имеет 3,1 % всех опрошенных, от 15 до 20 рублей (это составляло размер стипендии) – 57,6 % , от 21 до 30 рублей – 12,7%, от 31 до 45 рублей – 8,8 %. Остальные имеют постоянное место работы, поэтому их бюджет

больше, но многие из последней категории имеют 1 – 2 человека на содержании. Таким образом, больше половины студентов жили только на получаемые стипендии (4, с. 4).

Одновременно существовала разница в положении самих стипендиатов. 50% из них проживало в общежитиях, а вторая половина жила на частных квартирах. Плата за квартиру, за свет, за отопление и прочие услуги забирала большую часть бюджета студента (2, с. 16).

Наряду с этим постоянно существовала проблема и условий жизни в общежитиях, которые на протяжении всех 1920-х гг. оставляли желать лучшего.

В 1921 г. – первом году существования университета общежитий для основных факультетов, кроме рабочего, не было (5, с. 72). В периодической печати встречаются сведения, о том, что студенты ночевали в коридорах учебных корпусов и «устраивались в подвалах» (6, с. 3).

Рабочий факультет с самого момента своего открытия в июне 1921 года, действовал отдельно от остальных факультетов, и слушатели рабфака жили в отдельном общежитии. С 1921 года это была бывшая гостиница «Гарни», располагавшаяся на углу Захарьевской, 64 и Богадельной, 36 (проспект Независимости и ул. Комсомольская). Созданное на базе гостиницы общежитие вмещало до 110 человек (8, с. 25).

В 1922 г. открылось общежитие для студентов основных факультетов по улице Комсомольской, 11 на 30 человек. Неотъемлемыми признаками первых общежитий были теснота, бедная обстановка и деревянные топчаны, на которых спали студенты.

В 1923 г. белорусское Общество Красного Креста оборудовало студенчеству общежитие на 30 человек на ул. Белорусской. Предназначалось оно специально для девушек, что было отражено даже в надписи – «Общежитие для студенток», но жили в нем и парни. При общежитии был хороший фруктовый сад, поэтому сюда посылали студентов со слабым здоровьем. В студенческой среде общежитие воспринималось как дом отдыха. В 1926 г. здание было передано гидротехникуму.

В 1924 г. жилая площадь увеличилась – студенчеству БГУ было передано здание на 100 мест по ул. Энгельса, 50. Жившие в нем студенты с неохотой затем вспоминали вид общежития, подчеркивая только фанерные перегородки с жестокими клопами.

В 1925 г. педагогический факультет переехал на Земледельческий переулок и освободил под общежитие трехэтажное здание на ул. Ленинской, в которое было заселено 150 студентов. В том же году было отремонтировано общежитие по ул. Энгельса.

В 1927 г. в связи с переездом кафедр Медицинского факультета (гистологии и физиологии) жилая площадь вновь увеличилась (5, с. 72). К шестилетию БГУ 540 человек жили в общежитиях. Наиболее были обеспечены жильем рабфаковцы – на 80 % (1, с. 4). Деревянные топчаны были заменены на железные кровати, общежития регулярно отапливались, количество жильцов в комнатах было снижено (5, с. 72).

Таким образом, социально-бытовые условия жизни студенчества на протяжении всех 1920-х годов были сложными. Правлением Белорусского государственного университета был проведен ряд мероприятий по повышению материального положения студенчества и улучшению жилищных условий. Но, несмотря на достигнутые успехи в этом направлении, принятые меры не изменили коренным образом социально-бытовые условия жизни студентов БГУ в 1920-е годы.

Литература

1. БДУ за 6 год // Звезда. 1927. 30 кастр. С. 4.
2. Бяз ружовых акулераў // Шлях студэнцтва. 1927-1928. № 4-5. С. 16-18.
3. Введение платы в высших учебных заведениях // Звезда. 1922. 15 дек. С. 4
4. Жыцьцё і быт студэнцтва БДУ // Сав. Беларусь. 1927. 28 крас. С. 4
5. Меклер С. Штрыхі быту // Бел. дзярж. ун-т. Да 10-й гадавіны Кастр. рэв. Мн., 1927. С. 71-73.
6. Рабфак ждэт // Звезда. 1923. 23 авг. С. 3
7. Студэнт, які ён ёсць. Што выявіла культурна-бытавая анкета // Чырв. Зьмена. 1927. 27 мая. С. 4
8. Телян В. Рабочий факультет Белорусского государственного университета // Вестн. Нар. Ком. Просв. 1921. № 1. С. 25-28.
9. У Выканаўчым бюро профсэкцый БДУ // Чырв. сьцяг. 1925. № 1. С. 44-48.
10. Устав Белорусского государственного университета // Собр. законов и распоряжений рук-ва Бел. Сов. Соц. Респ. 1929. № 5. С. 119-125
11. Хто мае права на стыпендыю // Звезда. 1927. 20 жніўня. С. 4.
12. Яноўскі А. А., Зельскі А. Г. Гісторыя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў біяграфіях яго рэктараў. Мн., 2001.

ГРАЖДАНСКИЙ ДОЛГ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРАВО

Д. В. Скубилов

Период античности широко известен нам рядом своих достижений не только в области науки и культуры, но и в области гражданских прав и свобод. Греческий полис и римская цивитас – разновидности древнего государства, специфика его – республиканская, т.е. выборная система власти, опирающаяся на такие политические институты, как народное собрание (главный законодательный и избирательный орган), магистратура (исполнительная власть) и совет (сакрально-ревизионные и управ-

ленческие функции). Одним из достижений полисного государства являлось почетное право его граждан защищать существующий порядок в родном городе-государстве «И только граждане имели право с оружием в руках отстаивать интересы родного полиса – армия, таким образом, представляла ополчение граждан» [1]. В античности сложились две отличающиеся друг от друга системы несения воинской службы. Попытаюсь охарактеризовать их, опираясь на ряд примеров и доказательств, содержащихся в трудах известных историков древности. В произведениях греческого писателя I в.н.э. Плутарха Херонейского «Изречения спартанцев», «Римские вопросы» и «Застольные беседы» содержится богатый материал о гражданских правах жителей как греческого полиса, так и римской цивитас. В «Истории» греческого автора V в. до н.э. Фукидида приводятся тексты разных законов и дается описание порядка комплектования гражданских полисных ополчений. В сочинении римского историка I в.н.э. Иосифа Флавия «Иудейская война» имеется описание процедуры лишения гражданских прав. Интересные сведения приведены Аппианом Александрийским (II в.н.э.) в его «Римской истории», в частности, о взаимосвязи между правом гражданина на земельный надел и его правом несения службы в войсках.

В одной из своих работ Плутарх Херонейский задается несерьезным, с нашей точки зрения, вопросом, почему римлянам было запрещено умашаться под открытым небом. Отвечая на него, Плутарх утверждает, что данный запрет был введен римлянами для защиты своих граждан и города от той участи, которая постигла изнеженных эллинов – к их порабощению. Умашение тела под открытым небом было тесно связано с занятием гимнастикой и упражнениями в палестре. Из этого Плутарх заключает, что именно досуг и праздность порождают у граждан привычку к безделью и любовь к мальчикам. Кроме того, сон, прогулки, мерное движение и строгое питание вредны для здоровья юношей, которые на этом постепенно и незаметно утрачивают навыки воина и предпочитают славе воина и конника славу искусного и ловкого борца. Трудно избежать всего этого тем, заключает писатель, кто сбрасывает одежду под открытым небом; а кто умашается и приводит себя в порядок дома, те не совершают никакого проступка [2].

Давайте разберемся, действительно ли гибель эллинов и, в свою очередь, возвышение Рима было связано с этой бытовой реалией греков, или все дело в более веских основаниях, а именно, в правовой оценке статуса гражданина-воина?

Нести службу в римских войсках считалось не долгом (отдать жизнь, если понадобится, за благо родины), а политическим правом, которым

мог обладать только гражданин *цивитас*. Переход этого права из гражданской области в политическую стал возможен благодаря наличию ряда необходимых условий. Удобное географическое положение римского города-государства позволяло его гражданам получать достаточное количество плодородной земли на территории Апеннинского полуострова, не прибегая к вынужденному переселению части безземельных граждан в отдаленные районы средиземноморья, и не утрачивая тем самым связь с родным полисом, как это происходило в Греции. Римляне отвоевывали необходимую им землю у своих соседей, выводя туда свои колонии. Таким образом, новые поселения граждан возникали в непосредственной близости от города-матери, по греч. «метрополии». «Римляне, — пишет Аппиан, — завоеывая по частям Италию, получали тем самым в свое распоряжение часть завоеванной земли и основывали на ней города или отбирали города, уже ранее существовавшие, для посылки в них колонистов из своей среды. Эти колонии они рассматривали как укрепленные пункты» [3]. Таким образом, связь между метрополией и вновь образованной колонией не утрачивалась, как это происходило с греческими колониями. Их население, состоявшее из первопоселенцев, воспринимало вновь прибывших колонистов из той же метрополии чужаками. Поэтому гражданин римской *цивитас*, в отличие от греческого полиса, обладал правом при переезде из Рима в образованные на территории Италии колонии сохранять свой гражданский статус (*ius migrandi*) [4]. Наш первый вывод: уже не территория фиксировала статус гражданина в республиканском Риме, а право (*ius civile*).

Для ведения успешных войн с соседями римлянам была необходима сильная армия. Если первоначально она представляла собой всеобщее ополчение граждан, то с расширением территории Римского государства комплектование армии стало происходить на профессиональной основе. В этом случае основной платой за несение службы являлся земельный надел. «От Суллы до Августа около полумиллиона римских воинов, — полагает В.И.Кузищин, — получили земельные участки, главным образом, в Италии...» [5]. Обладание земельным наделом, полученным в качестве награды за несение службы, давало гражданину Рима экономический базис для сохранения своего гражданского статуса. Тесная связь материальной основы (получение земельного надела) с почетным правом гражданина защищать интересы своего родного полиса переросла из гражданской сферы в область политическую: наравне с правом голосовать в народном собрании (*ius suffragii*) и правом избираться в магистраты (*ius honorum*) право несения воинской службы (*ius militum*) стало важной составляющей гражданских полномочий (гражданской право-

способности) в республиканском Риме. Утрата одной из этих возможностей приводила к *infamia* т.е. гражданской смерти или «бесчестию». «Но пока Иудей извлекал свой меч, – рассказывает Иосиф Флавий, – пленник поспешно убежал к римлянам. Тит не мог позволить себе лишиться его жизни после того, как он спасся от рук неприятеля, но, считая бесчестием для римского солдата сдаться живым в плен, он приказал отнять у него оружие и исключить его из войска, что для человека с честью составляет большее наказание, чем смерть»[6]. Наш второй вывод: гражданин, лишенный права несения воинской службы, в силу армейского устава, уже не мог воспользоваться главным своим политическим правом – правом участвовать и голосовать в народном собрании, а значит – влиять на внутреннюю и внешнюю политику родного города-государства.

По иному сложилась ситуация в греческих городах-государствах. Не имея в достатке плодородной земли для выведения новых колоний на территорию самой Греции, безземельные граждане полисов вынуждены были основывать колонии в других частях Средиземного и Черного морей. Из-за дальности расстояния вновь образованная колония постепенно теряла свою связь со своей метрополией. В поселении-колонии возникал свой гражданский коллектив, принимались необходимые законы, которые часто не совпадали и даже противоречили законодательным нормам метрополии. И уже в скором времени новый выходец из метрополии воспринимался в дочерней колонии чужаком, не имевшим здесь необходимых гражданских прав, а значит – и права на земельный надел. Окончательный разрыв колонии с метрополией наступал после отказа народного собрания, состоявшего из гражданского населения колонии, сохранять с ней дальнейший союз. Фукидид рассказывает: «Коринфяне по всей справедливости предоставили свою помощь эпидамнянам. Они полагали, что Эпидамн одинаково можно считать как их колонией, так и колонией керкирян; вместе с тем они обещали помощь и из ненависти к керкирянам, потому что те, будучи их колонистами, пренебрегали ими» [7]. Наш третий вывод: нехватка земли заставляла гражданское население греческих полисов не только основывать новые колонии, но и с оружием в руках отстаивать имеющуюся у них землю от захвата соседями, что и предопределило военизированный характер античного полисного города.

Поначалу армия греческого полиса и римской *цивитас* представляла собой всеобщее ополчение жителей города, куда входили не только граждане, но и категории свободного населения, не имевших гражданских прав. «Между тем Гиппократ, – замечает Фукидид, – созвал всенародное ополчение из самих афинских граждан, метеков и даже всех бывших то-

гда в городе чужеземцев» [8]. Если в Риме награда гражданина имела вид земельного участка, то в Греции она состояла в благодарности всех остальных жителей данного полиса, которые вследствие мастерства и доблести защищавших их воинов-ополченцев остались в живых. Поэтому уже в древности стали проводиться общегреческие Олимпиады, на которых граждане различных полисов могли состязаться между собой в умениях и навыках, необходимых при защите своей родины от врага. Каждая такая Олимпиада заканчивалась состязанием гоплитов. Наградой победителям был почетный въезд в родной город через пролом, сделанный для этого в городской стене. Считалось, говорит Плутарх, что нет большой нужды в стенах городу, граждане которого умеют сражаться и побеждать [9]. Особая ситуация сложилась в Спарте, где основным занятием граждан-мужчин являлось совершенствование своих воинских навыков, способностей и умений. Когда у гражданина Спарты спрашивали, как далеко распространяются границы его города, он отвечал, что они отстоят настолько, насколько может достать его копье; а когда спартанского полководца спрашивали, почему у Спарты нет городских стен, он отвечал, показывая на вооруженных граждан, что это и есть спартанские стены [10]. Наш четвертый вывод: в гражданских общинах античности воинская служба считалась почетным занятием, она являлась особой формой социального возвышения, т.е. достижения престижа в обществе.

Подведем общие итоги: сравнивая развитие двух различных регионов античного Средиземноморья, я прихожу к выводу, что не запрет, налагаемый на обычай «умазаться под открытым небом,» способствовал росту могущества Рима, а своевременные и целенаправленные изменения в гражданском статусе: превращение гражданской обязанности защиты родного города в политическое право, то есть элемент гражданской правоспособности. Это и позволило римлянам значительно расширить гражданский коллектив и тем самым усилить социальную базу военной мощи своего государства. В отличие от Рима, в греческих полисах право защищать родину оставалось почетным долгом каждого гражданина, что и предопределило ополченческий характер их войска, сохранявшего такие принципы комплектования как добровольность, самоэкипировка, самообучение и самозащита. Развитие же самых крупных цивилизаций древности доказало, что только регулярное профессиональное войско могло быть надежной опорой крупного регионального государства. Но и в Греции, и в республиканском Риме, являвшимися полисными структурами, предпосылкой материального достатка и гражданского статуса со всеми вытекающими из него правами и обязанностями, включая и право защищать родной город, являлась принадлежность к общине.

Литература

1. *Федосик В. А., Ханкевич О. И.* Феномен античного полиса: становление гражданского общества // Избранные научные работы БГУ. Мн., 2001. Т. II. С. 141
2. *Плутарх.* Римские вопросы // Плутарх Херонейский. Застольные беседы / Изд. под. Я. М. Боровский, М. Н. Ботвинник, Н. В. Брагинская, М. Л. Гаспаров, И. И. Ковалева, О. Л. Левинская. Л., 1990. С. 196
3. *Аппиан.* Гражданские войны. I // Аппиан Александрийский. Римская история / Пер с греч. Под ред С. А. Жебелева, О. О. Крюгера, Е. С. Голубцовой, Л. Л. Кофанова. М., 2002. с. 337
4. *Ханкевич О. И.* Становление гражданского общества в европейской античности // Право и демократия. Вып 12. Мн., 2002. с. 55
5. *Кузищин В. И.* Римское рабовладельческое поместье (II в. до н.э. – I в. н.э.). М., 1976. с. 15
6. *Иосиф Флавий.* Иудейская война. VI / Предис. и прим. К.А. Ревяко, В.А. Федосик.- Мн., 1991. С. 407
7. *Фукидид.* История. I / Изд. под. Г. А. Стратановский, А. А. Нейхард, Я. М. Боровский. Л., 1981. С. 15
8. *Фукидид.* История. IV, С. 200
9. *Плутарх.* Застольные беседы. II // Плутарх Херонейский. Застольные беседы / Изд. Под. Я. М. Боровский, М. Н. Ботвинник, Н. В. Брагинская, М. Л. Гаспаров, И. И. Ковалева, О. Л. Левинская. Л., 1990. С. 39
10. *Плутарх.* Изречения спартанцев. С. 290

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОМИССИИ ЭКСПЕРТОВ В КАТЫНИ (28–30 АПРЕЛЯ 1943 г.)

С. А. Сорокин

В связи с отказом Международного комитета Красного Креста (МККК) принять участие в расследование расстрела польских военнопленных под Смоленском, немецкие власти встали перед необходимостью придумать иной способ перевода катынского вопроса в разряд большой политики. Муссирование катынского дела, по мнению немецких пропагандистов, способно было посеять гроздь раздора в рядах союзников по антигитлеровской коалиции. На это и было нацелено обращение германской стороны в МККК, который отказался принять немецкое предложение. Глава немецкой службы охраны здоровья доктор Конти предложил составить международную комиссию из высококвалифицированных медиков европейских стран. Йозефу Геббельсу эта идея понравилась. Приглашения были направлены во все оккупированные и нейтральные страны. Премьер-министр польского эмигрантского правительства в Лондоне генерал В. Сикорский также получил приглашение посетить Катынь при посредничестве нейтральной страны (немцы предлагали Испанию), однако он, естественно, от этого отказался, да и министру иностранных дел Рейха И.

Фон Риббентропу эта идея не понравилась: он считал, что политика Германии в отношении Польши стоит выше идеологической выгоды от поездки Сикорского под Смоленск [1, 87–88]. В конечном счете, в комиссию вошли представители либо оккупированных, либо союзных немцам стран, за исключением профессора Навиля из нейтральной Швейцарии. Всего в состав комиссии вошли 13 врачей.

Международная комиссия экспертов работала в Катыни с 28 по 30 апреля. Комиссия поставила перед собою следующие цели: выяснение причины смерти; установка времени смерти; идентификация останков. Комиссия настояла на том, чтобы участие немцев в ее работе было исключено [2].

Эксперты решили провести аутопсию девяти случайно отобранных ими тел и исследовать как можно большее количество образцов тканей различных частей тел убитых. Датировка преступления проводилась главным образом на основании материальных предметов найденных у покойных: писем, фрагментом газет и т.д. Все материальные свидетельства относились ко времени с сентября 1939г. по апрель 1940г. При проведении датировки погребения комиссия также обратила внимание на отсутствие у тел первичного разложения. Т.е. на трупах не было никаких признаков того, что они после экзекуции подверглись воздействию насекомых, что говорит скорее в пользу времени смерти ранней весной, чем ранней осенью [3].

На вопросы, поставленные комиссией перед началом работ, в итоге даны были следующие ответы: тела убитых были идентифицированы как тела польских офицеров, причиной смерти которых был выстрел в затылок пульей калибра менее 8 мм с близкого расстояния, и произошло все это не позднее весны 1940 г.

По воспоминаниям профессора Навиля, вечером 30 мая 1941г. эксперты собрались для обсуждения окончательного варианта отчета [3].

Утром 1 мая отчет был подписан. Необходимо отметить, что отчет был написан на немецком языке, что дает основание поставить под сомнение его юридическую силу: мы не знаем, владели ли все члены комиссии немецким языком на должном уровне, чтобы понять смысл юридического документа.

В общем и целом отчет Международной комиссии экспертов подтвердил то, что уже было известно из немецких источников [4]. Комиссия отметила, что тела в катынских могилах имеют разную степень разложения. Существовавший в то время уровень судебной медицины не позволял, исходя только из факта разложения тел, определить точное время смерти, посему для констатации времени смерти польских военных были

применены иные методы. У убитых при себе было обнаружено большое количество материальных свидетельств: писем, записок, обрывков газет... Самая поздняя дата установленная комиссией по одной из газет – 22 апреля 1940г. Про другой способ установления времени смерти следует рассказать особо. Член комиссии доктор Орсос, представлявший хортистскую Венгрию, разработал теорию, в соответствии с которой человеческие черепа, находившиеся в земле, якобы, подвергаются изменениям в виде затвердевания, которое откладывает на поверхности мозга вещество подобное известковым отложениям [2]. Согласно теории Орсоса, черепа, пролежавшие в земле менее трех лет, подобных изменений не испытывают. На черепа, исследованных Орсосом в Катыни, по его заключению, были подобные изменения [1]. Юзеф Мацкевич своей книге «Катынь» описывает как Орсос установил данные изменения в коре головного мозга исследуя тело с эксгуманиционным номером 526 [4]. На примера тела №526 это и было продемонстрировано остальным членам комиссии.

Тут нам бы хотелось остановиться и сделать несколько уточнений насчет метода доктора Орсоса. После войны Орсос сам отказался от этого метода. Ссылки некоторых историков на то, что он сделал под давлением коммунистических властей Венгрии, не выдерживают критики, т.к. жил Орсос после войны в Западном Берлине [3]. Правда по некоторым данным, во время расследования, которое проводила комиссия Мэддена, один из членов этой комиссии посетил Орсоса в Берлине, и Орсос, якобы, подтвердил правильность этого метода, но с оговоркой, что его новое заявление не должно попасть в прессу [5, 154]. Сегодня этот метод в судебной медицине не применяется.

Отдельно нам хотелось бы отметить один из выводов комиссии: тела из катынских могил не перемещались и оставались нетронутыми с момента погребения. Это означает, что члены комиссии фактически отбросили версию о том, что немцы после раскрытия могил провели там своеобразную «чистку», подбросив материальные свидетельства, доказывающие вину Советского Союза в расстреле поляков. Соответственно и изъять из могил что-либо, согласно этому комиссии, немцы не могли.

Относительно датировки захоронений было также обращено внимание на листовенницы, высаженные возле захоронений, для исследования которых был специально вызван специалист из Берлина. Им было определено, что они были посажены весной 1940г. [6, 246–247]. Аналогичное заключение было сделано при исследовании годовых колец.

Вот так в общих чертах выглядела работа Международной комиссии экспертов в Катыни. Теперь хотелось бы обратить более подробное внимание на некоторые факты. В отчете комиссии медицинские факты, с

помощью которых комиссия устанавливала время смерти, стоят на втором месте, уступая лидерство свидетельствам материального характера, которые были найдены на телах убитых. Более того, документы, которые оказали решающее влияние на формирование мнения комиссии, были изъяты из могил до приезда экспертов в Катынь. Однако члены, комиссии впоследствии утверждали, что они сами могли анализировать найденные *ими* документах. 12 октября 1966г. Франсуа Навиль написал письмо французскому историку Алану Деко, который в то время вел передачу «Трибуна Истории» на французском телевидение, в котором, в частности отметил, что «мы (члены комиссии – С.С.) после того как просмотрели бумаги, представленные нам немцами, спускались сами в могилы и изучали документы бывшие на трупах (в одежде) непосредственно». В том же самом Алана Деко уверил профессор Пальмири... [6, 253]

Исследователь соприкасающийся в своей работе с Международной комиссией экспертов должен обязательно помнить следующие вещи относительно МКЭ: комиссия была собрана заинтересованной стороной; пробыла она в Катыни всего 3 (три) дня и провела аутопсию всего 9 (девяти) трупов; члены комиссии не смогли, исходя из судебно-медицинского материала, датировать время убийства, а основывались в этом вопросе лишь на материальные свидетельства, найденные в могилах, что не является специфической задачей судебно-медицинской экспертизы; члены комиссии подписали заключительный отчет, составленный на немецком языке, коим, вполне вероятно, они не все владели в той степени, чтобы понять смысл юридического документа; член комиссии Марко Марков заявил, что заключительный отчет МКЭ был подписан под психологическим давлением немецких властей; в 1946 г. чех Ф. Гаек выступил с заявлением, что выводы комиссии, изложенные в заключительном отчете, не совпадают с истинными обстоятельствами катынского преступления, что он еще раз подтвердил в 1990г. [7]; Международная комиссия экспертов была создана исключительно в идеологических целях и это надо четко осознавать, когда мы встречаем выше приведенные противоречия, потому, что сегодня некоторые исследователи, играя на них, пытаются доказать, что польских военнопленных расстреляло не НКВД, а немецкие айзацкоманды [8]. Знание полного спектра катынского дела, и в частности вопроса МКЭ, помогает без труда пресекать такие грубые, нелепые, кощунственные фальсификации, которые сегодня, к сожалению, в современной России получили широкое распространение.

Литература

1. Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнопленных. М.1991.

2. Orzel Bialy. 1980. London.
3. *Абаринов В.* Катынский лабиринт. М. 1991. <http://katyn.codic.ru/abarinov.htm>
4. *Мацкевич Ю.* Катынь. <http://katyn.codic.ru/mackiew.htm>
5. Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова. В.С. Катынский синдром в советско-польских и российско -польских отношениях. М. 2001.
6. *Деко А.* Великие загадки XX века. М. 2001.
7. Заявление чехословацкого профессора судебной медицины Ф. Гаека по поводу так называемого «катынского дела»// Военно-исторический журнал. 1990. №8.
8. *Мухин Ю.* Антироссийская подлость. М. 2003.

ПАВЛИКИАНСТВО В ВИЗАНТИИ

В. Л. Сысой

Начиная с середины VI столетия в соседних с Византией областях Армении, упоминается о распространении движения, получившего название павликианского. Однако сведения, относящиеся к этому веку, в большей степени являются легендарными, поэтому останавливаться на них не будем. Скажем лишь, что основные источники Петр Сицилиец и патриарх Фотий, говорят о том, что зародившись на христианском Востоке ересь, попала в Персию и там была преобразована в стройную религиозную систему Мани, основателем манихейства, которого Петр рассматривает как одного из родоначальников павликианской ереси. Именно некоторые из его учеников и достигли, по словам Петра и Фотия города Самосаты, что в Армении, потом «ересь» распространилась и на Фанарию, после чего начала усиленно расти.

Далее перечислим основных вождей движения, действовавших на территории Византии. В связи с деятельностью Константина-Сильвана, павликианство только усилилось. «Константин переселился в крепость Кибоссу, где прожил около тридцати лет» [3, с. 176–177]. Для наказания еретиков, туда был послан государственный деятель по имени Симеон, однако тот вскоре принял сторону павликиан и возглавил движение. По традиции, Симеон также меняет имя и становится Титом, о чем тут же становится известно царю Юстиниану, преемнику Ираклия. Это свидетельствовало о важности события. Следующим крупным руководителем движения становится Тимофей. Время его действий совпадает с правлением императора Льва III (717–741). Он продолжал заниматься распространением своего учения, причем с большим успехом, после чего умер, руководя в общей сложности около тридцати лет движением.

Его преемником стал Иосиф поселившийся, по словам Петра Сицилийца в Антиохии Писидийской. Его деятельность продолжалась около тридцати лет, и жизнь он окончил в месте под названием Хортокопейон.

Следующими двумя руководителями павликиан были «Ваян Рипар – сын одной из учениц Иосифа в Армении – и Сергей, родившийся в селении Анния, в семье некоего Дриина» [10, с. 149]. Необходимо отметить, что в отношении Сергия, переименовавшего себя в Тихика, как Фотий, так и Петр Сицилиец особенно нетерпим. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что Сергей был одним из самых выдающихся вождей движения.

Проповеди руководителя восстания пользовались большим успехом у населения, что позволило значительно увеличить число приверженцев этого течения. Показательно обвинение Петра Сицилийца, брошенное в адрес Сергия, в том, что после его проповедей многие покинули родных и последовали за сектантами, даже многие монахи стали жертвами его красноречия. Необходимо отметить, что павликиане, по-видимому, находились в союзе с арабами, против византийских властей, а время руководства движением Сергием совпало с восстанием Фомы Славянина, однако рассмотрение этих событий не является задачей данной работы.

Необходимо вкратце описать успехи деятельности течения. Кроме увеличения численного количества еретиков и расширения площади распространения, очень важным является следующий факт. А именно покровительство, которым сектанты пользовались при императоре Никифоре I. Дело в том, что в это время чрезвычайно усилилось иконоборческое движение, которое являлось официальной идеологией при некоторых императорах. Определенное сходство религиозных постулатов по отношению к иконам и излишней обрядности сближало иконоборцев с павликианами, позволив последним пользоваться поддержкой со стороны самого императора. Но время Никифора I, когда движение при Сергии сильно разрослось вширь, сменилось на время Михаила I. Началась жестокая борьба против еретиков, которая была продолжена при его преемнике Льве.

Сергия сменил Карбеас, также весьма значительная фигура в истории движения. Именно при нем павликиане усилились и размножились настолько, что построили свою собственную столицу – город Тефрику. В этот момент сектанты были фактически независимыми как от византийцев, так и от арабов. Тефрика стала прибежищем всех недовольных, стремящихся присоединиться к движению. Фотий также говорит, что Тефрика была построена для осуществления набегов на земли империи, так как она находилась совсем недалеко от границы с Византией.

Сведения Петра Сицилийца указывают, на то, что Карбеаса сменил его родственник и зять Хризохир, ко времени которого и относится написанный Петром труд.

С именами этих вождей связан заключительный этап развития движения, характеризующийся открытым противостоянием павликиан и Византии. Эти события полнее рассмотрены не у Петра и Фотия, а в других источниках, в частности у Продолжателя Феофана. Он дает сведения о размахе борьбы на этом этапе, о размерах репрессий, принятых для борьбы с восставшими. «Говоря о дальнейших событиях, Продолжатель Феофана упоминает, что Варда и Михаил III во главе армий дошли до Самосаты (858 г.). Но Амврон и Карбеас напали на них неожиданным образом, разбили наголову и захватили сотню высших военных и гражданских сановников в плен» [10, с. 157]. Это самый яркий пример всей серьезности намерений еретиков. Ведь если говорить по порядку, то огромный размах павликианского движения в Малой Азии, Фракии и решительность критики ими основ византийского социального и церковного строя – важнейших звеньев в политической организации византийского феодального государства – привел уже во втором десятилетии IX века к резкому повороту в отношении византийского правительства к участникам движения. «Около 820 г. павликиане впервые выступают с оружием в руках против правительства Льва V. Массовые казни при Феодоре только способствовали дальнейшему развитию течения. Сторонники павликианства во главе с Карбеасом и Хризохиром вступают с византийским правительством Михаила III и Василия I в открытую войну» [10, с. 160-161]. Война заканчивается разгромом павликианского движения в Малой Азии, однако ересь пустила глубокие корни, развившиеся потом в богомилстве и ему подобных учениях.

Таким образом, мы на основе источников попытались определить место зарождения, корни и распространение павликианских идей на земли Византийской империи, а также описали краткую историю всего течения, подробно не останавливаясь на проблемах взаимоотношения павликиан с другими социальными движениями византийского общества.

Сейчас попытаемся выяснить, на какие конкретно территории распространилось движение. Необходимо отметить достаточно широкую территориальную экспансию религиозного движения. Так, среди провинций, испытывавших на себе влияние ереси, можно выделить значительную часть районов Малой Азии, преимущественно внутренней:

- Фема Армениака, с прилегающими к ней областями: Фанария, переименованная в Эписпарис, место деятельности Павла, сына Каллиники. По сведениям Петра Сицилийца, здесь находилось множество других городов, вовлеченных в движение, а именно: «Город Тавия, и в его окрестностях селение Анния - родина Сергия (впоследствии одного из крупнейших руководителей движения), отождествляемая

обычно с Нефез-Кей. Феодосиополь (Эрзерум) и расположенный близ него Мананал – место деятельности Константина. Крепость Саниана на восток от Галиса, стойко державшаяся во время восстания Фомы Славянина, в армии которого сражались павликиане. По тем же основаниям можно причислить к этим центрам и Кабалу в Лиоконии»[10, с. 160–161].

- Фема Колония, с крепостью Кивосса, где протекала деятельность еще двух знаковых фигур – Константина и Симеона.

- Антиохия Писидийская и ее предместье Хортокопейон – место деятельности одного из дальнейших руководителей павликиан Иосифа.

- Аморий и другие центры Фригии и Ликаонии.

- Мелитена, откуда были переселены сирийцы и армяне во Фракию, которые перенесли павликианское учение и на те земли.

- Центры павликианского движения – Тефрика, Аргаун, Амара, разрушенные во время экспедиции против Тефрики.

- Самосата на Евфрате.

- Мопсуэтия (в Киликии), о которой повествовали Петр Сицилиец и Фотий, перечисляя центры деятельности павликиан: Кивосса, Мананал, Кинохорий.

- Фракия, куда император Константин V переселил павликиан из Феодосиополя и Мелитены.

Именно на этих землях бурно действовали павликиане, изначально добившись значительных успехов.

Теперь следует вкратце описать основные пункты религиозной концепции павликиан. Приведем данные, полученные из формулы отречения IX века:

- признание создателя земного мира сатаной.

- неприятие и отказ от почитания богородицы.

- отказ от крещения.

- отказ от почитания святых.

- отказ от почитания икон Христа, богородицы, ангелов и креста.

- отказ от постов.

- отказ от почитания православной церкви и ее преданий, канонов, вселенских соборов, определенных местных соборов.

- отказ от причастия.

- отказ от почитания пророков, святых и особенно апостола Петра, как основателя монашества.

- непочитание священников и прочих священнослужителей.

Павликиане считали, что «высший», идеальный мир создан добрым богом, а несовершенный мир людей – злым, ведь они были привержен-

цами дуалистической концепции мироздания. Это проясняет многие аспекты их учения

Они не принимали организацию православной церкви в Византии, не считая ее истинно христианской. Отвергали таинства на основании того, что вещества этого мира принадлежат царству злого бога, осуждали иконопочитание, как идолопоклонство, не почитали богородицу, считая, что Христос воспользовался ее телом, как порталом прибыв из идеального мира, чтобы освободить людей из-под власти злого бога. Не любили креста, ведь на нем распяли Христа, их кумира и т.д.

Именно так выглядят история распространения и развития павликианского учения в Византии и его религиозные основы на момент наивысшего расцвета.

Литература

1. *Адоңц Н.* Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908.
2. *Ангелов Д.* Богомилство в Болгарии. М., 1954.
3. *Бартикян Р.М.* Источники для изучения павликианского движения. Ер., 1961.
4. *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Амореиской династии. СПб., 1900.
5. *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения за время Македонской династии. СПб., 1902.
6. *Васильев Л.Г.* История религий Востока. М., 1999.
7. *Виденгрэн Г.* Мани и манихейство. СПб., 2001;
8. *Лебедев А.П.* История Константинопольских соборов IX в. СПб., 2001.
9. *Липшиц Е.Э.* Вопросы павликианского движения. // «Византийский временник» Т.V, 1952. С. 134-155.
10. *Липшиц Е.Э.* Очерки византийского общества и культуры. М - Л., 1961.
11. *Удальцова З.В.* Византийская культура. М., 1988;
12. *Успенский Ф.Н.* История Византийской империи VI – IX вв. М., 1999.
13. *Юзбашян К.Н.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX – XI вв. М., 1988.

«МИНСКИЕ ВРАЧЕБНЫЕ ИЗВЕСТИЯ» ДРУКАВАНЫ ОРГАН ТАВАРЫСТВА МІНСКІХ ЁРАЧОЎ

Н. В. Тыванчук

Гісторыя аховы здароўя Мінска і ўсёй губерніі к.ХІХ- п.ХХ стст. звязана з дзейнасцю Таварыства мінскіх урачоў, якое ва ўмовах адсутнасці вышэйшай медыцынскай школы і наяўнасці бюракратычнага кіравання медыцынскай справай з боку ўрачэбных адзелаў губернскіх праўленняў фактычна з'яўлялася цэнтрам фарміравання асноўных ведаў у практычнай, грамадскай, навуковай дзейнасці ўрачоў.

Першыя медыцынскія таварыствы на Беларусі ўзніклі ў 60–80-я гады XIX ст. у губернскіх гарадах. Трэба дадаць, што медыцынскія таварыствы Беларусі ўзніклі адначасова з шэрагам найбольш значных таварыстваў Расіі. Адным з першых было арганізавана Таварыства мінскіх ўрачоў. Лічыцца, што яно заснавана ў 1867 г., аднак дакументы паказваюць, што яно ўжо існавала ў 1862 г. Са звестак таго часу вядома, што 23 снежня 1862 г. ў хаце інспектара ўрачэбнай управы, доктара медыцыны Данілы Восіпавіча Спасовіча сабраліся медыкі і фармаколагі г. Мінска на сваё другое паседжанне для выбару кіраўніцтва таварыства [1, с. 39].

У сувязі з паўстаннем 1863–1864 гг. улады ўзмацнілі рэпрэсіі і таварыства ў сакавіку месяцы таго ж года было «на время закрыто» [2, с. 292]. Урад вырашаў ізноў адкрыць таварыства на працягу некалькі гадоў і толькі ў верасні 1867 г., дзякуючы ініцыятыве ўрачэбнага інспектара Н. К. Берга, яно было зноў адкрыта. Таварыства было трынаццатым па ліку сярод таварыстваў губернскіх цэнтраў Расійскай імперыі [3, с. 82].

Да 1910 г. таварыства публікавала справаздачы аб сваёй дзейнасці, навуковыя артыкулы, медыцынскую хроніку у «Працах Таварыства мінскіх урачоў», якія высылаліся ў адрас 50 іншагародніх медыцынскіх таварыстваў. Затым сталі выходзіць «Минские врачебные известия». Гэта спецыяльнае перыядычнае выданне шырока асвятляла медыцынскія праблемы. Яны рэгулярна выходзілі да 1914 г., а затым, пасля перапынку, іх выданне аднавілася ў 1915 г. [4, с. 81].

Думка аб выданні свайго перыядычнага медыцынскага органа паўстаа сярод ўрачоў Мінскай губерні яшчэ ў канцы XIX стагоддзя. Але непасрэднае абмеркаванне гэтага пытання адбылося на першым з'ездзе ўрачоў Мінскай губерні, які адбыўся ў 1908 г. Узнікла неабходнасць у выданні перыядычнага органа, у якім маглі б прымаць удзел усе ўрачы і іншыя сябры медыцынскага персанала губерні; такога органа, у якім маглі б вольна абмяркоўвацца грамадскія і навуковыя пытанні бягучага медыцынскага жыцця і пры дапамозе якога падтрымлівалася б сувязь паміж сябрамі медыцынскага персанала.

Было вырашына назваць гэта выданне «Минские врачебные известия» Першапачаткова памер выдання быў невялікі – ў сярэднім 16 друкаваных старонак, змест да 5-га нумара не друкаваўся. Але затым памер дасягнуў 30 старонак. Кожны нумар каштаваў 30 капеек, а гадавая падпіска – 2 рублі, што было дастаткова дорага. Адказным рэдактарам з'яўляўся ўрач А. З. Яшнін. Рэдакцыя часопіса знаходзілася па адрасу: вуліца Губернатарская, 28. Да сярэдзіны 1911 г. часопіс меў 8–10 нумароў у год, але ж з гэтага часу летні перапынак, што прыпадаў на ліпень, жнівень быў адменены.

Структура выдання была наступнай:

1. Арыгінальныя навуковыя артыкулы. Казуістыка, рэфераты.
2. Дзейнасць медыцынскіх таварыстваў ў губерніі (даклады і пратаколы паседжанняў).
3. Артыкулы і нататкі па ўрачэбна-санітарнай і земскай медыцыне пераважна Мінскай губерніі. Справаздачы лякарняў, нараджальных прыютаў і іншых лякарных ўстаноў губерніі за вызначаны перыяд часу.
4. Карэспандэнцыя і лісты ў рэдакцыю.
5. Хроніка медыцынскага жыцця пераважна Мінскай губерніі.
6. Афіцыйная частка: законы і адміністрацыйныя загады па медыцынскай частцы, службовыя зрухі, камандзіроўкі і інш.
7. Фельетоны з медыцынскага побыту.
8. Аб'явы [4, № 1, с. 1].

Гэты часопіс, галоўным чынам прадстаўляў інтарэс для мясцовых ўрачоў, так як ён адлюстроўваў мясцовыя з'явы ўрачэбнага жыцця, патрэбы ўрачэбнай справы і адказваў на надзённыя пытанні. Аднак, ён не выконваў толькі ролю фатографа, ён выкладаў факты і акалічнасці з медыцынскага свету, падкрэсліваў недахопы, прабелы і дэфекты ў дзейнасці ўрачоў губерніі. Ён ўказваў на тыя меры, якія неабходны для паляпшэння і ўпарадкавання ўрачэбнай справы. Па меркаванню галоўных арганізатараў выдання, ён выконваў куды большую ролю, чым першы з'езд ўрачоў, бо яго голас гучаў куды гучней, настойлівей, [4, № 10 с. 4].

Гэта выданне мела чыста медыцынскі сэнс. У Мінскай губерніі тады было прыблізна 200 практыкуючых урачоў [4, № 10 с. 5], у кожнага з іх меліся вядомыя казуістычныя матэрыялы, як з лякарскай, так і з прыватнай практыкі, судова-медыцынскага свету, з ваеннай, чыгуначнай медыцыны, санітарыі. Але да гэтага дзятліца вопытам маглі толькі 50–60 ўрачоў і толькі з ліку сяброў мінскага таварыства. Астатнія, калі б яны пажадалі гэта зрабіць, павінны былі змяшчаць свае артыкулы ў сталічнай медыцынскай прэсе. Многія гэтага не рабілі ці то па сваёй сціпласці, ці то па прычыне таго, што іх артыкулы мелі толькі мясцовы інтарэс, і не маглі зацікавіць шырокія медыцынскія колы. Пры існаванні ж мясцовага медыцынскага органа ўсё гэтыя праблемы самі сабою адпалі. І важны практычны матэрыял мясцовага характару даходзіў да шырокага колу ўрачоў.

Перыядычны орган меў адмысловае значэнне для таварыства мінскіх ўрачоў, бо раней друкуемыя раз ў два гады так званыя «Працы» рассылаліся ў розныя канцы Расійскай імперыі, не толькі не чыталіся, напр., арэнбургскімі ўрачамі, але нават і ўрачамі Мінскай губерніі. Першыя не чыталі іх па той жа прычыне, па якой мы не чытаем прац арэнбургскага

таварыства ўрачаў; другія не чыталі іх на той проста падставе, што яны іх не бачылі ў газетах (працы рассылаліся толькі медыцынскім таварыствам, а не індывідуальным асобам). Таму друкуемыя «працы» мелі толькі неабгрунтаваныя выдаткі і займалі месца на паліцах розных медыцынскіх бібліятэк [4, №10 с.6].

Пазней да друкавання ў часопісе былі далучаны і сябры Бабруйскага таварыства ўрачоў, урачы іншых заходніх губерняў, нават дзеячы прыродазнаўчых навук, статысты, некаторыя земскія грамадскія дзеячы.

У Мінску ў тых гады медыцынскае жыццё хутка пайшло наперад. Павялічылася колькасць прыватных медыцынскіх устаноў, з'явіліся навучальна-дапаможныя медыцынскія школы, ўстановы для падрыхтоўкі асоб з вышэйшай і сярэдняй адукацыяй. Усе гэтыя ўстановы, акрамя афіцыйнага і дзяржаўнага кантролю мелі неабходнасць у кантролі грамадскага погляду. Такія функцыі ўзяў на сябе часопіс. Зразумела, што часопіс ад гэтага толькі выйграваў. Па сутнасці, ён з'яўляўся дапаможным навуковым выданнем.

Літаратура

1. Современная медицина. 1863. № 2.
2. Современная медицина. 1863. № 14.
3. *Молчанов А.П.* Новые материалы из истории возникновения медицинских обществ Белоруссии.// *Здравоохранение Белоруссии.* 1969. №5.
4. Минские врачебные известия. 1910. №1 .
5. Минские врачебные известия. 1911. №1–12.
6. Минские врачебные известия. 1912. №1–11.
7. Минские врачебные известия. 1913. №1–12.
8. Минские врачебные известия. 1914. №1,4,5.
9. Минские врачебные известия. 1915. №1,2,3,7,8.

РЭЛІГІЙНАЯ ПАЛІТЫКА ВЯЛІКАГА КНЯЗЯ ЛІТОЎСКАГА АЛЬГЕРДА (1345–1377)

У. В. Фёдараў

Перыяд княжання Альгерда з'яўляецца вельмі важным ў гісторыі ВКЛ, ды і наогул, Усходняй Еўропы. У гэты час назіраецца буйная тэрытарыяльная экспансія Літвы на ўсход і на поўдзень, яна пачынае прэтэндаваць на спадчыну былой Старажытнай Русі. Адначасова з гэтым, ціск Тэўтонскага ордэна паступова ўзрастае.

Складаная знешнепалітычная сітуацыя, а ў дадатак да яе ўнутрыпалітычнае становішча дзяржавы – моцныя пазіцыі язычнікаў у ёй і адначасова павышэнне колькасці праваслаўных падданных па меры прасоўвання на ўсход, прымушалі кіруючыя колы праводзіць адпавед-

ную рэлігійную палітыку. Вялікаму князю Альгерду прыходзілася пастаянна лавіраваць паміж гэтымі чыннікамі.

Дадзеная тэма асвятляецца ў даволі значнай групе крыніц: рускіх і беларуска-літоўскіх летапісах, хроніках ордэнскага і польскага паходжання, а таксама ў матэрыялах перапіскі канстанцінопальскіх патрыярхаў з царкоўнымі іерархамі Усходняй Еўропы, рускімі князямі і Альгердам. У гістарыяграфіі ж яна разглядалася ці вельмі павярхоўна і аднабока ў кантэксце рускай праграмы гэтага вялікага князя літоўскага, ці наадварот, грунтоўна асвятляліся асобныя яе аспекты.

Рэлігійная палітыка Альгерда была заканамерным працягам палітыкі яго папярэднікаў: на яе, як і раней, ўплывалі як знешнепалітычны, так і ўнутрыпалітычны фактары. Але, у адрозненне ад ранейшых часоў, з'явілася пераважная арыентацыя на ўсход, на праваслаўны свет, што звязана было з рэалізацыяй праграмы па збіранню рускіх зямель і прэтэнзіямі на галоўнае месца ва ўсходнеславянскім свеце.

Прапановы хросту Літвы і яе вялікіх князёў па заходняму ўзору, якія мелі месца з самага пачатку дзяржавы, у азначаны час сталі больш настойлівымі. Яны зыходзілі як з боку Ордэна, ціск якога ўзмацніўся ў перыяд пасля 1343 г. [13, с. 203], так і з боку Польшчы, якая актывізавалася на ўсходнім напрамку з 1320-х гг. Цікава, што між дзяржавай Пястаў і Тэўтонскім ордэнам адбывалася своеасаблівае суперніцтва за тое, ад каго Літва прыме каталіцкі хрост. Гэта было звязана з барацьбой між папствам і германскімі імператарамі за ўплыў у каталіцкім свеце: палякі з'яўляліся праваднікамі інтарэсаў рымскай курыі, тады як крыжакі падтрымлівалі манархаў Свяшчэннай Рымскай імперыі [10, с. 275]. Спробы каталіцкага хросту Літвы мелі месца ў 1349, 1351, 1358 і 1373 гг., але не разглядаліся ўсур'ёз ні Кейстутам [11, с. 224], ні Альгердам, а выкарыстоўваліся імі як сродак адцягвання часу ці прапаганды сваёй рускай праграмы. Так, у 1358 г. ў адказ германскаму імператару Карлу IV на прапанову прыняць каталіцтва Альгерд вылучыў шэраг умоў, галоўнымі з якіх былі праект перасялення Ордэна на мяжу з татарамі і вяртанне ВКЛ захопленых крыжакамі зямель, а таксама патрабаванне, што «уся Русь павінна належыць Літве» [8]. Такія ўмовы былі непрымальныя для Ордэну і таму чарговая спроба хросту не мела поспеху. Гэтым спробы навяртання Літвы ў каталіцтва не скончыліся – крыжакі хацелі разыграць карту князёў-перабежчыкаў, хрысціўшы іх з мэтай далейшага выкарыстання як прэтэндэнтаў на ўладу ў княстве. Напрыклад, такім чынам быў ахрышчаны Бутаўт, сын Кейстута, які ў 1365 г. збег у Ордэн [16, с. 204].

З першай чвэрці XIV стагодзя ініцыятыву ў азначаным пытанні стала перахопліваць Польшча. Тлумачылася гэта наяўнасцю агульнага ворага для яе і ВКЛ, якім з'яўляўся Тэўтонскі ордэн. Тут дзяржава Пястаў аддавала перавагу дыпламатычным метадам перад сілавымі, хоць апошнія мелі месца ў 1349 і 1351 гг.

З разгледжанага вышэй бачна, што для Альгерда пераважнай заставалася ўсходняя палітыка.

Дзеля паспяховай яе рэалізацыі патрэбна было не толькі ваенна-палітычнае дамінаванне над рускімі землямі, але наяўнасць адзінага царкоўнага цэнтра Русі, падуладнага Вільні. Літоўская мітраполія, якая ўзнікла яшчэ пры Віцені [12, с. 498], з'яўлялася неабходнай князю не толькі для абароны сваіх падданных ад чужых царкоўных уплываў, але павінна была стаць спадкаемцай дамангольскай Кіеўскай мітраполіі – галоўнага царкоўнага цэнтра ўсходніх славян. Гэта б цалкам абгрунтавала прэтэнзіі Альгерда на ўсе рускія землі. Каб здзейсніць сваю задуму, князю неабходна была згода канстанцінопальскага патрыярха. Але пазіцыя Візантыі ў акрэсленым пытанні была на баку Масквы. Тлумачылася гэта бояззю перад заходнімі ўплывамі, бо ВКЛ межавала непасрэдна з каталіцкім Захадам, і перасцярогай ад расколу ў царкве ці кіравання больш разгалінаванай арганізацыяй [5, с. 44].

Кафедра ў Новагародку пасля смерці ў 1330 г. мітрапаліта Феафіла заставалася вакантнай, тады як ўладзімірска-суздальскі мітрапаліт Феагност (які насіў тытул мітрапаліта кіеўскага) актыўна імкнуўся пашырыць свой уплыў на землі, якія знаходзіліся ў палітычнай залежнасці ад ВКЛ. Гэта прымусіла Альгерда прымаць адпаведныя захады, але яго спроба прызначыць у 1353 г. свайго кандыдата Феадарыта на пасаду літоўскага мітрапаліта насуперак царкоўным канонам сталася няўдалай. Але ўжо праз год, пасля смерці Феагноста і зацвярджэнні на яго месцы Алексія літоўскі князь дамогся прызначэння свайго кандыдата Рамана на новагародскую мітраполію. Згодна з пастановай патрыярха Каліста 1361 г. ў склад яе ўваходзілі Полацкая і Тураўская епархіі а таксама дзяцэзіі былой Галіцкай мітраполіі [7, с. 76]. Такі варыянт задавальняў Альгерда толькі часткова. Тым часам, пасля смерці Рамана ў 1364 г. яго месца заставалася незанятым. Пад час вайны 1368–72 гг. між ВКЛ і Масквой сімпатыі Канстанцінопаля былі выразна на баку апошняй. Але Альгерд здолеў, маніпулючы геапалітычным становішчам Літвы, змяніць сітуацыю на сваю карысць – ён асцярожна нагадаў патрыярху пра магчымасць свайго каталіцкага хросту, а таксама пра парушэнне клятвы аб міры маскоўскім князем Дзмітрыем Іванавічам [7, с. 136–137]. З Візантыі былі прысланы для разбору спрэчак апаксікарыі, адзін з якіх, пралітоўскі

настроены балгарын Кіпрыян быў прызначаны патрыярхам адзіным агульнарускім мітрапалітам пасля смерці ў 1374 годзе Алексія. Цяпер, урэшце, задумы Альгерда пачалі здзяйсняцца. Канчатковай іх рэалізацыі перашкодзіла смерць князя. Яго наступнік Ягайла, спрабаваў спачатку працягваць палітыку бацькі, але ў сілу абставін і некаторых акалічнасцяў гісторыя пайшла іншым шляхам.

Рэлігійнае становішча ў часы Альгерда ўнутры княства, як і пры яго папярэдніках, вызначалася талеранцыяй. Пазіцыі язычнікаў былі вельмі трывалыя, хоць з часоў Гедзіміна ўзмацняецца і праваслаўны элемент у дзяржаве як вынік пашырэння Літвы за кошт тэрыторый на усходзе. Сыны Альгерда ад першага шлюбу, як і некаторыя з яго братаў, былі ахрышчаны ў праваслаўе яшчэ пры жыцці бацькі, тады як сам вялікі князь заставаўся язычнікам[5, с. 354; 6, с. 19; 15; 10, с. 312]. Але гэта ніяк не замянала рэлігійнай талерантнасці ў дзяржаве. Дакладна вядома аб падтрымке жонкамі Альгерда і некаторымі з сыноў праваслаўнай царквы[1, с. 21; 2, с. 109]. У памежных землях, дзе існавалі каталіцкія касцёлы і кляштары, напрыклад, у Падоллі, літоўскія князі вымушаны былі захоўваць ім ранейшыя прывілеі[1, с. 21]. Зафіксаваныя ў некаторых крыніцах звесткі аб закатаванні хрысціян у тыя часы, не зусім адпавядаюць рэчаіснасці: тры віленскія пакутнікі былі забіты не колькі па рэлігійных матывах, столькі за адмову падпарадкоўвацца вялікаму князю[3, с. 28], а гісторыя аб чатырнаццаці закатаваных манахах францысканцах наогул з'яўляецца міфам[9, с. 78].

Такім чынам, пры правядзенні сваёй рэлігійнай палітыкі Альгерд пераважна арыентаваўся на ўсход, на праваслаўны свет, што звязана было з непасрэднай рэалізацыяй яго праграмы па збіранню рускіх зямель. Сам вялікі князь, як і пераважная колькасць яго двара, заставаўся язычнікам. Звязана гэта было з дзвума прычынамі. Першая з іх палягала ў моцнай ролі рода ў тагачасным літоўскім грамадстве, адной з галоўных функцый якога было выкананне абрадаў, звязаных з культуам продкаў[14, с. 252]. Другой, больш важкай прычынай, было нежаданне Альгерда прымаць хрысціянства ні па ўсходняму, ні па заходняму ўзору. На гэта ўплывалі наступныя фактары: з прыняццем праваслаўя падставы для агрэсіі Ордэна засталіся б у моцы, а каталіцкі хрост князя мог зрабіць нездзяйсняльнымі яго планы па здзяйсненню рускай праграмы.

Тым не менш, для зямель сучаснай Беларусі перыяд княжання Альгерда быў карысным і спрыяў далейшаму іх развіццю – дзякуючы ўзмацненню ролі праваслаўя ў дзяржаве яны пэўным чынам палепшылі свой статус, а ў выніку тэрытарыяльнай экспансіі на Русь апынуліся ў

цэнтры ВКЛ, што абумовіла іх большае зліццё з ядром балта-славянскай дзяржавы.

Літаратура

1. Акты, относящиеся к истории Западной России Т. I СПб., 1846
2. Белоруссия в эпоху феодализма Т. I Мн., 1960
3. *Меендорф I.* Тры літоўскія мучанікі: Візантыя і Літва ў XIV ст. // *Праваслаўе ў Беларусі і сьвеце* 1993 №1
4. *Мейендорф И.* Духовное и церковное возрождение XIV века и судьбы Восточной Европы Мн., 1992
5. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ Т. III М., 2000
6. Псковские летописи // ПСРЛ Т. V вып. 2 М., 2000
7. Русская Историческая Библиотека Т. VI Приложения СПб., 1908
8. Хроника Германа Вартберга // <http://www.ctarbel.narod.ru/vart.htm>
9. *Chodyncki K.* Legenda o męcenctwie czeternactu franciczkanów w Wilnie // *Ateneum Wileńskie* 1927 R. IV Z. 12
10. *Chodyncki K.* Próby zaprowadzenia chrzeccijanctwa na Litwie przed 1386 r. // *Przegląd Historyczny* 1914 T. 18 Z. 2–3 С. 215-318
11. *Długocz Jan* Dziejow polckich kciąg dwanaście T. III Ks. IX-X Kraków, 1867
12. *Fijalek J.* Crednioweczne bickupctwa kościoła wchodniego na Ruci i Litwie. Część I // *Kwartalnik Historyczny* 1896 R. 10
13. *Łowmiański H.* Agrecia Zakony krzyżackiego na Litwie w wiekach XII-XV // *Prucy – Litwa – Krzyżacy* Warszawa, 1989
14. *Łowmiański H.* Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego Poznań, 1983
15. *Mažeika Raca Joan* Was Grand Prince Algirdas a Greek-Orthodox Chriistian? // *Lithuanus*, 1987 vol. 33 №4 http://lituanus.org/1987/87_4_05.htm#ref
16. *Tęgowcki J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiców Poznań-Wrocław, 1999

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

О. И. Черник

Основной целью использования информационных технологий (далее – ИТ) в деятельности органов государственной власти является повышение эффективности механизмов государственного управления. Приоритетной задачей государственного управления является создание адекватной информационной среды и в ней – устойчивой обратной связи между государством, его официальными органами и обществом. В соответствии с этим осуществляется формирование «электронного правительства».

«Электронное правительство» с технической точки зрения – это система электронного документооборота, в которой обращаются юридически значимые электронные документы (далее – ЭД), связанные с обеспечением отдельных сторон деятельности общественных структур, гра-

ждан, субъектов хозяйствования, – регистрационные документы, лицензии, сертификаты, справки, налоговые отчеты и т.д. ИТ существенно упрощают практическую реализацию законодательства, так как скорость формирования и обращения ЭД гораздо выше скорости обращения традиционных. В будущем эффективность ИТ должна значительно повыситься за счет широты распространения информации на внутри – и межправительственных уровнях.

Развитие концепции «электронного правительства» в Республике Беларусь подтверждается имеющимися наработками в сфере законодательного регулирования, технологической и организационной поддержки применения ИТ в органах государственного управления. В рейтингах готовности «электронного правительства», согласно данным ООН, Беларусь – одна из немногих, динамично улучшающих свое положение: 2003 г. – 81-я, 2004 г. – 58-я, 2005 г. – 51-я из 191 страны. Если в рейтинге 2002 г. ее индекс готовности равнялся среднему показателю, то в 2005 г. он поднялся существенно выше. А по субиндексу электронного участия граждан (электронной демократии) она оказалась 22-й в мире. [1, с.24]

В Республике Беларусь правовое регулирование информатизации общества берет свое начало с Закона Республики Беларусь «Об информатизации» [2], который регулирует правоотношения, возникающие в процессе формирования и использования документированной информации и информационных ресурсов. В целях конкретизации данного закона была утверждена Концепция государственной политики в области информатизации [3], определены направления совершенствования организационно-экономических и социальных условий проведения разработок и экспорта современных информационных технологий [4].

Однако наиболее важным правовым актом по данному вопросу является Государственная программа информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 годы и на перспективу до 2010 года «Электронная Беларусь» (далее – Программа) [5]. Программа должна обеспечить формирование нормативной правовой базы в сфере применения ИТ, развитие информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, а также информатизацию всех сфер деятельности общества. Большинство проектов Программы касаются совершенствования деятельности государственных органов на основе информационно-коммуникационных технологий. Для этого предусмотрено создание общегосударственной автоматизированной информационной системы, обеспечивающей повышение эффективности функционирования органов государственного управления и Единого государственного регистра [6], включающего информацию о наро-

донаселении и юридических лицах, что является предпосылками для создания «электронного правительства».

Программа должна обеспечивать информационную безопасность Республики Беларусь. Концепция национальной безопасности [7] определяет приоритетные направления обеспечения безопасности Республики Беларусь в информационной сфере, включая стандартизацию, сертификацию и лицензирование информационных ресурсов и технологий.

При анализе законодательной базы по вопросам информатизации, предпосылок и функций «электронного правительства», отчетливо прослеживается тенденция, которая выражается в первоочередном внимании к совершенствованию государственного управления при помощи внедрения технологий электронного документооборота. Согласно Программе долю электронного документооборота в общем объеме документооборота планируется довести до 60% внутри организаций и до 40 % в межведомственном документообороте. В соответствие с этим разрабатываются проекты по развитию систем межведомственного электронного документооборота государственных органов. Нормативное обеспечение данного вопроса находит отражение в «Типовых проектных решениях автоматизированной системы документооборота для государственных органов Республики Беларусь» [8]. Общегосударственной базой применения электронных документов являются Закон Республики Беларусь «Об электронном документе» [9], СТБ 1221-2000 «Документы электронные. Правила выполнения, обращения и хранения» [10], стандарты по применению электронной цифровой подписи [11].

Однако, несмотря на очевидные достижения в области законодательного обеспечения процесса информатизации, в настоящее время существует масса проблем, связанных с практическим применением ИТ в государственных органах. Практическая реализация электронного документооборота с поддержкой технологии ЭЦП в системе государственных органов затруднена ввиду отсутствия опыта работы с электронными документами, проблем безопасности и конфиденциальности передаваемых сообщений, включая отсутствие в республиканском масштабе системы удостоверяющих центров. Нормативная база требует доработки и более точного разграничения прав и обязанностей субъектов межведомственного электронного документооборота. Важным представляется принятие Закона «Об электронной цифровой подписи» для дальнейшей гармонизации отношений в сфере ИТ.

Необходимо отметить, что в нашей стране имеется пример эффективного использования ЭД. Национальный банк Республики Беларусь (далее – Национальный банк) по праву является лидером в сфере применения

ИТ. К тому же Национальный банк является единственным органом государственного управления, который сократил документооборот при помощи ИТ более чем в два раза по сравнению с 2001 годом, что определено Указом Президента Республики Беларусь от 24 сентября 2001 года № 516 «О совершенствовании системы республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь» [12]. Кроме того, нормативные правовые акты Национального банка по вопросам сертификации и удостоверения сертификатов средств ЭЦП регулируют общественные отношения в масштабе республики. Центр управления ключевой информацией реализует функции управления ключевой информацией не только в межбанковском документообороте, а также и документообороте государственных органов.

Таким образом, изучение особенностей применения информационных технологий в банковской сфере Республики Беларусь является наиболее приоритетным направлением для последующего совершенствования системы общегосударственного электронного документооборота.

Литература

1. Ковалев М., Аль-Сараирех Шади. Создание электронного правительства с учетом международного опыта // Банкаўскі веснік. – Чэрвень 2006. – С. 16 – 25.
2. Закон Республики Беларусь «Об информатизации» от 6 сентября 1995г. №3850-ХІІ // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1995. – №33. – ст. 428.
3. Концепция государственной политики в области информатизации, одобрена Указом Президента Республики Беларусь от 6 апреля 1999г. № 195 (с изменениями и дополнениями) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2002. – № 91, 1/3939.
4. Указ Президента Республики Беларусь от 3 мая 2001 г. №234 «О государственной поддержке разработки и экспорта информационных технологий».
5. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 27.12.2002г. №1819 «О Государственной программе информатизации Республики Беларусь на 2003-2005 годы и на перспективу до 2010 года «Электронная Беларусь» // Национальный реестр правовой информации Республики Беларусь. – 2003. – № 3, 5/11734.
6. Положение о Государственном регистре информационных ресурсов, утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 января 2004 г. № 69 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2004. – № 18, 5/13724.
7. Концепция национальной безопасности, утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 17 июля 2001 г. № 390 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2001. – №69, 1/2852.
8. Типовые проектные решения автоматизированной системы документооборота для государственных органов Республики Беларусь, утверждены директором

- Белорусского научно-исследовательского центра электронной документации от 14 декабря 2004.
9. Закон Республики Беларусь «Об электронном документе» от 10 января 2000г. № 357-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2002. – №2/132.
 10. СТБ 1221-2000 «Документы электронные. Правила выполнения, обращения и хранения».- Мн.: Госстандарт, 2000.
 11. СТБ 1176.2-99 «Информационная технология. Защита информации. Процедуры выработки и проверки электронной цифровой подписи». – Мн.: Госстандарт, 2000; СТБ 1176.1-99 «Информационная технология. Защита информации. Функция хэширования». – Мн.: Госстандарт, 2000.
 12. Указ Президента Республики Беларусь от 24 сентября 2001 года № 516 «О совершенствовании системы республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2001. – №92, 1/3078.

МЕТАДАЛАГІЧНЫЯ ПАДЫХОДЫ ДА ДАСЛЕДВАННЯ ПЫТАННЯ ПАДАРОЖЖАЎ ЖЫХАРОЎ ВКЛ І РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ У XVI-XVIII стст

І. В. Чыжык

Даследванні ў галіне мемуарыстыкі з кожным годам адкрываюць чытачам ўсе новыя і новыя іменны аичынныя падарожнікаў. Пры гэтым вывучэнне саміх падарожжаў праходзіць па розных накірунках. З аднаго боку, ствараюцца працы агульнатэарэтычнага характару, у якіх разглядаецца цэлы комплекс дыярушаў і праводзіцца іх параўнальны аналіз. З другога боку – канкрэтызуецца праблематыка і даследчыкі дэталёва асэнсоўваюць канкрэтнае падарожжа.

Вельмі актыўна распрацоўваецца дадзеная тэматыка польскімі навукоўцамі. Прычым закранаюцца не толькі ўласна польскія дыярушы, але і творы іншаземцаў, што дазваляе праводзіць аналогіі, рабіць высновы наконт узроўня развіцця грамадскай думкі, кругагляду жыхароў Рэчы Паспалітай.

Значная колькасць публікацый на польскай мове маюць агульную накіраванасць, у іх абмяркоўваецца шырокае кола пытанняў паўсядзённага жыцця падарожнікаў, значэнне перыгрынацый для развіцця культуры, ментальнасці і г.д. Адною з найбольш грунтоўных публікацый на тэму дыярушаў XVI–XVII ст. з’яўляецца праца Ганны Дзехцінскай [8]. Дзеннікі цікавыя аўтара як своеасаблівыя крыніцы, якія адлюстроўваюць агульныя культурна-гістарычныя працэсы, і пры гэтым прадстаўляюць агульнаеўрапейскую каштоўнасць. Зразумець сам феномен падарожніцтва, «ахарактарызаваць тую неадназначную і складаную

сукупнасць фактараў, якія паўплывалі на творчасць падарожнікаў падчас апісання краін і людзей»– асноўная мэта даследвання [8,с.6].

Да агульнатэарэтычных адносіцца і праца А. Мачака[9]. У ёй разглядаюцца пытанні шляхоў зносін і маршрутаў вандровак, месцы наведвання і кошты падарожжаў, мытныя асаблівасці, гігіена, небяспечнасці ў дарозе і бацькоўскія «інструкцыі», навукі «ва універсітэтах», цуды, выноскі з падарожжаў і г.д.

Некаторыя манаграфіі польскіх аўтараў умяшчаюць у адной кнізе і першакрыніцы, дыярушы, і каментары да іх з аналізам [7]. З часоў Рэнесансу сталі распаўсюджвацца навуковыя падарожжы ва універсітэты Германіі, Італіі, інш. Папулярнейшым тэрыторыям у гэтым ракурсе прысвечана даследванне Д. Золадж-Стрэльчык [11], якое падае сведчанні аб стасунках Рэчы Паспалітай з еўрапейскімі краінамі ў галіне навуковай.

Вобраз Гданьска ў літаратуры падарожніцкага характару разглядаецца ў публікацыі Я. Сампа [10]. Увогуле, апошнія працы адносяцца да накірунку асобнага крыніцадаследчага характару.

Што датычыцца якасці і вартасці айчынных і расійскіх даследванняў, то неабходна памятаць пра адносную «маладосць» тэматыкі падарожжаў. Цяжка пераацаніць, але і недаацэньваць мясцовыя даследванні нельга. Напэўна адным з першых аўтараў, які звярнуўся да тэматыкі падарожжаў нашых суайчыннікаў быў В. П. Грыцкевіч. Яго манаграфія папярэднічаў шэраг артыкулаў у часопісах, якія надалей былі дапоўнены і перапрацаваны і ўвайшлі ў склад яго кніг. Ім быў ўзняты на паверхню і данесены да чытача вялізарны пласт інфармацыі, выкладзены ў захапляльнай манеры зразумелай мовай. Пры гэтым, працы В. П. Грыцкевіча маюць як агульнатэарэтычны [1, 2], так і крыніцадаследчы характар [3]. Асноўная мэта аўтара кніг – пашырэнне ведаў суайчыннікаў аб невядомай гістарычнай спадчыне: «выходцы из Белоруссии совершили немало увлекательных путешествий <...> и исследование их прогрессивного наследия позволяет значительно пополнить наши знания о развитии научной мысли в Белоруссии» [1,с.3].

Разглядаючы пытанне вандровак нашых землякоў у Сібір нельга абмінуць прысвечаныя гэтай тэме працы Б.П.Палявога [4]. Артыкулы распавядаюць аб «Дыярушы» А. Каменскага-Длужыка і даецца яго характарыстыка. Робяцца і спасылкі на даследванні іншых навукоўцаў па дадзенаму нататку.

Сярод беларускіх даследчыкаў трэба таксама вылучыць Казакова Ю. Л., які сумесна з польскім гісторыкам Богданам Рокам распрацоўваюць падарожніцкую праблематыку ў кантэксце агульнагістарычным.

Дарэчы вынікам іх сумесных даследванняў сталі два артыкулы (у беларускім друку) [5, 6], прысвечаныя розным па характару вандроўкам з XVIII стагоддзя.

Такім чынам, пералічаныя даследванні дазваляюць скласці ўяўленні аб падарожжах, асобах падарожнічаючых, прычынах адпраўлення за мяжу і іх наступствах. Тэматыка папаўняецца з кожным годам усе новымі і новымі даследваннямі і ёсць падстава лічыць яе адной з цікавейшых галінаў гістарычнай навукі.

Літаратура

1. *Грыцкевич В. П.* Путешествия наших земляков. Мн., 1968.
2. *Грыцкевич В. П.* От Немана к берегам Тихого океана. Мн., 1986.
3. *Грыцкевич В. П.* Адысея наваградскай лекаркі. Мн., 1989.
4. *Полевой Б. П.* Еще раз о Каменском-Длужике // Советская этнография. 1974 № 4.
5. *Рок Б., Казаков Ю.* Апісанне падарожжа з Мінска ў Пецяярбург ананімнага беларускага шляхціца // БГЧ. 1998, №1.
6. *Рок Б., Казаков Ю.* Тэафіла Канстанцыя Мараўская з роду Радзівілаў і яе падарожжа па Еўропе // БГЧ. 2006 №2.
7. *Dwa polskie pamietniki z Syberii (red. A Kuczynskiego).* W-Wr., 1996.
8. *Dziehcinska H.* O staropolskich dziennikach podrozy. W., 1991.
9. *Maczak A.* Zycie codzienne w podrozach po Europie XVI–XVIII w. W., 1980.
10. *Samp J.* Gdansk w relacjach z podrozy: 1772–1918. Gd., 1991.
11. *Zoladz-Strzelczyk D.* Peregrinatio academica. P., 1996

**ОЦЕНКА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ
РЕКРЕАЦИОННЫХ ТЕРРИТОРИЙ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ****П. И. Головко**

Развитие туристской индустрии выступает одним из важнейших направлений развития экономики Республики Беларусь, что закреплено в Программе развития туризма на 2006-2010 гг. Низкая концентрация в Брестской области крупных промышленных производств, благоприятное транзитное положение и значительное количество туристских ресурсов свидетельствуют о приоритете развития туристской индустрии в регионе [3].

С целью выявления территориальных особенностей развития туристской деятельности и географического размещения основных лимитирующих факторов была проведена оценка экологического состояния рекреационных территорий Брестской области на основе расчета нормированных баллов. В качестве оперативных единиц оценки выступали административные районы.

Для большей достоверности исследования был выбран круг репрезентативных показателей, характеризующих различные аспекты антропогенного воздействия на природные комплексы и оказывающих наибольшее влияние на развитие рекреации. Всего в работе расчет основных величин проводился по 9 показателям [1, 2, 4]:

1. Плотность населения, (чел/км²);
2. Густота дорог республиканского значения, (км/тыс. км²);
3. Радиоактивное загрязнение по Cs-137 >1 Ки/км², (%);
4. Повреждение древостоя, (%);
5. Мелиорированные земли, (%);
6. Распаханность, (%);
7. Удельные выбросы поллютантов в атмосферу, (кг/км²);
8. Загрязнение грунтовых вод нитратами, (ПДК);
9. Удельный сброс сточных вод, (тыс. м³/км²).

Для сопоставления данных по каждому параметру применялась формула перевода фактических значений в нормированные баллы B (1).

$$B=10*(N_i-N_{max})/(N_{max} - N_{min}), \quad (1)$$

где B – значение нормированного балла, N_{max} , N_{min} – максимальное и минимальное значение показателя; N_i – значение показателя для определенного административного района.

Значения величины B варьируют от 0 до 10 и чем они выше, тем сильнее их неблагоприятное воздействие на природные комплексы и лимитирующее влияние на развитие туристской деятельности (таблица).

Далее вычислялся итоговый показатель уровня антропогенного воздействия ($K_{уав}$) по формуле (2).

$$K_{уав} = \sum(B1+...Bi)/i, \quad (2)$$

где $K_{уав}$ – коэффициент уровня антропогенного воздействия $B1, \dots, Bi$ – значения нормированных баллов по каждому из показателей; i – количество показателей.

Проведенные расчеты показывают, что значения коэффициента уровня антропогенного воздействия ($K_{уав}$) варьируют от 1,88 (Ганцевичский район) до 5,78 (Брестский район) при среднем значении по области 3,29. Исходя из полученных значений $K_{уав}$, административные районы Брестской области были сгруппированы следующим образом (рис. 1.):

- $K_{уав} < 2,49$ – низкий уровень воздействия – Ганцевичский, Ивацевичский;
- $2,50 < K_{уав} < 2,99$ – средний уровень воздействия – Дрогичинский, Ивановский, Лунинецкий, Малоритский, Столинский;
- $3,00 < K_{уав} < 3,74$ – повышенный уровень воздействия – Барановичский, Кобринский, Ляховичский, Пинский, Пружанский;
- $3,75 < K_{уав} < 4,49$ – высокий уровень воздействия - Березовский, Жабинковский, Каменецкий;
- $K_{уав} > 4,50$ – крайне высокий уровень воздействия – Брестский.

Таблица 1

Расчет нормированных баллов (B) и показателей уровня антропогенного воздействия ($K_{уав}$)

Район	$B1$	$B2$	$B3$	$B4$	$B5$	$B6$	$B7$	$B8$	$B9$	$K_{уав}$
Барановичский	4,05	6,25	0,00	7,50	0,00	7,61	5,39	0,00	2,10	3,66
Березовский	1,48	6,25	0,00	2,50	5,56	4,79	4,54	5,49	3,51	3,79
Брестский	10,0	6,25	0,00	2,50	2,22	4,89	10,0	6,18	10,0	5,78
Ганцевичский	0,00	2,50	0,00	0,00	2,96	0,00	0,00	10,0	1,50	1,88
Дрогичинский	0,28	0,00	4,00	2,50	8,52	3,70	0,59	6,35	0,37	2,95
Жабинковский	2,66	2,50	0,00	2,50	8,89	10,0	3,49	3,44	1,95	3,94
Ивановский	0,64	0,00	0,00	2,50	10,0	6,69	1,91	4,94	0,30	2,99
Ивацевичский	0,01	2,50	0,00	5,00	2,96	1,64	0,26	4,87	0,27	1,95
Каменецкий	1,41	10,0	0,00	10,0	1,48	8,00	0,33	3,68	0,03	3,88
Кобринский	1,22	2,50	0,00	2,50	10,0	5,93	1,84	6,61	0,48	3,45
Лунинецкий	0,36	0,00	8,77	0,00	6,67	0,95	1,05	8,18	0,54	2,95
Ляховичский	0,39	6,25	0,00	7,50	2,59	6,39	2,43	1,77	0,00	3,04
Малоритский	1,00	6,25	0,00	2,50	8,15	2,49	1,45	2,86	0,00	2,74
Пинский	1,99	2,50	2,46	5,00	6,30	2,85	4,21	2,79	2,29	3,38
Пружанский	0,11	6,25	0,00	10,0	2,96	4,89	0,13	8,19	0,20	3,64
Столинский	0,22	2,50	10,0	0,00	2,22	0,66	0,72	6,92	0,02	2,58

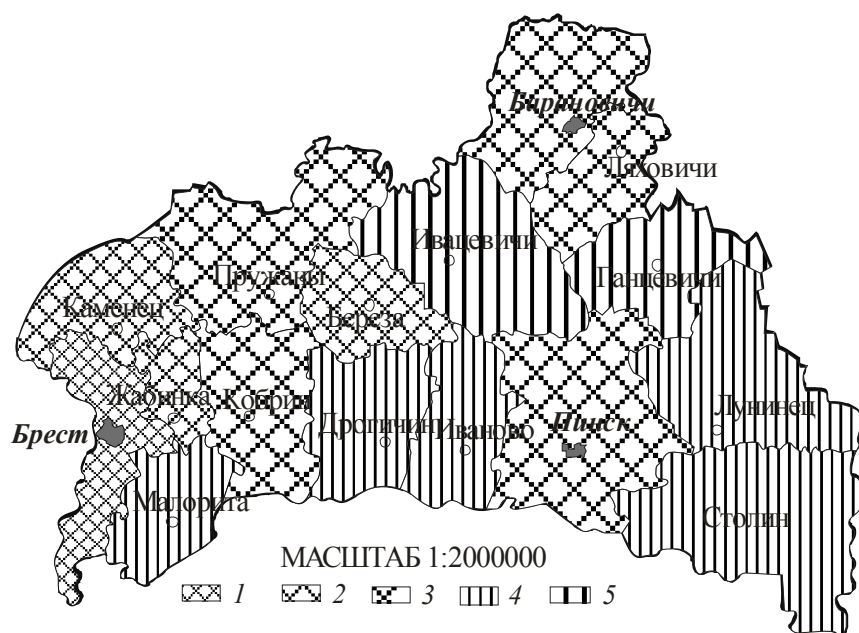

Рис. 1. Градация районов Брестской области по значению Куав
 1 – крайне высокий, 2 – высокий, 3 – повышенный, 4 – средний, 5 – низкий.

По результатам исследования большая часть территории области характеризуется средним (5 районов) и несколько повышенным (5 районов) уровнем антропогенного воздействия. В пределах данных территорий антропогенные факторы, лимитирующие развитие туристской деятельности, представлены ограничено. Необходимо обратить внимание на то, что обозначенные территории сконцентрированы на юго-востоке Брестской области. На данных территориях целесообразно развивать экологический туризм и санаторно-курортное обслуживание.

В области имеется два района с низким уровнем антропогенного воздействия. К ним относятся Ганцевичский и Ивацевичский районы. На этих территориях перспективно развивать в первую очередь экологический туризм. Для этих целей здесь проектируется туристская зона «Телеханская», однако в настоящее время ее рекреационный потенциал слабо реализован.

Высоким и крайне высоким уровнем воздействия характеризуются 4 административных района, причем большая их часть находится в пределах Брестской урбанизированной зоны (Брестский, Жабинковский, Каменецкий). Особенно выделяется Брестский район со значением $Куав=5,88$. Данные особенности определяются высоким уровнем сельскохозяйственной освоенности территории (распаханность достигает 35-40%), значительной концентрацией промышленных производств и высокой плотностью населения. Полученные результаты свидетельствуют об ограниченных возможностях для развития экологического туризма, однако наличие на данных территориях большого количества памятников куль-

турно-исторического наследия и национального парка «Беловежская пуща» создают базу для развития познавательного туризма.

Литература

1. *Калинин М Ю., Волчек А А.* Водные ресурсы Белорусского Полесья: проблемы и охрана // Природные ресурсы. 2001. №4. С. 35–46.
2. Нацыянальны атлас Рэспублікі Беларусь / Рэд.кал. Мясніковіч М.У. і інш. Мн.: Камітэт па зямельных рэсурсах, геадэзіі і картаграфіі пры савеце Міністаў РБ, 2002.
3. *Потаев Г А.* Рекреационные ресурсы Беларуси: современное состояние, проблемы, перспективы использования // Природные ресурсы. 2000. №3. С. 85–101.
4. Состояние природной среды Беларуси: Экол. бюллетень 2005 г / Под ред. Логина В.Ф. Мн.: Минскпроект, 2006. 264 с.

ОПЫТ СОЗДАНИЯ КАРТ ПРИРОДООХРАННОЙ ТЕМАТИКИ С ПОМОЩЬЮ ГИС

А. С. Коробкин

Деградация глобальной экологической среды, происходящая в результате негативных природных процессов и деятельности человека, привела к переосмыслению роли природы в жизни общества. Устойчивое развитие сегодня немыслимо без учета возможностей окружающей среды, допустимых хозяйственных нагрузок на нее, потенциальной емкости биосферы [1].

На борьбу с деградацией направлены многие международные конвенции. Вопросам выявления и прекращения деградации, а также восстановлению деградированных земель стало уделяться больше внимания в законодательстве Республики Беларусь, национальных стратегиях и планах, государственных программах развития различных отраслей экономики [2]. При содействии Программы Развития ООН и Глобального Экологического Фонда в нашей стране ежегодно выполняется ряд проектов, направленных на устойчивое развитие территорий [3]. Среди них заметную роль играют схемы землеустройства административных районов.

Задача Схемы землеустройства состоит в отображении современного состояния использования земель и принятии решений о дальнейшей землеустроительной деятельности. Для реализации этой задачи собираются и анализируются предложения специалистов различных отраслей знаний. В этом процессе особую роль играют географические информационные системы (ГИС), так как именно они значительно облегчают интеграцию информации.

ГИС позволяют совмещать пространственную информацию из различных источников. Это делает возможным перенесение имеющихся научных разработок в проекты территориального планирования. К таким

разработкам относится любая физико- и экономико-географическая информация, т.е. все то, что имеет пространственную привязку.

Внесение географической информации в ГИС требует особого отношения к точности предоставляемой информации. Реализация любого проекта в натуре требует плановой точности, соответствующей масштабу карт 1:10 000 и крупнее. Практика показывает, что большинство имеющихся карт составлены в масштабах 1:50 000 и мельче. Этот факт, а так же генерализация не позволяет использовать эти карты для большинства практических целей, в частности, для проектирования строительства и для прямого юридического доказательства. Однако весь научный потенциал имеющихся картографических источников может и должен использоваться косвенно, например, через проекты территориального планирования.

Совмещение пространственной информации в ГИС на сегодняшний день наиболее эффективно. Это достигается за счет того, что карты, вне зависимости от используемой проекции и масштаба привязываются к реальным координатам. Для этого необходимо иметь точки привязки с известными координатами. При отсутствии таковых, можно осуществлять привязку к другим картам и планам с помощью характерных точек местности (пересечения дорог, устья рек, характерные изгибы линейных объектов и т.д.). Географическая привязка позволяет совмещать карты не только между собой, но и с данными дистанционного зондирования, результатами наблюдений и измерений. Кроме этого над привязанными данными можно производить расчеты, построения и анализ непосредственно в ГИС.

В результате совмещения информации на географической основе и использования возможностей ГИС выявляются процессы деградации, слабоустойчивые и деградированные земли. Полученные результаты позволяют планировать деятельность по охране и восстановлению природной среды, а так же на основании этого принимать решения о перспективном использовании земель.

В качестве примера можно рассмотреть картосхему экологических коридоров Лунинецкого района (рис.1). В основе данной карты лежат сведения о видах земель, взятые из карт землепользования масштаба 1:50000, актуализированные по данным космической съемки. Попутно, с помощью ГИС анализировалась информация об особо охраняемых природных территориях, памятниках природы, местах произрастания охраняемых видов растений, местах обитания охраняемых животных, ограничениях использования земель, сельскохозяйственной оценки земель и др.

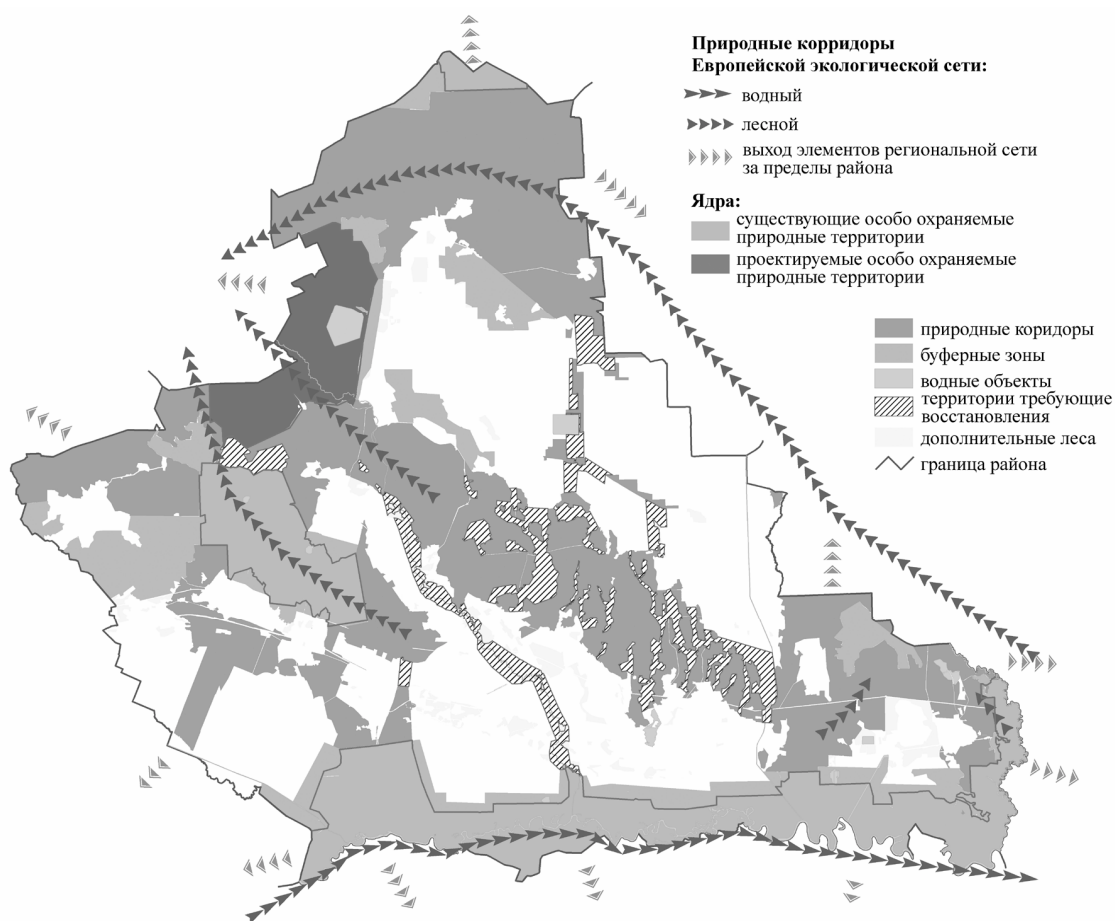

Рис.1. Экологический каркас Лунинецкого района [4]

Это позволило сформировать представление об экологическом каркасе Лунинецкого района. Он состоит из ядер, т.е. обширных участков сохранившейся естественной растительности, и транзитных коридоров, по которым осуществляется активное взаимодействие биологических видов.

Для охраны экологических ядер было запланировано создание заказника на северо-западе района. Кроме этого, были выявлены «разрывы» в экологической сети района. Они были отнесены к территориям, требующим восстановления. Также были выделены леса вне экологического каркаса, при необходимости доступные для освоения.

Принятие описанной картины позволило создавать карту перспективного использования земель района с учетом природоохранных требований.

Охрана природы выполняется так же путем ввода ограничений на использование земель, которые сформулированы в санитарных и строительных нормах и правилах, а так же в других законодательных актах Республики Беларусь. Для выделения территорий с ограничениями хозяйственной деятельности, хранения подобной информации, обеспечения

контроля за соблюдением требований на этих землях, оценки последствий, а так же для информирования населения и субъектов хозяйствования применяются ГИС, на основе которых создаются специальные карты. Так, например, в схемах землеустройства для выявления и недопущения нарушений создается карта «Ограничения использования земель». Единственная трудность в этом процессе, это то, что вопрос о полном перечне таких ограничений до сих пор остается дискуссионным.

Схемы землеустройства, включая картографический материал, используются для согласования деятельности хозяйственных субъектов на территории района. При этом только основательная теоретическая подготовка материалов может эффективно содействовать охране природной среды. Такая теоретическая подготовка просто немыслима сегодня без использования ГИС. Поэтому именно ГИС должны сегодня обеспечивать информационную поддержку принятия решений территориального планирования для достижения устойчивого развития нашего общества.

Литература

1. *Максаковский В. П.* Географическая картина мира: В 2 кн. Кн. I: Общая характеристика мира. – 2-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2004. – С.393-397.
2. *Помелов А.* Актуальные вопросы структурирования процессов деградации земель // Земля Беларуси. – 2006. - №2. – С. 10-15.
3. Территориальное планирование в Республике Беларусь / Е.Я. Гарцуева, Г.В. Дудко, Э.Н. Клевко и др.; Под ред. Г.В. Дудко, Д.И. Семенкевича. Мн.: РУП «Минсктиппроект», 2004.
4. Схема землеустройства Лунинецкого района: В 2 т.- Мн.: УП «БелНИЦзем», 2005.

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ

Н. В. Давидович

В современной социально-экономической географии все большую актуальность приобретают исследования, посвященные роли этнического фактора в формировании населения той или иной территории. Этот фактор, прежде всего, является историческим и во многом определяющим. В историческом и географическом аспекте роли этнического фактора наблюдаются свои закономерности, которые обуславливают различные тенденции в развитии народов и, соответственно в их численности. Изучая этнический состав можно выявить закономерности освоения территории страны, можно проследить этапы формирования культуры и языка, последний из которых претерпел историческую трансформацию, и дошел до наших дней. Кроме этого, для каждого исторического этапа от-

мечаются тенденции изменения численности этносов Беларуси, обусловленные различными факторами и особенностями того этапа, где происходили эти изменения.

Отличительная особенность данного исследования заключается в том, что изучение динамики численности населения проведено через призму этнической эволюции, иными словами, через этнический состав. В связи с этим в методику исследования впервые были включены специальные этногеографические показатели, пока еще не в достаточной мере используемые экономико-географами.

Изучение формирования населения через этническую составляющую обладает огромным преимуществом и рядом особенностей. Так, например, население рассматривается по этническим группам. Это позволяет проследить не только общую динамику численности, но и этнический состав как таковой на протяжении определенного исторического этапа. Изменение этнического состава, в свою очередь, отражает те или иные демографические (миграционные процессы, демографическая политика и т.д.), этнографические процессы (ассимиляция, консолидация, интеграция этносов и др.), которые не могут не повлиять на самоопределение наций в государстве и культуру в целом. Помимо титульной нации, диаспоры также становятся важными звеньями в мировой экономике, политике и культуре, обладающие большим экономическим, политическим, культурным потенциалом, и вовлекаются в процесс исследования.

На основании вышесказанного основной целью работы стало проведение систематизации этногеографических показателей в контексте изучения динамики численности населения.

В ходе изученной специальной социально-географической литературы, было выявлено, что в методологии изучения численности населения могут применять следующие этногеографические показатели: этнографический индекс, коэффициент концентрации, коэффициент компактности, фактическая плотность, условная плотность.

1. Этнографический индекс.

Этот индекс является практичным в географическом аспекте, т.к. здесь при его расчете увязывается как численность определенного этноса, общая численность населения, так и площадь страны [1, с. 45]. Этот индекс отражает пространственные процессы размещения определенного этноса в границах региона или, иными словами, распределение народа по определенной территории (это может быть как республика в целом, так и регионы (области)). Этот индекс позволяет наиболее комплексно раскрыть пространственные процессы. Причем, ни в одном другом коэффициенте нет более полной увязки численности населения определенного

этноса, населения в общем, и площади. Поэтому этот коэффициент весьма интересен.

$$J = n / \sqrt{N * S}, \quad (1)$$

где, J – этнографический индекс территории, n – численность коренного населения (белорусы), N – общая численность населения страны, S – площадь страны.

2. Коэффициент концентрации.

Этот коэффициент показывает концентрацию исследуемого народа среди доминирующего народа, т.е. сосредоточение народа в отдельной административно-территориальной единице (АТЕ) [1, с.45]. Определяется численность народа по отношению к преобладающему, но не ко всем национальностям, представленными в той или иной АТЕ. Происходит определенная увязка исследуемого народа в определенной АТЕ с численностью доминирующего народа в целом.

$$K_k = N_{ATE} / N_{дом.нар.}, \quad (2)$$

где N_{ATE} – численность данного народа в своей АТЕ, $N_{дан.нар.}$ – численность доминирующего народа в целом.

3. Коэффициент фактической плотности.

Это и есть реальная плотность: соотношение численности населения определенной территории к ее площади [1, с. 45]. Данный коэффициент необходим для расчета компактности населения.

$$P_f = N / S_f, \quad (3)$$

где N – численность населения, S_f – фактическая площадь расселения этноса.

4. Коэффициент условной плотности.

Этот индекс интересен тем, что его можно рассматривать по-разному, т.е. нет конкретного стандарта вычисления данного коэффициента. С одной стороны, его можно рассматривать в качестве среднереспубликанской плотности, т.е. этот показатель относителен. С другой стороны, можно поступить иначе. Можно рассчитать определенный процент площади определенного региона в зависимости от доли этноса (например, 80% белорусов Минской области на 80% площади данной области). Эта плотность условна.

$$P_y = N / S_y, \quad (4)$$

где N – численность населения на изучаемой территории, S_y – условная площадь расселения этноса [1, с. 45].

5. Коэффициент компактности этноса.

Коэффициент показывает насколько компактно (или рассредоточено) размещен этнос на определенной территории.

$$K = P_y / P_f, \quad (5)$$

где P_y – условная плотность, P_f – фактическая плотность [1, с. 45].

Таким образом, система представленных показателей обогащает методику экономико-географического исследования динамики численности населения посредством изучения этнического состава, позволяет дать наиболее полную и комплексную этнографическую и демографическую характеристику развития этноса.

Литература

1. Емельянов А. С., Селищев Е. Н. Этнографическое развитие России и зарубежного мира / Ерославль, 2000.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РЕКИ СВИСЛОЧЬ И ПАРКОВЫХ ВОДОЁМОВ Г. МИНСКА

С. А. Данченко

Водоёмы, расположенные в черте города, являются важными элементами городской среды и имеют различное назначение: хозяйственно-бытовое, рекреационное, санитарно-оздоровительное, эстетическое. Несмотря на способность водных экосистем к самоочищению, значительная антропогенная нагрузка создаёт предпосылки для ухудшения их экологического состояния, которое в свою очередь оказывает влияние на возможности их использования по целевому назначению. Территория г. Минска плохо обеспечена ресурсами поверхностных вод, основные водные объекты г. Минска – это река Свислочь и расположенные на ней искусственные русловые водохранилища. Их экологическое состояние оказывает влияние на возможности их использования как в хозяйственно-бытовых целях, так и для рекреации. Водная система г. Минска находится под возрастающим давлением различных факторов, вызванных влиянием крупного города и промышленного центра. Поэтому актуальной задачей является оценка экологического состояния водных объектов г. Минска.

Цель данной работы – рассмотреть гидрохимические особенности воды, а также количественные и структурные показатели сообществ зоопланктона в р. Свислочь и водохранилищах Комсомольское озеро и Чижовское.

Наблюдения проводились летом и осенью 2005 г., а также весной и летом 2006 г. Для выполнения исследования были отобраны пробы воды для гидрохимического и гидробиологического анализа на 4 станциях: № 1 – р. Свислочь в районе Веснянки, № 2 – Комсомольское озеро, № 3 – р. Свислочь в районе ул. Октябрьская, № 4 – Чижовское водохранилище. Пробы воды на указанных станциях отбирались с периодичностью в 7 дней для исследования гидробиологических показателей (всего 4 серии отбора в сезон) и 1 раз в сезон – для химического анализа. Для более полного учёта зоопланктона использовался метод отстаивания проб, объём каждой пробы составлял 1 дм³ воды, отбор производился у берега, из приповерхностного слоя воды. Пробы для биологического анализа консервировались 40 % формалином до концентрации 1 – 2 %.

Определение химического состава воды проводилось с использованием фотоколориметрического (определение NO_2^- , SO_4^{2-} , PO_4^{3-}), потенциометрического (определение pH) методов, а также метода титрования (определение ионов Cl^- , Ca^{2+} , Mg^{2+} , HCO_3^-). Обработка гидробиологических проб включала подсчёт количества особей каждого вида зоопланктеров с использованием бинокулярного микроскопа МБС-10. Расчёт биомассы зоопланктона производился путём умножения средней массы экземпляра каждого вида на общую численность вида в пробе. На основании полученных данных были определены общая численность и биомасса зоопланктона, а также рассчитан индекс видового разнообразия по Шеннону на каждой станции наблюдений.

Установлено, что общая минерализация воды в парковых водоёмах и р. Свислочь с учётом основных ионных макрокомпонентов составляет от 382,7 до 448,2 мг/л и возрастает вниз по течению. Содержание гидрокарбонат-ионов за разные сезоны наблюдения изменяется в пределах 190 – 275 мг/л. Содержание в водах ионов кальция колеблется в пределах 20,4 – 67,3 мг/л. Содержание магния нестабильно и изменяется в широких пределах – от 6 до 29 мг/л, причем наибольшие концентрации характерны для летнего периода. Концентрация хлорид-иона составила от 18,1 до 46,2 мг/л, возрастает вниз по водной системе от Веснянки к Чижовскому водохранилищу, причём особенно сильно – в центре города (р. Свислочь в р-не ул. Октябрьская). Фосфаты и нитриты играют незначительную роль в общей минерализации: нитриты в концентрациях до 0,156 мгN/л обнаруживаются в воде Чижовского водохранилища, до 0,026 – 0,034 мгN/л на других станциях, содержание фосфатов не превышает 0,081 мгP/л. Таким образом, в течение всего года в химическом составе воды р. Свислочь и парковых водоёмов в пределах г. Минска концентрации основных ионов и загрязняющих веществ возрастают вниз по течению.

В качестве индикационных характеристик зоопланктона исследуемых водоёмов были использованы показатели: общее количество видов, общая численность и биомасса зоопланктона, индекс видового разнообразия, соотношение количественных показателей основных таксономических групп – *Rotifera* : *Cladocera* : *Copepoda* – в величинах общей численности зоопланктона.

За период наблюдений с лета 2005 г. по лето 2006 г. в воде р. Свислочь, водохранилищ Комсомольское озеро и Чижовское было выявлено 98 видов и форм водных беспозвоночных, в том числе ветвистоусых ракообразных – 20, веслоногих ракообразных – 3, коловраток – 61 таксон. Видовое богатство составляло 18 – 55 видов и форм в летний период 2005 г., 8 – 17 видов и форм организмов осенью 2005 г, 21 – 35 видов и форм в весенний и 22 – 32 в летний период 2006 г. Количество видов в летний период выше в водохранилищах (32 – 55 видов), чем в речных системах (18 – 22 вида).

В летний период 2005 г. средние значения численности изменялись от 55 экз./л (р. Свислочь в районе ул. Октябрьская) до почти 500 экз./л (Чижовское водохранилище), средняя биомасса составляла от 0,45 – 0,64 мг/л в р. Свислочь до 4,94 мг/л в Чижовском водохранилище. В осенний период 2005 г. численность зоопланктона колебалась в пределах 9,75 – 18 экз./л, биомасса от 0,06 до 0,27 мг/л. В весенний период 2006 г. средняя численность зоопланктона изменялись от 194 экз./л (р. Свислочь в районе ул. Октябрьская) до 310 экз./л (р. Свислочь в районе Веснянки), иногда достигала 443 экз./л (Комсомольское озеро), средняя биомасса составляла от 0,67 – 0,86 мг/л (р. Свислочь) до 0,76 мг/л в Чижовском водохранилище и до 1,64 мг/л в Комсомольском озере (табл. 1).

Таблица 1

Численность (N) и биомасса (B) зоопланктона в р. Свислочь (2005 – 2006 гг.)

Станции	лето 2005 г.	осень 2005 г.	весна 2006 г.	лето 2006 г.
	<u>N, экз/л</u> <u>B, мг/л</u>	<u>N, экз/л</u> <u>B, мг/л</u>	<u>N, экз/л</u> <u>B, мг/л</u>	<u>N, экз/л</u> <u>B, мг/л</u>
р. Свислочь в районе Веснянки	<u>68,75±29,83</u> 0,64±0,41	<u>9,75±5,62</u> 0,09±0,05	<u>310,3±97,6</u> 0,86±0,41	<u>350,8±206,9</u> 5,94±5,32
Вдхр. Комсомольское озеро	<u>108,50±66,80</u> 1,75±1,90	<u>18,00±17,51</u> 0,27±0,27	<u>223,3±193,7</u> 1,64±1,20	<u>2959,0±1950</u> 0 25,20±16,99
р. Свислочь в районе ул. Октябрьской	<u>55,25±30,14</u> 0,45±0,361	<u>17,00±10,89</u> 0,09±0,10	<u>193,7±189,4</u> 0,67±0,73	<u>341,5±194,7</u> 4,21±2,41
Чижовское вдхр.	<u>499,75±112,05</u> 4,94±2,74	<u>18,00±12,19</u> 0,06±0,06	<u>235,0±86,5</u> 0,76±0,48	<u>61,3±29,2</u> 0,25±0,08

В летний период 2006 г. средние значения численности зоопланктона колебались в пределах от 61 до почти 3000 экз./л, биомасса – от 0,25 до 25,20 мг/л, ход численности совпадал с ходом биомассы, т. к. оба эти показателя обуславливались преимущественно ветвистоусыми и веслоногими ракообразными.

По численности в сообществе зоопланктона р. Свислочь в р-не Веснянки в основном преобладают ветвистоусые (36 – 74 %) и веслоногие (10 – 61 %) ракообразные, доля коловраток составляет 4 – 16 %, изредка достигая 70 %. В Комсомольском озере также наиболее чётко доминирует рачковый зоопланктон, который составляет 76 – 99 % общей численности, доля коловраток здесь самая низкая из всех станций наблюдения (1 – 24 %). Для р. Свислочь в р-не ул. Октябрьская характерны значительные сезонные изменения структуры зоопланктона, доли ветвистоусых и веслоногих ракообразных на этой станции составляли 4 – 77 и 19 – 29 % соответственно, в то время как численность коловраток колебалась в пределах от 2 до 78 % общей численности.

Сообщества Чижовского водохранилища на 45 – 84 % состояли из ветвистоусых и веслоногих рачков, доля коловраток составляла 55 – 67 %, достигая минимального значения 16 %. Приведённые показатели свидетельствуют об увеличении доли коловраток по мере прохождения реки через город, что свидетельствует об ухудшении условий развития зоопланктона.

Для сообществ зоопланктона исследованных водоёмов характерны высокие коэффициенты видового разнообразия (табл. 2): 1,83 – 2,45 в летний период 2005 г., от 1,80 до 2,18 осенью 2005 г, от 2,09 до 3,23 весной и от 1,68 до 2,96 летом 2006 г. При анализе средних значений индекса видового разнообразия за весь период наблюдений становится очевидным, что лентические экосистемы (Комсомольское и Чижовское водохранилища) имеют более высокое видовое разнообразие зоопланктона, чем лотические (р. Свислочь).

Таблица 2

Коэффициент видового разнообразия сообществ зоопланктона Шеннона

Станции	лето 2005 г.	осень 2005 г.	весна 2006 г.	лето 2006 г.
1 (р. Свислочь в районе Веснянки)	1,83 ±0,51	1,80 ±0,16	2,49 ±0,52	1,76 ±0,54
2 (вдхр. Комсомольское озеро)	2,45 ±1,39	2,18 ±0,12	2,35 ±0,09	1,68 ±1,10
3 (р. Свислочь в районе ул. Октябрьской)	1,97 ±0,76	1,91 ±0,44	2,09 ±0,78	1,99 ±0,36
4 (Чижовское вдхр.)	2,10 ±0,41	2,15 ±0,42	3,23 ±0,91	2,96 ±0,86

Максимальные значения индекса видового разнообразия Шеннона характерны для Комсомольского озера (до 2,45) и Чижовского водохранилища (до 3,23).

Таким образом, изменение химического состава воды и увеличение концентрации биогенов в р. Свислочь в г. Минске происходит вниз по течению. Одновременно отмечается пространственно-временное изменение количественных и структурных показателей сообществ зоопланктона, вызванное в первую очередь сменой экологических условий его развития.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ВЫСОКОРАЗВИТЫХ СТРАНАХ МИРА

И. В. Рускевич

В начале XXI века в высокоразвитых странах мира весьма остро стоит проблема пополнения трудовых ресурсов. Нехватка трудовых ресурсов, связанная с людскими потерями после Второй Мировой войны, а также низкой рождаемостью в сочетании со старением населения, наметившиеся с 1990-х годов XX века, обуславливают массовую иммиграцию в высокоразвитые страны. В перспективе ожидается дальнейшее сокращение численности трудоспособного населения, а также формирование «третьего возраста», в результате чего на плечи молодежи ложится забота по обеспечению престарелых иждивенцев. В результате ожидаемого увеличения потребности в трудовых ресурсах в ближайшие годы увеличение общей численности населения будет на 74 – 75 % обеспечиваться притоками иммигрантов. При чем этот процесс характерен в большей мере для городов, а не для сельских местностей в связи с лучшими условиями жизни и труда: более качественной системой товаров и услуг, науки, культуры, образования, здравоохранения.

В связи с этим, проблема грамотной иммиграционной политики в высокоразвитых странах мира является весьма актуальной на современном этапе развития этих стран.

Целью исследования является выявление общих тенденций, а также региональных отличий иммиграционной политики высокоразвитых стран с учетом их социально-демографических особенностей.

Объектом исследования являются высокоразвитые страны мира, а предметом – общие тенденции и региональные отличия иммиграционной политики высокоразвитых стран.

В ходе исследования было выявлено, что все высокоразвитые страны, несмотря на различия в социально-демографическом развитии, имеют общие тенденции в иммиграционной политике, которые заключаются в следующем:

1. Привлечение квалифицированной рабочей силы;
2. Усиление борьбы с нелегальной миграцией.

Проанализированная социально-демографическая ситуация и типы иммиграционной политики высоразвитых стран позволили выявить различия в особенностях реформ иммиграционной политики. Среди основных мер иммиграционной политики, ориентированной на временные перемещения квалифицированных мигрантов, были выделены:

- специальные программы привлечения временных трудовых мигрантов высокой квалификации, например, «Зеленая карта» в Германии (квота 20 тыс. человек в год) или H1B виза в США. В США в то же время расширили визу H1B с 115 тыс. до 195 тыс. человек в год до 2003 г.;

- специальные программы, ускоряющие получение разрешения на работу квалифицированными специалистами в целом (Соединенное Королевство) или представителями ряда специальностей, например, в области информационных технологий (Германия, Ирландия, Нидерланды, Австралия, Канада, США и др.), в области здравоохранения (Дания, Ирландия, Нидерланды, Норвегия);

- специальные программы, по которым представителям отдельных специальностей не требуется получать разрешение на работу или процедура получения разрешения на работу упрощена. Эти программы в первую очередь ориентированы на внутрифирменные перемещения (Австралия, Ирландия, Нидерланды, Соединенное Королевство, США), а также на специалистов высокой квалификации, которые могут обеспечить себя и свои семьи (Великобритания);

- в странах Северной Европы высокооплачиваемым иностранным специалистам предоставляются налоговые льготы (Нидерланды, Дания);

- специальные программы, направленные на возвратную иммиграцию работников высокой квалификации (Ирландия) или переподготовку уже работающих в стране иностранцев (Дания);

- специальные программы, предоставляющие студентам право работать в стране обучения сразу после получения высшего образования (Австралия, Великобритания, Германия, Норвегия, США, Франция);

- программы, разрешающие работать иностранным супругам граждан этих стран (Канада, Нидерланды, Соединенное Королевство).

Одной из острых социальных проблем высокоразвитых стран, определяющих реформы иммиграционной политики, является незаконное пересечение границы. Для предупреждения данного явления практически все развитые страны усиливают пограничный контроль, привлекая для этого современные технологии сканирования и идентификации личности (дактилоскопия, создание информационных баз данных и др.). Кроме того,

ужесточается визовый режим, особенно, применительно к тем государствам, из которых выходит большинство нелегальных мигрантов. Против авиакомпаний и пароходств, доставивших в страну нелегальных мигрантов, применяются санкции. Более строго проверяются браки, заключенные с иностранцами, с целью предупреждения фиктивных браков ради получения вида на жительство.

Следующее направление борьбы с нелегальной миграцией состоит в контроле и наказании работодателей. Одним из центральных вопросов политики борьбы с нелегальной миграцией является также практика депортаций и регуляризации положения нелегальных мигрантов. Процедура регуляризации (легализации, амнистии) использовалась в Бельгии, Греции, Испании, Италии, Португалии, США, Франции. Однако ряд стран выступает категорически против регуляризации (Австралия, Канада, Германия, Дания, Нидерланды, Норвегия, Япония). Противники политики регуляризации утверждают, что сама по себе эта процедура является стимулом для увеличения численности нелегальных иммигрантов в будущем [1].

В связи с преобладанием иммиграционных потоков, главным образом, в города высокоразвитых стран, для регулирования этого процесса была задействована организация «Евроситиз», созданная по инициативе ряда городов в 1989 г. В настоящее время членами организации являются более ста крупных городов государств – членов ЕС, а также России и Украины.

В 2000 г. восемь городов – членов организации выступили инициаторами проекта, получившего название «Eurocities Anti-Discrimination Exchange». Главной задачей проекта стало налаживание связей между муниципальными властями разных стран и обмен информацией о достижениях и проблемах в борьбе с дискриминацией некоторых групп населения, одной из которых являются иммигранты. Городами, принявшими участие в реализации проекта, стали Барселона и Мадрид (Испания), Бирмингем и Ньюкасл (Великобритания), Болонья (Италия), Антверпен (Бельгия), Гаага (Нидерланды), Мальме (Швеция). Действия муниципальных властей в рамках приоритетных направлений выразились в реорганизации существующих органов оказания помощи иммигрантам или создании новых органов, введении новых учебных и образовательных программ, а также в принятии мер по поощрению диалога различных культур, представленных в городах. В то же время в каждом из этих городов в настоящее время существует своя концепция в области иммиграции.

В ходе исследования было выделено несколько типов иммиграционных проектов городов Европы.

1 тип. Программа: «Доступное жилье» (строительство дешевого муниципального жилья для иммигрантов) и «Социальная помощь», при-

званная усилить эффективность работы центров оказания социальной помощи иммигрантам. (Барселоне (Испания)).

2 тип. Программа партнерства и взаимодействия рас, целью которой является привлечение иммигрантов к совместной работе над различными проектами преимущественно посредством рекрутирования женщин и молодежи. (Бирмингем (Великобритания)).

3 тип. Программа помощи жертвам дискриминации или преступности, разработанная на фоне всплеска преступности на расовой и этнической почве по отношению к мигрантам. (Ньюкасле (Великобритания)).

4 тип. Программа равных возможностей, в соответствии с которой власти должны продемонстрировать одинаковое внимание к проблемам всех групп населения. В отношении иммигрантов большое внимание уделяется обеспечению свободного и равного доступа иммигрантов к информации об образовании, различных языковых и профессиональных курсах, о возможностях трудоустройства. (Болоньи (Италия)).

5 тип. Программа максимальном включении иммигрантов в процесс принятия решений на городском уровне, что дает им возможность влиять на политику городских властей. (Антверпена (Бельгия)).

6 тип. Программа «Мировое турне по родному городу», цель которой – помочь близкому знакомству различных культур. (Гаага (Нидерланды)).

7 тип. Программа расширения контактов между различными группами городского сообщества, целью которого является создание такого общества, в котором бы каждая человеческая личность имела одинаковую ценность, а разнородность являлась бы полезным ресурсом, а не помехой. (Мальме (Швеция) [2]).

Таким образом, для высокоразвитых стран на современном этапе характерны общие тенденции и региональные различия в реформировании иммиграционной политики, которые заключаются в введении различных программ по привлечению квалифицированной рабочей силы, а также принятию мер борьбы с нелегальной миграцией, которые проводятся на уровне стран и городов.

Литература

1. Денисенко М. Б. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада / М. Б. Денисенко, О. А. Хараева, О. С. Чудиновских. – М.: ИЭПП. 2003. С. 70 – 99.
2. Западная Европа перед вызовом иммиграции / Под ред. Пархалина Т. Г. – М. 2005. С. 207 – 218.

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ РАЗМЕЩЕНИЯ ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В. С. Серебрякова

Под условиями размещения понимают специфические природные и социально-экономические черты таксономических единиц: пунктов, районов, зон.

Условия территории оказывают влияние на экономику производств и таким образом выступают как факторы размещения. Но не все факторы производны от условий территории, например, такие, как: социально-экономические задачи государства (решение проблемы занятости населения, переход на самообеспечение той или иной продукцией и др.).

Первым вводит термин «факторы размещения» и дает его дефиницию А. Вебер. Факторами размещения он называет экономическую выгоду, «которая выявляется для хозяйственной деятельности в зависимости от места, где осуществляется эта деятельность. Эта выгода заключается в сокращении издержек по производству и сбыту определенного промышленного продукта и означает, следовательно, возможность изготавливать данный продукт в одном каком-либо месте с меньшими издержками, чем в другом месте». Все это факторы «естественно-технические», им были выделены и «социально-культурные» факторы, зависящие от изменений общественного строя и не являющиеся предметом «чистой теории» [2, с. 46].

С.А. Николаев определил факторы размещения «как важнейшие ресурсы и условия промышленного производства, которые необходимы для выпуска продукции и отличаются существенной территориальной дифференциацией (как по их наличию, так и по экономическим показателям)» [3, с. 106].

Таким образом, факторы размещения – пространственно дифференцированная совокупность природных, экономических и социальных условий (причин), воздействующая на размещение отраслей хозяйств и отдельных объектов.

Основными факторами размещения промышленности являются территориальный, экономико-географического положения, природно-ресурсный, транспортный, наличие трудовых ресурсов, территориальной концентрации производства, наукоемкости, экологический.

Набор факторов, учитывающихся при размещении любого производства, определяется технологией производства. Д.Смит подчеркивал, что выбор местоположения предприятия не может рассматриваться изолиро-

вано от масштабов и технологии производства, поскольку они неразрывно связаны.

Очевидно что, совершенствование технологического процесса должно непосредственно отражаться на территориальной организации промышленности. Поскольку с одной стороны происходит изменение соотношения между решающими и второстепенными факторами, при этом в новых условиях может изменяться сущность влияния «старых» факторов. С другой стороны появляются «новые» факторы, не связанные непосредственно с прогрессом в технологии производства (дешевая рабочая сила и др.).

В.Е. Шувалов выделил следующие «новые» факторы, влияющие на организацию промышленности, которые ранее не учитывались или рассматривались поверхностно: коммуникационно-инфраструктурный; фактор собственности; институциональный, в том числе законодательный; экологический, как ограничитель традиционных и организатор новых форм хозяйственной деятельности; политический (политические элиты тесно связаны с крупным и средним бизнесом); поведенческий (возрастание роли общественного мнения); национальный; фактор регионального менталитета (от традиционалистского до новаторского).

К этому списку можно добавить и макроэкономические факторы, в том числе характерные для «новой экономики»: глобализация, позитивный инвестиционный имидж страны, информационная инфраструктура, инновационный потенциал и т.п.

На территории Беларуси первое предприятие по производству бумаги появилось в 1728 г. в Поставах. В целом все предприятия, формирующие современный территориальный каркас отрасли, были основаны до конца XIX в. Естественно, что с тех пор многое изменилось как в технологическом процессе производства, так и в общественном строе. Поэтому рассмотрение изменений технологических условий в диахронном срезе позволит сделать некоторые общие выводы об изменениях относительного значения отдельных факторов производства и причинах, их обуславливающих.

1. ПЕРВЫЙ ЭТАП: «ТРЯПИЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО»

До XIX в. тряпье оставалось единственным сырьем для получения бумаги в Европе. Оно постоянно было в дефиците, поэтому места его сбора притягивали к себе производство бумаги. Технологический процесс отличался высокой водоемкостью. Следовательно, предприятия концентрировались в районах с наибольшей плотностью населения – источник сырья и потребитель готовой продукции – например, возле уездных городов, и на реках. Таким образом, на данном этапе развития целлюлозно-бумажного

производства основными факторами размещения являлись: потребительский; природно-ресурсный (наличие сырья и воды).

2. ВТОРОЙ ЭТАП: «ДРЕВЕСНОЕ ПРОИЗВОДСТВО» (1799 – НАЧ. XX В.)

Замена дорогостоящего и дефицитного тряпья более дешевым сырьем – древесной массой – позволила перейти к промышленному способу производства бумаги. Оно началось в Европе с 1799 г., когда была создана первая бумагоделательная машина. На территории современной Беларуси машинный способ производства распространяется только с 70-х гг. XX в.

До 30 – 40-х гг. развитие отрасли идет быстрыми темпами, что стимулировалось следующими факторами:

1. потребительским: рост спроса со стороны школ и училищ, появление в губернских центрах типографий;

2. государственной протекционистской политикой: запрет на ввоз иностранной писчей бумаги (казенным учреждениям запрещалось пользоваться заграничной бумагой), введение высоких пошлин на ее ввоз.

В 30 – 40-е гг. развитие писчебумажного производства замедлилось. Это было связано с сохранением старой технологии производства и недостатком сырья, а также с сокращением спроса на бумагу в связи с ограничениями в развитии образования и культуры (после восстания 1830 – 1831 гг.). Так, объем производства в период с 1809 по 1828 увеличился в 3,4 раза, а с 1828 по 1845 – всего в 1,5 раза [1].

В 60-е гг. еще более снизились темпы прироста производства, так как были снижены почти на 50% тарифы на заграничную бумагу. В связи с чем, все мелкие предприятия к 1860 г. закрылись.

С конца 70-х гг. постепенно осуществляется переход к древесномассовому сырью. Происходит смещение новых предприятий в лесные регионы. Обязательным условием размещения являлось положение на реках, так как наличие воды было необходимо не только в технологическом процессе, но и являлось одним из транспортных средств по поставке леса, крупногабаритного оборудования и сопутствующих материалов.

3. СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП (СЕРЕДИНА XX – НАЧ. XXI В.)

Это наиболее сложный период в развитии целлюлозно-бумажной промышленности Беларуси, так как произошел распад единого хозяйственного комплекса советского государства, сопровождающийся экономическим кризисом и необходимостью перехода к новым рыночным отношениям, что значительно тормозило формирование так называемой «новой экономики». Целлюлозно-бумажная промышленность столкнулась с рядом проблем: бумажные и картонные фабрики стали работать на импортном сырье, что, безусловно, делает белорусскую продукцию некон-

курентоспособной на внешнем рынке; высокий физический и моральный износ активной части основных фондов; дефицит инвестиций.

На современном этапе на функционирование уже имеющихся и на размещение новых предприятий целлюлозно-бумажной промышленности Беларуси по-прежнему будут влиять такие стандартные факторы как: сырьевой, экологический; наличие водных ресурсов – но сущность их влияния несколько измениться. Так, сырьевой фактор следует рассматривать как более широкое использование в производственном процессе малоценной и тонкомерной древесины рубок ухода и отходов деревообработки. Экологический фактор и наличие водных ресурсов напрямую зависят от размеров финансовых средств предприятий и государства: если их достаточно, то влияние этих факторов минимально и наоборот.

Основными факторами, определяющими территориальную организацию целлюлозно-бумажной промышленности Беларуси, должны являться потребность рынка в определенном виде продукции (хорошо развитая полиграфическая индустрия, спрос со стороны населения); решение социальных проблем (проблема безработицы в малых городах и сельской местности); наличие достаточных финансовых ресурсов для таких капиталовложений, т.к. целлюлозно-бумажная промышленность отличается значительной капиталоемкостью, что является существенным препятствием для реализации модернизационных проектов и нового строительства и обуславливает необходимость иностранного инвестирования в сочетании с государственной поддержкой.

Литература

1. *Болбас М. Ф.* Промышленность Беларуси. 1795 – 1861. Мн., 1966.
2. *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики: учебник для вузов / А. Г. Гранберг; Гос. Ун-т – Высшая школа эк-ки. – 4-е изд. М., 2004.
3. *Николаев С. А.* Межрайонный и внутрирайонный анализ размещения производительных сил. М., 1971.

ИНТЕРНЕТ В СИСТЕМЕ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ ПРЕДПРИЯТИЯ

А. А. Стриха

Интернет сегодня является неотъемлемой частью различных видов человеческой деятельности, в том числе коммерции. Наряду с бурным ростом Интернет и, соответственно, электронного бизнеса одним из важных явлений стало появление нового направления в маркетинге – Интернет-маркетинга. Иногда это направление также именуется как гипермаркетинг, что подчеркивает гипермедийный характер среды Интернет.

Интернет дает множество инструментов для воздействия на целевую аудиторию рекламодателя. Среди них можно выделить: размещение рекламы на тематических и общеинформационных сайтах, баннерные сети, e-mail маркетинг, продвижение с помощью поисковых систем и каталогов, обмен ссылками, участие в рейтингах, партнерских и спонсорских программах.

В числе основных возможностей и преимуществ Интернет перед другими медиа можно назвать возможность анализа поведения посетителей на сайте и совершенствования сайта, продукта и маркетинга. Так как для Интернет характерно: доступность (24/24 и 7/7: 24 часа в сутки, 7 дней в неделю) и гибкость (начать, корректировать и прервать рекламную кампанию можно мгновенно); интерактивность: потребитель может взаимодействовать с предприятием и с продуктом, изучить его, иногда попробовать (например демо-версии программ, главу книги) и, если подходит, - купить; оперативность распространения и получения информации и др. [1]

Интернет-маркетинг можно условно разделить на два направления. Первое связано с применением инструментария Интернет для расширения традиционной системы маркетинга предприятий: организация информационного взаимодействия между сотрудниками предприятия, заказчиками, партнерами; проведение маркетинговых исследований; продвижение и продажа товаров и услуг через Интернет, а в случае их цифровой природы, доставка до потребителя; организация сервисного обслуживания и многое другое.

Второе направление связано с появлением новых видов моделей бизнеса, основой которых стал непосредственно сам Интернет и для которых он играет основополагающую роль, например, Интернет-магазины, торговые электронные площадки, виртуальные информационные агентства, компании и предприятия, оказывающие услуги для участников Ин-

тернет-рынка, и т.д. Для этих направлений Интернет играет не только роль нового инструмента, цель которого повысить эффективность бизнес-процессов и сократить издержки, его задача – принести прибыль.

В Беларуси на сегодняшний день сложилась не вполне благоприятная ситуация на рынке электронной коммерции и Интернет-маркетинга - вследствие *неправильного понимания рынков, неправильного понимания самих концепций электронных транзакций, отсутствия квалифицированных специалистов, отсутствия необходимой технико-правовой базы*. Однако с каждым годом все больший процент маркетинговой активности предприятий, как в мире, там и в Беларуси, отдается в пользу Интернет.

Целью данной работы является определение возможностей и роли Интернет как инструмента маркетинговой деятельности для реализации маркетинговых коммуникаций предприятия.

Большинство публикаций о маркетинге в Интернет сейчас сводятся к рекламе в Сети. Действительно, Интернет-маркетинг наиболее четко выделяет специфику Интернет, его новые формы, реклама направлена на конечного потребителя и потому она «на виду». *Однако сведение маркетинга в Интернет только к Интернет-рекламе очень сужает действительные функции и возможности Интернет*. Его маркетинговые возможности можно обозначить, рассмотрев обобщенно производственный цикл предприятия любой сферы деятельности:

- изучение рынка, информационный маркетинг;
- производство товара или услуги;
- реализация;
- сервис и послепродажная деятельность. [1]

Использование Интернет приносит новые особенности и преимущества по сравнению с маркетингом, основанном на традиционных технологиях. Вот некоторые из них:

Переход ключевой роли от производителей к потребителям.

Глобализация деятельности и снижение транзакционных издержек.

Персонализация взаимодействия и переход к маркетингу «один-одному».

Снижение трансформационных издержек. [2]

Классический комплекс маркетинговых коммуникаций включает в себя *пять основных способов*: реклама, стимулирование сбыта, общественные связи, личная продажа и прямой маркетинг. И все они нашли свою модификацию в Интернет. Для рекламы – это баннерная реклама, строчная реклама на специализированных Интернет-ресурсах, «заказные» статьи, прямая почтовая реклама и др.; для стимулирования сбыта – это конкурсы и опросы в Интернет, дисконтные Интернет-программы, по-

дарки посетителям с символикой проекта; для общественных связей – это, опять таки, «заказные» статьи, открытие на портале бесплатных сервисов, индексация в поисковых системах, контекстная реклама и др.; для личных продаж и прямого маркетинга – это партнерские программы, прямые почтовые рассылки, подписка на новости и др.

Как уже говорилось выше, понятия Интернет-маркетинга и Интернет-рекламы во многом пересекаются, поэтому имеет смысл затронуть тему оценки эффективности Интернет-рекламы.

Эффективность рекламы в Интернет, безусловно, будет определяться только одним - выполнением задач, напрямую связанных с состоянием потенциального потребителя. Они были сформулированы, когда определялось, на какую стадию необходимо переводить потенциального потребителя.

Использование любого средства должно завершаться оценкой его эффективности. *Можно выделить два направления оценки эффективности рекламы в Интернет:*

коммуникативная (информационная) эффективность Интернет-рекламы позволяет установить, насколько эффективно конкретное рекламное обращение передает целевой аудитории необходимые сведения или формирует желательную для рекламодателя точку зрения. Она характеризует в целом охват аудитории покупателей рынка. Изучение коммуникативной (информационной) результативности рекламы дает возможность улучшить качество как содержания, так места и формы подачи информации;

экономическая эффективность Интернет-рекламы может определяться соотношением между результатом, полученным от рекламы, и величиной затрат (материальных, финансовых) на проведение рекламных мероприятий за фиксированный промежуток времени. [3]

Одной из основных причин неэффективного использования возможностей Интернет сегодня является тот факт, что Интернет-маркетингом на предприятиях часто занимаются люди не заинтересованные в результатах его использования и не специалисты. Отсюда следует неправильная постановка задачи перед Интернет-маркетингом или ее отсутствие.

Основные надежды и основания для усилий в области Интернет сегодня - постоянный рост объемов продаж через Интернет, затрат на рекламу в Сети, все большая доступность Интернет и рост его возможностей. Конкретнее - стремительный рост количества Интернет-проектов, все новые технологические и технические возможности (баннерные сети, Интернет-магазины, базы данных в Интернет, CRM-системы и др.), рост конкуренции провайдеров и как следствие, падение цен на услуги и т.д.

Все больше предприятий активно используют Интернет. Этот рынок растет, и, в отличие от других, растет постоянно и очень быстро.

Несомненно, с развитием технологий доступа в Интернет, возрастёт потребность в этих технологиях. Наверняка новые возможности Интернет будут использованы маркетологами и, конечно, потребителями в качестве дешевого доступа к целому ряду высококачественных и надёжных услуг. В эти услуги должны входить традиционные Интернет – услуги, например финансовый менеджмент, закупочная деятельность, маркетинг, и данных, так и принципиально новые цифровые услуги, в частности обслуживании совместной деятельности партнёров по бизнесу. Ожидается, что эти услуги дадут фирмам и маркетологам ряд преимуществ, например увеличат время присутствия товаров и услуг компании на рынке, снизят затраты и облегчат адаптацию к изменению ситуации на рынке.

Рассмотренные направления использования Интернет-маркетинга свидетельствуют о том, что индивидуальные функциональные системы маркетинга предприятий должны учитывать изменения в информационных технологиях. С другой стороны, необходимо предлагать проекты, судьбы которых складывались бы не только внутри Сети, но и имели бы отношение к основным стратегиям, которые предприятие использует в своей деятельности.

Другими словами, все участники рынка Интернет-услуг должны рассматривать мероприятия в Интернет как часть маркетинговой стратегии.

Постепенно из модной игрушки Интернет превращается в один из инструментов для ведения бизнеса. Все большее число некомпьютерных компаний начинает использовать новые возможности, открывающиеся при грамотном применении новых технологий. Сейчас появился ряд белорусских компаний, которыми был накоплен практический опыт использования Интернет в бизнесе с учетом национальных особенностей (к примеру, *TUT.BY*) [4]. Именно благодаря накопленному опыту эти компании могут выступать в качестве квалифицированных консультантов, работа с которыми позволит избежать ошибок на всех стадиях ведения бизнеса в Интернет, в большинстве своем совершаемых из-за недостаточного опыта.

И, невзирая на все сложности, все большее число белорусских предприятий включают Интернет-маркетинг в перечень используемых инструментов. Причем все большее число предприятий использует Интернет на всех этапах своей деятельности. Для многих компаний вопрос уже заключается не в том, стоит ли использовать Интернет, а в том, какой бюджет на это выделить и как его распределить.

Если обобщить результаты использования Интернет в маркетинговых коммуникациях предприятия, то мы увидим, что:

уровень развития Интернет как средства маркетинга находится на весьма низком уровне и потенциал Сети используется очень слабо. Интернет используется прежде всего как средство коммуникации и информационный канал;

- несмотря на вышесказанное, Интернет является мощным маркетинговым инструментом, который позволяет не только осуществлять коммуникации в сжатых пространственно-временных рамках, но и значительно расширяет традиционного маркетингового комплекса;

- одно из условий успешной маркетинговой кампании - тщательное планирование. Необходимо четко определить ее цели, выделить целевых покупателей и рынки сбыта, проработать элементы предложения, протестировать их и установить критерии измерения эффективности кампании.

Безусловно, в ближайшие годы будет иметь место тенденция расширения использования ресурсов Интернет-маркетинга в Беларуси. Здесь, прежде всего, имеется ввиду проведение маркетинговых исследований (мониторинг рынков и анализ деятельности конкурентов, проведение опросов посетителей собственного сервера, тестирование нового продукта, исследование результатов телеконференций, использование данных опросов, проводимых на других серверах), поиск клиентов и партнеров, проведение рекламных кампаний, стимулирование сбыта, осуществление связей с общественностью, электронная коммерция.

Литература

1. *Багрин Ю.* Интернет как новый маркетинговый канал [Электронный ресурс] / Юрий Багрин / - Режим доступа: <http://www.travelinform.ru/main/newtech/articles/?ID=10> – Дата доступа: 25.01.2007.
2. *Успенский И.В.* Интернет-маркетинг. Учебник. /И.В. Успенский /СПб.: Изд-во СПГУЭиФ, 2003. - 197 с./ [Электронный ресурс] Режим доступа: http://polbu.ru/uspensky_inetmarketing/ch01_all.html – Дата доступа: 08.04.2007.
3. *Бушуева Л.* Роль Интернет-услуг в практической маркетинговой деятельности [Электронный ресурс] / Бушуева Л.И. // Маркетинг в России и за рубежом, 2001. - №4 - Режим доступа: <http://www.cfin.ru/press/marketing/2001-4/07.shtml> – Дата доступа: 08.04.2007.
4. *Волошин К.* Маркетинговые коммуникации в Интернете / Кирилл Волошин // Надежные программы – 2003. – №11. – С. 45-51.

ДИАЛОГ В СЕМИОТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ КУЛЬТУРЫ Ю. М. ЛОТМАНА

В. В. Бурсевич

Среди многочисленных походов к исследованию феномена культуры ведущая роль сегодня принадлежит семиотическому подходу, рассматривающему культуру в ее знаковой реальности. Виднейший представитель русской ветви семиотики Ю. М. Лотман трактует культуру как коллективный интеллект, особую надындивидуальную мыслительную систему, чьи важнейшими характеристиками оказываются способность порождать, сохранять и транслировать информацию. В связи с этим в рамках семиотических концепций первостепенное значение приобретает проблема коммуникации и диалога как важнейшего механизма развития культуры.

Изначально в своих исследованиях Лотман ориентировался на модель коммуникации, предложенную Р. О. Jakobsonом. Однако применение данной модели в отношении культуры оказывается ограниченным, поскольку в таком случае неразрешимыми оказываются многие принципиальные вопросы, в первую очередь, механизм смыслопорождения и динамика культуры. Модель Jakobsonа можно охарактеризовать как монологическую, так как она подразумевает константность сообщения и полное соответствие кодов отправителя и получателя. Отличительной особенностью подобной модели является принципиальная обратимость, то есть предположение о том, что, если переданное сообщение будет возвращено тем же путем и вновь дешифровано, оно окажется тождественным изначальному.

Очевидно, что культура не может выстраиваться на основе монологического процесса, поскольку это предполагало бы абсолютную неизменность ее содержания и исключало бы возможность приращения смысла. Получение нового сообщения подразумевает иную модель коммуникации, не строящуюся на однозначных преобразованиях. Поэтому, заимствуя и развивая идеи М. М. Бахтина о полифонии и диалогизме художественного произведения, Лотман в качестве исходного признака культуры постулирует полиглотизм, или многоязычие. Одним из ключевых моментов семиотической модели Лотмана становится тезис о том, что культура как постоянно развивающееся образование должна быть как минимум двуязычной.

Биполярность, или диалогизм, рассматривается Лотманом как минимальная структура любой семиотической организации, проявляющаяся на различных уровнях интеллектуальных систем, начиная от асимметрии полушарий человеческого мозга до асимметрии коллективного интеллекта, то есть культуры. Именно за счет исходной необратимости языков культу-

ры, их постоянного наложения и пересечения происходят различные семантические сдвиги и, соответственно, непрерывный процесс семиозиса.

Лотман определяет диалог как «механизм выработки принципиально новых текстов»[8, с.19] и выделяет важнейшие требования, соблюдение которых необходимо для плодотворной реализации диалогического общения. Во-первых, поскольку акт диалога не ограничивается элементарной передачей готового сообщения, субъекты диалога не должны быть тождественны, изоморфны. В то же время между участниками диалога должно быть некое отношение подобия, иными словами, оба участника должны быть погружены в единое поле семиотической напряженности, многомерное пространство семиосферы. Если обратиться к наиболее часто используемой Лотманом аналогии с условно переводимыми языками, то диалогическое общение, представленное в виде кругов Эйлера, возможно не в случае их полного совпадения или различия, иначе диалогический обмен либо избыточен, либо невозможен, и даже не в пространстве их пересечения, ибо и там обмен уже излишен. Лишь при переходе из зоны различия в пространство пересечения смысловых универсумов участников коммуникации может состояться подлинный диалог.

Помимо этого, диалог в качестве неременного условия предполагает обоюдность в обмене информацией и, соответственно, дискретность при передаче отдельных порций информации и попеременное изменение ролей «передающий» – «принимающий».

Наконец, диалог должен обладать еще одним важным свойством: передаваемое в ходе диалога сообщение для того, чтобы его восприняли, еще до встречи с чуждым ему смысловым пространством должно имплицитно содержать «элементы перехода на чужой язык»[8, с. 20]. Выражаясь словами Х.-Г. Гадамера в сообщении должно быть скрыто некое «ожидание» и «затронутость смыслом»[3, с. 262], настроенность на иное, готовность к изменению.

Диалог осуществляется в семиотической модели культуры Лотмана на двух уровнях, внутреннем и внешнем. Во-первых, трактуя культуру как гетерогенный текст, «нарочито многозначную словесную игру»[1, с. 53], поле столкновения разнонаправленных импульсов, Лотман рассматривает диалогизм в качестве важнейшего принципа внутреннего развития культуры. Принцип полиглотизма текста, отстаиваемый Лотманом, а также представление о том, что «семиологическое пространство заполнено свободно передвигающимися обломками различных структур»[5, с. 102], можно сравнить с введенным Ю. Кристевой понятием интертекстуальности. Любой культурный текст существует в силу межтекстовых связей и отсылок. Текст –

это сеть, переплетение цитат, языков и кодов. Культура имеет многомерную, «бесовскую текстуру»[2, с. 418], противостоящую монологизму.

Кроме того, для Лотмана характерно подчеркивание коммуникативного характера всех протекающих в культуре процессов: механизмы креативной памяти, коммуникации, а также «взрывные» процессы в культуре выстраиваются на принципе диалогизма как «нескончаемая и неразрешимая полифония»[4, с. 469]. Любой процесс изменения и порождения в рамках культуры подразумевает взаимодействие нескольких ее подсистем, текстов, традиций. Таким образом, культура интерпретируется Лотманом не в качестве готового результата некой культуротворческой деятельности, но как «своеобразный генератор смысла»[9, с. 145], непрерывный процесс семиозиса, выработки новой информации и смысла.

С другой стороны, диалог становится важнейшим способом взаимоотношения культуры с окружающим ее контекстом, иными семиотическими универсумами. Культура предстает у Лотмана в виде гетерогенной развивающейся «семиотической монады»[6, с. 641]. Несмотря на то, что культура выступает как постоянно изменяющееся, трансформирующееся образование, она, тем не менее, по мнению Лотмана, обладает некоторой локализованностью в собственных границах, не дающих ей раствориться во внешнем пространстве. Однако эта граница оказывается проницаемой. Более того, презумпция проницаемости границы оказывается важнейшим условием существования культуры и ее развития.

Благодаря собственной незамкнутости, культура имеет возможность вступать в контакт с иными семиотическими мирами. Результатом таких контактов становится, в первую очередь, механическое расширение содержания культуры за счет включения инородных текстов. Однако не всегда в культуре имеются уже готовые коды для дешифровки полученных сообщений. Новые тексты могут становиться импульсами для творческой активности, поскольку культура вынуждена самостоятельно создавать новые культурные коды. И, наконец, встреча с чужим семиотическим пространством запускает механизмы рефлексии и самопознания. Позиционируя себя «другому», культура получает возможность конституировать собственное пространство в качестве некой целостности. «Потребность «другого» есть потребность в своей самобытности, так как «другой» нужен именно потому, что он дает иную модель той же реальности, и иной язык моделирования, и иную трансформацию того же текста»[7, с. 590].

Таким образом, диалог рассматривается Лотманом не только в качестве одного из возможных видов коммуникации, но приобретает статус важнейшего имманентного принципа, пронизывающего все подсистемы культуры. Диалог становится не просто актом обмена сообщениями, но осно-

вой для любой творческой активности и смыслопорождения в границах культуры. Тем самым, утверждается первичность диалогического общения по отношению к любому монологическому языку культуры, выстраиваемому на его основе. Помимо того, диалогизм становится главной методологической презумпцией семиотической концепции Лотмана, которая акцентируя внимание на диахроническом срезе бытия культуры, позволяет построить не статическую, но динамическую модель культуры.

Литература

1. *Лотман Ю. М.* Асимметрия и диалог // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры. В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 46–58.
2. *Барт Р.* От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 413–423.
3. *Гадамер Г.-Г.* Эстетика и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 256–265.
4. *Кристева Ю.* Разрушение поэтики // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 458–483.
5. *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 12–150.
6. *Лотман Ю. М.* Культура как субъект и сама-себе объект // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 639–647.
7. *Лотман Ю. М.* Мозг – текст – культура – искусственный интеллект // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 580–590.
8. *Лотман Ю. М.* О семиосфере // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры. В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 11–25.
9. *Лотман Ю. М.* Текст и полиглотизм культуры // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры. В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 142–148.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО И ПОВЕДЕНЧЕСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА СИТУАЦИЮ ФРУСТРАЦИИ У СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМИ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯМИ АГРЕССИИ

В. В. Воловикова

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что взаимодействие типов репрезентации агрессии и стратегий совладающего поведения является важным индикатором адаптации или дезадаптации человека к изменяющимся условиям жизни. Социальные репрезентации агрессии, формируясь в ходе социализации, в последствии становятся автономными и определяют характер поведения, приемлемость или неприемлемость тех или иных форм проявления агрессии. Установление взаимосвязи между типом репрезентации агрессии и используемыми

стратегиями совладания позволяет выявить особенности адаптации к стрессовой ситуации.

Проведенное исследование посвящено проблеме определения характера и тесноты взаимосвязи типа репрезентаций агрессии, эмоций, переживаемых в ситуации фрустрации, и стратегий совладания со стрессовой ситуацией.

В исследовании использовались русифицированные варианты 1) опросника инструментальной и экспрессивной репрезентаций агрессии, разработанного А. Кэмпбелл и др. [1]; 2) опросника провокации агрессии, разработанного Д. Б. О'Конер и др. [2] и модифицированного И. А. Фурмановым, В. В. Воловиковой [3]. Данная методика измеряет степень выраженности эмоций гнева, страха, бессилия, раздражения, а также степень выраженности стратегий поведенческого реагирования: пассивной агрессивности, подавленной агрессивности, активной агрессивности, асертивности, бегства [4]. В исследовании приняло участие 110 студентов, 50% юношей и 50% девушек.

В результате проведенного исследования были выявлены следующие закономерности:

1. Между мужчинами и женщинами существуют значимые различия в социальных репрезентациях агрессии. У женщин преобладают экспрессивные репрезентации агрессии ($p \leq 0,01$), а у мужчин — инструментальные ($p \leq 0,001$). Таким образом, для женщин более характерны представления об агрессии как результате потери контроля над ситуацией и собственным поведением. Для мужчин более характерно использование агрессии как эффективного способа осуществления контроля над ситуацией и другими людьми, как способа достижения своих целей.

2. Особенность эмоционального реагирования на ситуацию фрустрации состоит в том, что у мужчин с высокими показателями как экспрессивной, так и инструментальной репрезентаций агрессии уровень гнева выше, чем у мужчин с низкими показателями ($p \leq 0,01$). У женщин статистически значимых различий по показателям гнева не выявлено.

У мужчин с высокими показателями экспрессивных репрезентаций агрессии уровень бессилия и раздражения выше, чем у мужчин с низкими показателями экспрессивных репрезентаций агрессии ($p \leq 0,05$). Иными словами, потеря контроля над ситуацией вызывает у мужчин с высокими показателями экспрессивных репрезентаций агрессии реакции бессилия и раздражения.

У женщин с высоким уровнем инструментальных репрезентаций агрессии показатели раздражения выше, чем у женщин с низким уровнем инструментальных репрезентаций агрессии ($p \leq 0,01$). В отличие от муж-

чин, у которых раздражение возникает в ответ на потерю контроля, женщины используют раздражение как способ осуществления контроля над ситуацией.

У женщин с высоким уровнем экспрессивных репрезентаций агрессии показатели бессилия и страха выше, чем у женщин с низким уровнем экспрессивных репрезентаций агрессии ($p \leq 0,01$). Исходя из этого, можно заключить, что потеря контроля над ситуацией и собственным поведением вызывает у женщин чувство бессилия и страх.

У женщин с высоким уровнем экспрессивных репрезентаций агрессии показатель страха выше, чем у мужчин ($p \leq 0,05$). У мужчин статистически значимых различий по показателям страха не выявлено.

3. Изучение особенностей поведенческого реагирования в ситуации фрустрации позволило установить, что у мужчин и женщин с высоким уровнем инструментальных репрезентаций агрессии показатели активной агрессивности выше, чем у мужчин и женщин с низким уровнем инструментальных репрезентаций агрессии ($p \leq 0,01$). Помимо этого, показатели активной агрессивности выше у женщин с низким уровнем экспрессивных репрезентаций агрессии, чем у женщин с высоким уровнем ($p \leq 0,01$), т.е. при отношении к агрессии как способу осуществления контроля над ситуацией, как к инструменту достижения собственных целей и мужчины, и женщины предпочитают использовать активные стратегии совладания. При низком уровне инструментальных репрезентаций агрессии чаще используются пассивные стратегии. Так у мужчин с низким уровнем инструментальных репрезентаций агрессии показатели подавленной агрессивности и бегства, ухода из ситуации выше, чем у мужчин с высоким уровнем ($p \leq 0,01$). У женщин с высоким уровнем экспрессивных репрезентаций агрессии показатель пассивной агрессивности и подавленной агрессивности выше, чем у женщин с низким уровнем ($p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$ соответственно). Это доказывает, что основным фактором сдерживания агрессивности является эмоция страха.

Женщины, независимо от типа репрезентаций агрессии, чаще используют бегство и уход из ситуации. Для мужчин же бегство из ситуации не является релевантным способом адаптации к стрессовой ситуации. При высоком уровне экспрессивных репрезентаций агрессии мужчины реакции бегства предпочитают подавление агрессивности. При высоком уровне инструментальных репрезентаций мужчины склонны использовать активные стратегии совладания—ассертивность и активную агрессивность как наиболее эффективные способы достижения собственных целей.

4. Корреляционный анализ данных, направленный на выявление взаимосвязи между типом репрезентации агрессии и стратегиями совладания

выявил, что способ совладания со стрессовой ситуацией определяется не только типом репрезентаций агрессии, но доминирующей в ситуации фрустрации эмоцией, выступающей регулятором поведения.

У мужчин экспрессивные репрезентации агрессии положительно коррелируют с гневом ($r=0,295$, $p\leq 0,01$) и бессилием ($r=0,306$, $p\leq 0,01$). Инструментальные репрезентации агрессии положительно коррелируют только со шкалой гнева ($r=0,351$, $p\leq 0,01$).

У женщин экспрессивные репрезентации агрессии положительно коррелируют с бессилием и страхом (соответственно $r=0,330$, $r=0,246$, $p\leq 0,01$), а инструментальные репрезентации агрессии—с гневом, бессилием и раздражением (соответственно $r=0,211$, $r=0,200$, $r=0,229$, $p\leq 0,05$).

Независимо от пола и типа репрезентаций агрессии между всеми эмоциональными реакциями обнаружена положительная взаимосвязь, т.е. в ответ на негативное событие возникает целый комплекс эмоций, интенсивность и взаимовлияние которых определяют стратегии совладания.

Стимулировать ту или иную поведенческую реакцию может как одна эмоция, так и взаимодействие нескольких эмоций. Сочетание гнева и раздражения побуждает к проявлению активной агрессивности как у мужчин, так и у женщин, а также ассертивности у женщин. У мужчин ассертивность является результатом переживания в большей степени гнева и раздражения, в меньшей степени—страха или бессилия. Бессилие и в большей степени страх стимулируют тенденцию к бегству, уходу из ситуации у обоих полов.

Переживание бессилия и страха и в меньшей степени гнева и раздражения мотивирует пассивно-агрессивный тип поведенческого реагирования. У женщин к пассивной агрессивности приводит взаимовлияние бессилия, страха и раздражения, которые у мужчин приводят не к пассивной, а к подавленной агрессивности.

В отличие от мужчин, у которых подавленная агрессивность есть результат переживания бессилия, страха и в меньшей степени раздражения, у женщин выявлены отрицательные корреляции гнева и раздражения с подавленной агрессивностью.

5. Между самими стратегиями совладания были выявлены следующие взаимосвязи: активная агрессивность положительно коррелирует с ассертивностью ($r=0,444$, $p\leq 0,01$), подавленная агрессивность положительно коррелирует с пассивной агрессивностью и бегством (соответственно $r=0,586$, $r=0,448$, $p\leq 0,01$).

Только активная агрессивность у мужчин и активная агрессивность и ассертивность у женщин возникают в ответ на переживание гнева и раздражения, все остальные стратегии совладания детерминированы еще и

страхом или бессилием, служащим сдерживающим фактором открытого выражения агрессии.

Таким образом, студенты с экспрессивной и инструментальной репрезентациями агрессии используют различные способы совладания со стрессовой ситуацией, но окончательный выбор той или иной стратегии совладания определяется доминирующей в стрессовой ситуации эмоцией или комплексом переживаемых эмоций.

Литература

1. *Campbell A., Muncer S., McManus I., Woodhouse D.* Instrumental and expressive representations of aggression: One scale or two?//Aggr. behaviour.-1999.-vol.25.-P.435-444.
2. *O'Connor D., Archer J., Wu W.* Measuring aggression: self-reports, partner reports, and responses to provoking scenarios.//Aggr. behaviour.-2001.-vol.27.-P.79-101.
3. *Воловикова В. В.* Особенности совладания со стрессовой ситуацией студентами с различными репрезентациями агрессии// Выпускная работа бакалавра, выполненная под руководством И. А. Фурманова.—М., 2007.—52с.
4. *Фурманов И. А.* Психология детей с нарушениями поведения.—М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 2004.—С.48-60.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОБРАЗА ТЕЛА И САМООЦЕНКИ У СТУДЕНТОВ

Е. В. Зимноха

Существующие направления исследования образа тела связаны с тремя основными подходами к определению данного понятия. Образ тела может определяться как:

1) схема тела, то есть пластичная модель собственного тела, которая формируется на основе соматических ощущений, в результате активности нервной системы;

2) формальное знание о теле, которое выражается с помощью общепринятых символов (так называемая концепция тела);

3) сложное единство восприятий, установок, оценок, представлений связанных и с телесной внешностью, и с функциями тела [1].

Последнее определение принадлежит П. Шильдеру, который впервые попытался объединить психоаналитический и социологический подходы к анализу образа тела. Согласно П. Шильдеру, структура образа тела включает в себя перцептивный (отражает адекватность восприятия), аффективный (особенности чувственного реагирования в отношении тела или внешности), когнитивный (познавательный), оценочный (определяет насколько, человек доволен своим телом) и поведенческий компоненты [2].

Согласно этому подходу, развиваемому в наше время такими современными социологами, как Б. Тернер, тело есть продукт символической

деятельности человека, направленной на осмысление им своего существования, и в этом смысле образ тела включает в себя не только индивидуально-психологические, но и социальные аспекты.

Образ тела во многом определяет субъективно воспринимаемое качество жизни человека, и, в частности, его самооценку. Формирование самооценки происходит в результате усвоения субъектом внешних оценок, социального сравнения по признакам «хуже-лучше» или «похожий-непохожий» и самоатрибуции.

Проведенное нами эмпирическое исследование было посвящено проблеме определения характера и выраженности связи между особенностями образа тела и самооценки студентов.

В исследовании использовались «Опросник самоотношения» В.В. Столина [3] и «Опросник отношения к телу», разработанный и адаптированный нами самостоятельно на основе англоязычной методики EAT-26, направленной на диагностику искажений образа тела при нервной анорексии. «Опросник отношения к телу» включает в себя 3 шкалы, позволяющие оценить общее позитивное либо негативное отношение к собственному телу, оценку своего лица, а также веса и пропорций фигуры.

Испытуемыми являлись 100 студентов (50 юношей и 50 девушек) 1-5 курсов Белорусского государственного университета, средний возраст по выборке составил 19 лет. Мы использовали такие методы статистического анализа полученных данных, как коэффициент корреляции Пирсона и Т-критерий Стьюдента.

В результате проведенного исследования были выявлены следующие закономерности:

1. Для девушек более характерна неудовлетворенность своим весом, тщательно следят за ним, испытывают чувство вины за лишние килограммы, болезненно реагируют на замечания относительно своего веса. Скорее всего, это можно объяснить тем, что современные стандарты красоты более жестки для девушек, чем для юношей, причем на девушек возлагается излишняя ответственность за то, как они выглядят.

2. Юноши были в большей степени недовольны развитием своей мускулатуры, что соответствует канонам мужской красоты.

3. На основе корреляционного анализа шкал опросника самоотношения и опросника направленного на изучение отношения к собственному телу были выявлены следующие закономерности. Общий уровень удовлетворенности собственным телом положительно связан с высоким уровнем позитивного самоотношения ($r=0,61$, $p\leq 0,01$, где r – коэффициент корреляции Пирсона, p – значимость). Самоуважение, симпатия по отношению к себе, ожидание положительной оценки со стороны окру-

жающих наблюдаются одновременно с позитивным отношением к собственному телу. Вместе с тем, испытуемые с высокой самооценкой в меньшей степени довольны своим лицом и своим весом. Этот факт может отражать стремление людей с высокой самооценкой к постоянному самосовершенствованию.

Люди с пониженным самоуважением и самооценкой особенно ранимы и чувствительны ко всему, что затрагивает их внешность. Они болезненно реагируют на критику, смех, порицание относительно их внешности, а также остро переживают, если у них что-то не получается в работе над своим телом. Эти люди в большей степени обеспокоены негативным отношением со стороны окружающих, имеют склонность к самоизоляции, к уходу от действительности в мир мечты. В общении они испытывают неловкость, заранее уверены, что окружающие жалеют или презирают их из-за недостатков внешности. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что образ тела является важным компонентом Я-концепции.

Литература

1. *Соколова Е. Т., Дорожевец А. Н.* Исследование образа тела в зарубежной психологии. // Вестник Московского ун-та, сер.14. Психология. - 1985. - №4. - С.39-49.
2. *Столин В. В.* Самосознание личности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.–284с
3. *Stang J, Story M.* Guidelines for Adolescent Nutrition Services (2005). http://www.epi.umn.edu/let/pubs/adol_book.shtm

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся СОЦИУМЕ

И. Н. Кандричина

Появление исследований состояния советского общества объясняется потребностью граждан Беларуси и стран СНГ в целом ознакомиться со всевозможными направлениями дальнейшего развития стран в условиях сложившейся ситуации. Общим выводом из данных работ стала констатация факта, что белорусское общество переживает стадию трансформации, характеризующуюся изменением его структуры.

Социально-экономические преобразования в Республике Беларусь, вхождение ее в мировое сообщество как суверенного государства протекают в чрезвычайно сложных условиях, обусловленных отчасти длительным социально-экономическим кризисом, определенные шаги, по преодолению которого начали, осуществляться в конце 1994 года. В настоящее время республика берет за основу регулируемый рынок и социальную политику.

В условиях трансформации изменяется массовое сознание, а вместе с ним общественное мнение, которое всегда служило индикатором интере-

сов, потребностей и настроений граждан той или иной страны. Общественное мнение охватывает практически все сферы жизнедеятельности человека[1; 177]. В каждый конкретный период развития цивилизации состояние общественного мнения отражает степень сознательности масс, обнажает успехи и недостатки в идеологической деятельности. В период социальной трансформации вместе с социально-экономическими изменениями происходит и изменение общественного мнения, переоценка ценностей населения. Все опросы общественного мнения, которые были проведены в период трансформации, свидетельствуют о переоценке стремлений, интересов, установок и ценностей населения республики Беларусь. Считается, что изменение иерархии ценностей является наиболее значимым преобразованием общественного мнения так, как именно иерархия ценностей отвечает за поведения, устремления и образ жизни населения.

Ценности выступают инструментом социального регулирования. Ценности это относительно устойчивое, социально обусловленное избирательное отношение человека к совокупности материальных и духовных благ. Успехи общественного развития на базе активизации человеческого фактора во многом зависит от системы ценностей и отношений к ним. В общественном мнении особо ярко выделены следующие базисные ценности: семья, работа, политика, религия, досуг, друзья.

Превалирование семьи в иерархии ценностей белорусских граждан начальной стадии переходных процессов и в иерархии населения Республики Беларусь 2000 года над всеми остальными ценностями детерминировано стремлением человека к самосохранению, потребностью в межличностном общении и принятии его как уникальной личности, вне зависимости от положительных и отрицательных черт характера. Независимо от объективных, внешних факторов жизни, человек ориентирован на семейное счастье, интерпретируемое как наличие семьи, хорошие семейные отношения между супругами, строящиеся на основе материальных и духовно-нравственных факторов, наличие детей как выполнение функции продолжения рода[2; 45]. В условиях трансформации общественное мнение констатировало, что семья (будь она собственной или родительской) является главным источником поддержки и понимания, которые так необходимы любому человеку.

Доминирование в системах ценностей белорусского населения 1990 и 2000 годов такой ценности, как друзья, также обусловлено потребностью людей в межличностном общении и в обмене повседневного опыта и осознания того, что интересы разделяются, т. е. общностью интересов. Друзья - это круг повседневного межличностного общения, в котором

осуществляется социализация и самореализация личности[2; 46]. Выдвижение на передний план в двух структурах ценностей населения республики Беларусь друзей можно объяснить такими процессами, как социализация людей на этапе трансформации белорусского общества. В такой ситуации люди считали, что это очень важно заручиться поддержкой не только семьи, но и друзей, сверстников. Чем больше знакомых и друзей имеет человек, тем прочнее его социальные связи, тем больше его социальный капитал, тем легче он переносит жизненные трудности, получая необходимую и духовную поддержку от общения, тем успешнее он проходит стадию социальной адаптации.

На начальной стадии трансформационных процессов наблюдались следующие тенденции:

Во-первых, нарастание в широких массах разочарования в перестройке, ее безрезультатность в экономической и социальной сферах, нарастание пессимизма и тревоги за завтрашний день.

Во-вторых, нарастающий паралич власти, который характеризуется резким ослаблением вспыхнувших первоначально у народа Беларуси надежд на то, что новые лидеры сумеют вывести страну из глубочайшего кризиса[1; 26]. Сложное взаимопереплетение действий названных и ряда других факторов порождали противоречивое отношение населения Беларуси к перспективе перехода на рыночные отношения.

Появившаяся нестабильность в трудовой сфере выдвинула досуг на третье место в иерархии ценностей белорусского народа эпохи перестройки. Но к началу нового века досуг стал дифференцирующей ценностью постсоветского общества [2; 47]. Причиной тому явилось снижение уровня жизни большинства людей, которое вынудило население больше думать о дополнительном приработке, что привело к резкому снижению у населения республики Беларусь ценности свободного времени.

Согласно опросам общественного мнения, в 2000 году в иерархии ценностей белорусов работа сместила досуг на четвертое место. Труд является смыслообразующей общечеловеческой ценностью, которая проявляется на личном уровне. Ценность работы заключается в том, что она дает человеку возможность стать нужным и незаменимым в обществе[3; 233]. Люди начала нового века осознают, что для полноценной жизнедеятельности необходима работа, которая бы способствовала их самореализации и проявлению творческих способностей. Нельзя не признать, что низкая рентабельность производства и столь же низкая производительность труда, нерациональная отраслевая система производства, высокий удельный вес малоквалифицированных работников могут привести к значительным масштабам безработицы в условиях рыночных отно-

шений. Рост безработицы среди дипломированных специалистов и рабочих, снижение уровня жизни, нарастающий распад экономических связей между предприятиями - все это характеризует состояние постсоветского трансформационного общества, которое заставляет молодых людей серьезно задуматься о возможной перспективе безработицы и возможных путях смягчения ее драматических последствий, задуматься о выборе жизненного пути, начиная со школьной скамьи.

Таким образом, в общественном мнении ярко представлено то, что наибольшую ценность для населения Беларуси начала трансформационного периода представляла семья, друзья и досуг. В ценностной иерархии белорусского народа 2000-го года доминирующие позиции занимают семья, друзья и работа. Рассмотренные ценности можно назвать базовыми ценностями белорусского общества в условиях трансформации.

На смену периода романтических иллюзий приходит более реалистическое виденье общества и соответствующие ему иерархия ценностей. В настоящее время в процессе постсоветской трансформации обозначился этап относительной устойчивости. Этот вывод подтверждается и сравнительным анализом изменений базовых ценностей белорусской молодежи на этапе 90-х годов и начала 20 века. Проведенный анализ результатов опросов общественного мнения показал, что население нашей республики следует традиционным ценностям, которые были свойственны белорусам на протяжении многих столетий. На основе этого можно сделать следующие выводы.

Во-первых, постсоветский кризис и постепенное его преодоление показали, что общественное мнение об иерархии базовых ценностей населения республики Беларусь в условиях трансформации изменилось: для белорусского населения перестроечного периода базовыми ценностями были семья, друзья, досуг; а для их сверстников 21 века такими ценностями являются семья, друзья, работа. Доминирование первой ценностной ориентации в обеих ценностных системах детерминировано стремлением человека к самосохранению и защите, потребностью в межличностном общении. Если рассматривать приоритетность работы в иерархизированной структуре базовых ценностей современного белорусского общества, то она объясняется осознанием людьми того факта, что она необходима для полноценной жизнедеятельности, что именно она бы способствовала их самореализации и проявлению творческих способностей. Признание такой современной ценности, как друзья, которая располагается в обеих иерархиях на втором месте, детерминировано важностью и необходимостью межличностного общения, значимостью для молодых сравнения своего жизненного опыта с опытом своего друга. При-

вилегированное же положение досуга относительно трудовой деятельности в системе ценностей белорусского общества начала 90-х годов объясняется потребностью людей тех лет уйти от суровых будней, в которых царили хаос и неопределенность, и сублимироваться в сфере развлечений. Таким образом, иерархизированные структуры базовых ценностей населения республики в условиях переходного общества не являются одинаковыми: они соединяют в себе и традиционные, и современные ценностные ориентации. Это напластование делает их, с одной стороны, более устойчивыми, с другой, более гибкими, которые обладают способностью к дальнейшим изменениям.

Во-вторых, несмотря на относительную стабилизацию белорусского общества, степень значимости семьи для обеих групп является одинаково высокой. Это обусловлено стремлением людей получить одобрение и понимание в стенах как родительской, так и собственной семьи. Что касается степени значимости друзей как базовой ценности, то она более ценна для представителей современного населения республики Беларусь, чем для населения Беларуси начала 1990-х годов, поскольку человек нового века зачастую предпочитает виртуальное общение, реальному. Работа как ценность более важна для людей Беларуси начала 21 века. Связано это с тем, что работающая часть населения в поисках лучшего заработка стремится либо сменить место трудовой деятельности, либо повысить свой профессиональный статус, либо при удовлетворительной оплате труда удержать имеющееся место работы. Не занятые в трудовой деятельности люди в условиях постсоветского трансформационного общества, стремясь обеспечить себе достойное существование, также озабочены получением респектабельной работы. Степень значимости досуга, как ценность для населения 1990-го года была более важна, чем для населения республики 2000-го года. Это обусловлено сменой места и роли досуга в жизнедеятельности населения Беларуси, в частности замены активных форм проведения свободного времени пассивными

Литература

1. Горшков М. К. Общественное мнение. История и современность. - М., 1983
2. Титаренко Л. Г. Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект. - Мн.: БГУ, 2004. - с. 205.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла. - М., 1990

КОГДА И ПОЧЕМУ ЛЮДИ НА ВОПРОС ОТВЕЧАЮТ ВОПРОСОМ

Е. А. Бондарик

В практике общения ответы на вопросительные высказывания могут выступать в форме вопроса. Цель работы – определить основные функции ответов в форме вопроса. Исходя из материала исследования, встречные вопросительные высказывания были оформлены в виде классификации, построенной по принципу от кооперативных реакций собеседника на инициальную реплику до некооперативных диалогических реакций [1, 2].

Исследование проводилось на материале пяти пьес А. П. Чехова и семи пьес на английском языке Б. Шоу. Методом сплошной выборки из произведений были выписаны все диалоги с вопросами и встречными вопросительными реакциями. Названия пьес и количество встречных вопросительных высказываний в каждой из них можно увидеть в табл. 1 и табл. 2.

Вопросы, которые получают ответную реакцию в виде вопроса, в текстах пьес конца 19 века – начала 20 века встречаются довольно редко, в отличие от естественного общения и произведений современных драматургов. Частота встречаемости вопросительных высказываний в виде ответных реплик может зависеть от жанра пьесы и остроты конфликта.

Таблица 1

**Количество встречных вопросительных высказываний в пьесах
на английском языке**

Пьесы на английском языке	Количество встречных вопросительных высказываний в пьесе
1. «Captain Brassbound's conversation» («Обращение капитана Брасбаунда». Мелодраматическая комедия. 1899)	28
2. «Caesar and Cleopatra» («Цезарь и Клеопатра». История 1898)	26
3. «The Apple Cart» («Тележка с яблоками». Политическая шутка. 1979)	23
4. «The Devil's Disciple» («Ученик дьявола». Мелодрама. 1897)	19
5. «Arms & the man» («Оружие и человек». Романтическая комедия. 1894)	14
Общее количество:	110

**Количество встречных вопросительных высказываний
в пьесах на русском языке**

Пьесы на русском языке	Количество встречных вопросительных высказываний в пьесе
1. «Безотцовщина». Пьеса в четырех действиях. (1933)	82
2. «Иванов». Драма в четырех действиях. (1889)	12
3. «Три сестры». Драма в четырех действиях. (1901)	8
4. «Дядя Ваня». Сцены из деревенской жизни в четырех действиях. (1897)	6
5. «Предложение». Шутка в одном действии. (1889)	6
6. «Чайка». Комедия в четырех действиях (1896)	5
7. «Вишневый сад». Комедия в четырех действиях (1903)	2
Общее количество:	121

В процессе работы над темой были выделены три основные функции ответов в форме вопроса: 1) Вопросительные высказывания как позитивная реакция на инициальную реплику; 2) Встречные вопросы как побудительные речевые акты. 3) Встречные высказывания как негативная реакция на инициальный вопрос. Внутри трех больших групп было сделано деление на подгруппы. Классификация и примеры диалогов со встречными вопросительными высказываниями представлены в табл. 3.

В английском и русском материале количественное соотношение групп оказалось разным, что обусловило их следующее распределение по рангам и процентное соотношение, представленное в табл. 4.

Вопросительные высказывания могут вызывать не только определенные для каждого типа вопроса ответы, но ответы в виде вопроса. В диалоге главной связью между репликами служит коммуникативная цель инициального высказывания. Адресат в праве выбрать наиболее подходящую в конкретном случае общения реакцию на слова инициатора разговора. Она может быть кооперативной или некооперативной. В нашей классификации были определены основные функции вопросительных высказываний на материале русских и английских пьес. Степень кооперативности или некооперативности реакции собеседника в драматических произведениях зависит от жанра пьесы, остроты конфликта, а также от характера персонажей: чем более яркий и драматичный конфликт в произведении, тем большее количество ответов в виде вопроса можно там встретить.

Примеры встречных вопросительных высказываний

Название группы и подгруппы функции	Примеры из русских и английских пьес
Функция 1. Вопросительные высказывания как позитивная реакция на инициальную реплику	
1. 1. Вопросительные высказывания как согласие с мнением собеседника, положительный ответ	‘ Бальбус . А какой англичанин станет интересоваться политикой, пока он в состоянии иметь автомобиль?’ ‘ Никобар . Сколько избирателей участвовало в последних выборах? Не больше семи процентов от всего зарегистрированного числа’.* (Apple Cart 60)
1. 2. Встречные вопросы как догадки, гипотезы, допущения, предположения, предложения	Тригорин . Марья Ильинична! Маша . Узнали? (Жмет ему руку) Тригорин . Замужем? Маша . Давно. (Чайка 80)
1. 3. Вопросительные высказывания в функции переспроса	‘ Леди Сесили . Где постель Марцо?’ ‘ Дринкуотер . Постель, леди? Ну, он у нас не привереда. Положим его на пол у стены, с него и довольно’ (Captain Brassbound’s conversation 243)
Функция 2. Встречные вопросы как побудительные речевые акты	
2. 1. Вопросительные высказывания, которые побуждают собеседника к продолжению беседы или к началу действий	Астров . Расскажи–ка что-нибудь Иван Петрович. Войницкий (вяло). Что тебе рассказать? Астров . Нового нет ли чего? (Дядя Ваня 254)
2. 2. Вопросительные высказывания, переводящие разговор на другую тему	‘ Петкоф . Ты решила быть хорошей дочерью для бедного отца, который только как день вернулся с войны?’ ‘ Райна . (с торжественным упреком). Как ты мне можешь это говорить?’ (Arms 69)
2. 3. Вопросительные высказывания в функции запрещения или остановки действий или беседы	‘ Чемплэйн . (признавая свою беспомощность). Что же я должен сказать, мистер Даджен?’ ‘ Ричард . Вы можете оставить меня в покое?’ (Devil’s Disciple 75)
Функция 3. Встречные высказывания как негативная реакция на инициальный вопрос	
3. 1. Возражение собеседнику, т. е. несогласие с его мнением, оценкой или предположением, отрицательный ответ	Шабельский . Что же, мне целоваться с мошенниками и подлецами, что ли? Лебедев . Где же ты видишь мошенников и подлецов? (Иванов 90)
3. 2. Отказ от действия, к которому побуждает собеседник	‘ Орунтия . Магнус, когда ты собираешься посмотреть в лицо моей и своей судьбе?’ Магнус . Но, моя жена? королева? Что станет с моей бедной дорогой Джеминой?’. (Apple Cart 91)

* реплики даны в «техническом» (близком к дословному) переводе автора текста.

Таблица 4

**Количество встречных вопросительных высказываний в пьесах
на русском и английском языках**

Ранг		Функции	Подгруппы функций	Количество встречных вопросов	
англ. пьесы	рус. пьесы			англ. пьесы	рус. пьесы
I	I	Функция 1. Вопросительные высказывания как позитивная реакция на инициальную реплику	1.1.	6	7
			1.2.	22	8
			1.3.	43	56
Общее количество в группе:				71 (64,5 %)	71 (58,7 %)
II	III	Функция 2. Встречные вопросы как побудительные речевые акты	2.1.	8	7
			2.2.	7	8
			2.3.	5	5
Общее количество в группе:				20 (18,2 %)	20 (16,5 %)
III	II	Функция 3. Встречные высказывания как негативная реакция на инициальный вопрос	3.1.	17	29
			3.2.	2	1
Общее количество в группе:				19 (17,3 %)	30 (24,8 %)
Общее число:				110 (100 %)	121 (100 %)

Литература

1. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение// Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. 1985. Вып. XVI. С. 217–238.
2. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: 2003.

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОБРАЗНЫХ
СРАВНЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ
(Ф. МОРИАК «КЛУБОК ЗМЕЙ», Ж. АНУЙ «ПУТЕШЕСТВЕННИК
БЕЗ БАГАЖА», Г. АПОЛЛИНЕР «АЛКОГОЛИ»)**

О. Н. Демеш

Сравнения с давних времен привлекали внимание ученых и становились предметом исследования в различных сферах и языках. В широком смысле сравнение определяется как установление сходства и различий в предметах, явлениях и их свойствах. Образное сравнение (ОС) – это такое сравнение, которое включает оценочный элемент или является стилистически окрашенным. Исследователь А. Г. Назарян определяет ОС как «стилистический прием, заключающийся в сопоставлении одного явления (или предмета) с другим в целях подчеркивания, выделения, более яркого изображения какого-нибудь его признака». Итак, ОС состоит из трех членов: в нем называются оба сопоставляемых явления или предме-

та, а также признак, на основе которого они сопоставляются. Данные семантические компоненты – референт, агент и основание – образуют логическую структуру любого образного средства.

Изучение практической стороны образных сравнений, то есть их непосредственной реализации в речи, явилось о б ъ е к т о м нашего исследования. П р е д м е т о м нашего изучения стали образные сравнения в произведениях трех родов литературы: эпос представляет роман Франсуа Мориака «Клубок змей» («*Le nœud de vipères*», 1932), драму – пьеса Жана Ануя «*Le Voyageur sans bagage*» и лирику – поэтический сборник Гийома Аполлинера «*Alcools*». Целью исследования является изучение образных сравнений трех произведений с точки зрения их лингвостилистической природы, и в данной статье мы стремимся продемонстрировать выявленные лингвостилистические особенности изучаемых ОС.

Результаты произведенного анализа свидетельствуют о том, что в большинстве случаев авторы создают компаративные конструкции для описания человека по различным признакам: внешним, связанным с физическим существованием человека (*J'étais assise, lui, debout, comme sur la photographie*), и внутренним, производным от его духовного бытия (*Comme la femme de Mausole/ Je reste fidèle et dolent*). Иные субъекты ОС – части тела человека (*Les yeux dansants comme des anges*), абстрактные понятия (*L'amour s'en va comme cette eau courante*), неодушевленные предметы (*La maison était toute entière grondante, comme un étrange bal sans musique*) и ситуации (*C'est que... tes joies d'homme... Tu ne me les disais pas beaucoup. Tu sais, un grand garçon!... Tu sortais tellement. Comme tous les grands garçons...*) – также тесно связаны с характеристикой человека, поскольку персонажами романа, пьесы, поэм, стихов являются люди; человек занимает центральную нишу в мире, а его характеристика играет важную роль в коммуникации.

Соответственно, наиболее разнообразна и детализирована семантика оснований ОС, описывающих человека. Роман Ф. Мориака посвящен изучению межличностных отношений и поведения, действий индивидов, поэтому превалирует описание героев именно на этих основаниях (*Je t'étais uni comme le renard au piège; Comme le chat entre silencieusement par la fenêtre, il a pénétré à pas de velours dans ma maison, attiré par l'odeur*). Духовной сферой жизни личности, то есть описанием абстрактных понятий, чаще других интересуется Г. Аполлинер, так как поэзия в большей степени отвлечена от физической стороны существования человека и направлена в его душу (*L'angoisse de l'amour te serre le gosier/ Comme si tu ne devais jamais plus être aimé*). Тем не менее, неодушевленные предметы, а среди них – природные явления, чаще становятся референтами ОС именно в стихах, что указывает на их разносторонность и желание дать

всеобъемлющее описание мира (*Les pétales fleuris sont comme ses paupières*). В драме же персонажи раскрываются, главным образом, через свою речь или характеристики других героев, поэтому здесь преобладает описание самого человека и его действий, а не абстрактных или неодушевленных явлений (*Ces gens-là vont bondir sur cette calomnie comme des molosses sur une charogne*).

Однако в компаративных оборотах, описывающих разные классы явлений, наблюдается общность признаков их характеристики, основными из которых являются состояние и действие (реальное или метафорическое). Объединяющим моментом выступает и формальное отсутствие основания ОС в нескольких подгруппах; имплицитный признак предоставляет большую свободу фантазии читателя и провоцирует активность реципиента произведения (*Les femmes d'alors ressemblaient à des fleurs foncées*).

Выбор агентов ОС для сопоставления с субъектами отражает единство окружающего нас мира, поскольку объекты принадлежат к тем же семантическим классам, что и референты. Частыми являются случаи «перекрестной» характеристики: например, человек описывается посредством сравнения с неодушевленным предметом (*On me bâtit peu à peu comme on élève une tour*), а предмет персонифицируется и сравнивается с человеком (*La cloche de Saint-Vincent, qui éloigne la grêle, sonnait à toute volée, comme quelqu'un qui chante, la nuit, parce qu'il a peur*). И все же человек вновь подтверждает свой главенствующий статус, выступая объектом сравнения наиболее часто. В качестве особого объекта ОС выделяются воображаемые ситуации, наиболее активно создаваемые Ф. Мориаком (*Un profond instinct paysan me jetait en avant comme si j'eusse voulu m'étendre et recouvrir de mon corps la vigne lapidée*).

Образные сравнения формируются на базе нескольких лексико-синтаксических средств, при этом абсолютное первенство остается за подчинительным союзом *comme* (как), что характерно для французского языка в целом. Данные компаративные конструкции обладают и самым разнообразным морфолого-синтаксическим строением. Наиболее распространенным синтаксическим типом выступает характеристика субъекта-подлежащего основанием-сказуемым, выраженным глаголом (*Il s'est retourné vers elle comme une bête traquée*). Следует отметить, что сравнительная степень имен прилагательных и наречий не часто применяется для создания ОС, поскольку обладает меньшим образным потенциалом (*je danserais mieux que les séraphins; Je suis un homme et je peux être, si je veux, aussi neuf qu'un enfant!*). Интересно использование глагола *ressembler* и различных его эквивалентов в поэзии (*Un voyou qui*

ressemblait à /Mon amour vint à ma rencontre; la neige semblable aux femmes nues; Ce cyprès là-bas a l'air du pape en voyage).

ОС романа, сборника и драмы ярко и полноценно описывают действительность с различных сторон. Они разнообразны как по своей семантико-стилистической природе, так и по морфолого-синтаксической структуре. Подобная неоднородность семантического и формального проявления образных сравнений в очередной раз подтверждает многоплановость языковых единиц французского языка.

Что же касается относительной частотности ОС в разных родах литературы, то этот показатель наиболее высок в поэзии Г. Аполлинера, что можно объяснить необычайной оригинальностью и красочностью языка модернизма. Лирика, созданная Г. Аполлинером, подтверждает наиболее глобальный, общефилософский и всеобъемлющий характер данного рода литературы, так как охватывает всевозможные явления, отдавая предпочтение сфере абстрактных явлений. Ф. Мориак также довольно часто прибегает в своем романе к ОС, которые у него более сложны синтаксически и лексически насыщены, что вполне характерно для эпоса. Персонажи пьесы Ж. Ануя украшают свою речь сравнениями не так часто, однако следует учесть и ограничение драмы по объему. Этим ОС свойственен разговорный характер, упрощенный синтаксис и лексический состав. В пьесе ОС часто встречаются и в авторских ремарках, что свидетельствует о важной характеризующей, уточняющей и описательной роли образных сравнений в любом контексте.

Литература:

1. *Абдушукурова Л. А.* Сравнения, вводимые союзом *comme*, как средство художественной выразительности: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1978.
2. *Балли Ш.* Французская стилистика. М.: Изд. иностр. лит., 1961.
3. *Бартон В. И.* Сравнение как средство познания. Мн.: Изд-во БГУ, 1978.
4. *Желунович Е. А.* Сравнение как показатель жанрово-стилистического своеобразия текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мн., 1992.
5. *Исхакова Д. К.* Семантические связи лексики тропа с лексикой текста // Лингвистические аспекты образности: Сб. науч. тр. МГПИИЯ. 1987. Вып. 174. С. 127–139.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ ПЕРСОНАЖА-ЖЕРТВЫ И ЕГО ЯЗЫКОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ В РАССКАЗЕ Н. Н. БЕРБЕРОВОЙ «АККОМПАНИАТОРША»

Г. С. Корбут

Рассказ Нины Берберовой «Аккомпаниаторша» глубоко психологичен. Повествование в нем ведется от лица героини записок, Сони Антоновской. Автор создает иллюзию присутствия персонажа, самостоятель-

но осваивающего мир художественной реальности. В результате возникает образ полноценной самостоятельной языковой личности.

Цель нашего доклада – проанализировать внутреннее состояние персонажа – жертвы и проследить его языковое отражение в тексте, в котором представлена не объективная картина мира, а субъективно-психическое восприятие мира, отраженное в речи. В своем исследовании мы исходим из того, что сама манера повествования, индивидуальность отбора языковых средств может быть показателем эмоционального состояния героини, и отражать особенности ее мировосприятия. В качестве основной единицы исследования нами избирается микротекст, представляющий собой автономный фрагмент текста с «общей микротемой и способом организации языковых единиц» [1, с. 57].

На уровне вертикальной организации макротекста структура «Я» повествователя, как установлено нами, характеризуется подвижностью. В соответствии с доминированием определенного самовосприятия героини текст можно разбить на три семантических блока: «Я – преступник», «Я – жертва», «Я – следователь». Определяющим для данного рассказа является блок внутреннего состояния жертвы. На его характеристике мы остановимся подробнее.

Переживания жертвы связаны с каким-то враждебным объектом внешнего мира, причинившим / причиняющим ей страдание. Чаще всего таким объектом для Сони становится певица Мария Николаевна Травина, олицетворяющая для девушки все то, чего ей не хватает в жизни. На протяжении всего повествования автор моделирует такое оформление героиней своих мыслей, чтобы читатели исходя уже из структуры предложений, могли догадаться о внутреннем состоянии девушки. Так, анти-тетичные конструкции на уровне сложного синтаксического целого, где Соня сравнивает их с Травиной внешность, поведение, внутренние состояния, передают раздражение героини, ощущение собственной униженности. Этот прием наблюдается на протяжении всего текста, что свидетельствует об устойчивости данного смысла и его значимости для повествователя: *«Сонечка!» – шепнула она, и я поняла, во-первых, что надо начинать, а во-вторых, что она – певица, а я – аккомпаниаторша, что концерт этот – ее концерт, а не «наш», как она говорила, что слава – для нее, что счастье – для нее, что меня кто-то обманул, обмерил, обвесил, что я оставлена в дурах Богом и судьбой.* Осознание героиней несправедливости мира по отношению к ней, нарастание ощущения бессилия передается противопоставлением местоимений «она» и «я», входящих в состав повторов. С другой стороны, можем проследить градацию эмотивных смыслов. Вводные слова указывают на сосредоточенность героини, четкую и ясную работу мысли, но вскоре спокойствие сменяет-

ся отчаянием от ощущения собственного бессилия. Такой эффект достигается расположением синонимичных глаголов по степени возрастания экспрессивности: «меня кто-то **обманул, обмерил, обвесил**». Финальная реплика «**я оставлена в дурах** Богом и судьбой» в этом контексте приобретает особое значение, т. к. здесь наблюдаем использование страдательного причастия (пассивный залог), что еще раз подчеркивает угнетенность героини, ее зависимость от обстоятельств.

Рассказывая о своем знакомстве с Травиной, Соня детально описывает ее поведение. Марию Николаевну представляют глаголы волеизъявления и активного действия, Соня же воспринимается как объект направленности действий, ее собственная активность при этом редуцируется. Как правило, подавление Травиной Сонечки осуществляется имплицитно на уровне микротекста: *Она усадила меня в кресло, взяла мои руки в свои (...). Потом велела раздеться, (...) приказала подать чай. Сначала она только спрашивала (...). Потом налила <чай> себе и мне (...), положила мне на тарелку ломтики хлеба, намазанные маслом (...), стала говорить сама (...).*

Особую функциональную нагрузку для передачи осознания повествователем себя как жертвы в тексте рассказа приобретают грамматические категории лица и пассивного залога. Если наличие парадигм личного местоимения «я» и притяжательного местоимения «мой» можно мотивировать избираемой автором формой записок, то употребление повествователем в рассказе о себе глаголов в неопределенно-личном значении и страдательных причастий подчеркивает значимость категории пассивного залога для данного текста: *Меня посылали к соседям; (...) Меня повежут в Москву; (...) Там меня кормили, иногда что-нибудь дарили; Мне были подарены платья, мне были даны деньги на парикмахера; (...) Потом и меня выписали на юг;* В данном случае выбор категории залога и «объектная», а не «субъектная» позиция повествователя (местоимение «я» в косвенном падеже) помогают создать впечатление пассивности, безволия, покорности героини внешним силам, обстоятельствам и отразить такое самовосприятие в письменной речи повествователя: *Словом, я чувствовала, что внезапно оказалась совершенно незащищенной (...).* То, что автор использует при экспликации ранее имплицитного смысла «беспомощность» именно страдательное причастие, лишь подчеркивает значимость категории пассивного залога для передачи осознания себя как жертвы.

Как правило, предполагаемое или ожидаемое Сонечкой чаще всего не сбывается. Упорство, с которым она вновь и вновь показывает, как действительность разрушает ее мечты, говорит о глубоком чувстве обиды на жизнь. Это передается сложносочиненными предложениями с противи-

тельными отношениями, где первая часть предложения представляет собой мечты героини, а союз «но» уже сам по себе указывает на некие «препятствия»: а) *Кто-то похвалил меня, переспросив мою фамилию, но тут подошел Павел Федорович, и все сразу засмеялись чему-то, заговорили;* б) *Второе путешествие было проще (...), но кочевая моя жизнь должна была кончиться только весной 1920года (...).* С одной стороны, наличие притяжательного местоимения «*моя*» при слове «*жизнь*», предполагает свободу выбора, право на собственное волеизъявление, однако союз «*но*» и соответствующая грамматическая оформленность модальности создают эффект должествования, довлениа над Сонечкой какой-то силы и ее отчаяния от неспособности этой силе противостоять.

Субъективно-психическое восприятие мира, отраженное в речи, передается имплицитно и при помощи того, **как** героиня видит мир и **что** именно в мире она видит. Такой эффект достигается при помощи повтора с варьированием. Варьирование средств, избираемых автором, не только детализирует образ, но и придает ему эмотивную окраску, так что наблюдая изменения, можно получить представление о внутреннем состоянии предполагаемого повествователя. Рассмотрим пример такого повтора подробнее.

Вот Соня рассказывает об эмоциональной реакции, которую вызвала у нее сцена свидания Марии Николаевны и ее возлюбленного Бера в кафе: *Я вышла как шалая. На свете не было никого...**Какие-то** улицы, углы, фонари...Я ничего не узнавала.* Героине невыносимо созерцать, как проходит чужая жизнь, в то время как ее собственная ничем не заполнена. Аффективное состояние, в которое приводит девушку осознание собственного одиночества, деформирует ее видение мира: героиню окружают не люди, а объекты неживой природы: «*улицы, углы, фонари*». По отношению к ним девушка употребляет в речи неопределенное местоимение «*какие-то*», показывая свое безразличие ко всему, что ее окружает, кроме людей.

Кульминация произведения начинается со сцены в парке, когда Соня вновь видит влюбленных вместе. Эта сцена – торжество жизни над Соней во всех отношениях. В ее мире по-прежнему все мертво и пустынно. По отношению к себе ее зрение по-прежнему выхватывает только мир неживой природы: *Они сидели там. Эти улицы, этот тротуар, эти стеклянные окна еще несколько дней тому назад не существовали для меня, а сейчас при виде их слабость и (...) боль находили на меня.* Навязчивость, с которой Соня упоминает улицы и окна, противопоставляя их влюбленной паре, говорит о ее отчаянии, о непереносимости собственных страданий, повтор указательных местоимений «*эти*» – показывает

раздражение от несоответствия желаемого действительному, о неприятии «вещного» мира.

Со смертью Павла Федоровича, мужа Травиной, которому Соня мечтала предоставить доказательства неверности его жены, в жизни девушки возникает пустота. Ее надежды на приобретение ведущей позиции в жизни не оправдались, ее томит безысходность существования. Любопытно, что в созерцании Соней городского пейзажа уже нет прежнего раздражения. Более того, героиня начинает рассматривать его объекты, чтоб занять пустоту в душе: *Ночи – лунные февральские ночи – я стояла у себя перед окном, не зажигая света, не опуская штор (...) Улица серебрилась. Луна белила асфальт, чуть морозило. Парижская улица была тиха и пуста: луна и холод были за окном.* Само отсутствие людей, замена их описания описанием пустой улицы становится в контексте знаком внутреннего состояния героини. Здесь есть все для воссоздания отрицательного эмотивного смысла «одиночество, тоска»: «тишина», «пустота», «холод», «луна».

Характерно, что в тексте можно почувствовать и протест героини против сложившейся ситуации: *Мария Николаевна позвонила кому-то по телефону (...). Я не двигалась у себя. Я могла приложить ухо к двери и услышать каждое слово, но я не двигалась, я сидела на постели. Какое мне дело, что у нее любовник или два? Я, я-то (...) что буду в жизни делать? Я, я-то зачем живу на свете?* Героиня стремится подчеркнуть свою потенциальную значимость и свободу поступков. Для этого в ее речи автор наконец-то употребляет модальный глагол при личном местоимении в И. п.: («я могла»), тем самым создавая антитезу предыдущим контекстам с модальными глаголами, где мы не встречали указания на волеизъявление самой героини. Теперь и союз «но» вводит уже не какую-то внешнюю причину несбывшихся надежд Сони, а указывает на ее собственный выбор: «Я не двигалась (...) Я могла (...), но я не двигалась». Повтор глаголов-сказуемых при местоимении «я» показывают восхищение Сони собой в этот момент, стремление постоянно ощущать свою значимость. Тем не менее, героиня пока не знает, на какую жизненную позицию сменить позицию «жертвы». Риторические вопросы со словами «что», «зачем» в ее внутренней речи указывают на растерянность, повтор местоимения «я» в сочетании с постфиксом «то», однокоренных слов со значением бытия передают волнение Сони, указывают на болезненное восприятие своей пассивности. Тем не менее, внутренняя речь девушки не отличается бессвязностью, спутанностью. Поэтому можно предполагать, что смешанный эмотивный смысл «волнение» предполагает еще и сосредоточенность героини, активный поиск ею себя.

Для экспликации особенностей состояния героя необходимо учитывать также семантику пространства, компоненты которой участвуют в раскрытии структуры «Я» – повествователя. Так, понятие «угол» в тексте переосмысливается и приобретает характер развернутой контекстуальной метафоры: с одной стороны, лексема «угол» употребляется в прямом значении, обозначая местоположение героини в пространстве: *Сев за первый столик в углу, я заказала пиво и раскрыла газету. С другой стороны, параллельное употребление той же лексемы в переносном значении может в то же время определять и самоощущение Сони в мире: Мимо меня прошли люди и страсти – я видела их из своего угла, я рвалась к ним, чтобы как-то заявить себя в этом движении и я осталась обойденной(...).*

Итак, анализ данного смыслового блока показывает, что для получения достоверной картины состояния героини в определенный период времени недостаточно одного лишь вычленения в нем эмотивных смыслов, осознанно фиксированных автором от имени героя при помощи эмотивной лексики. Реконструкции самовосприятия Сони Антоновской как жертвы, согласно авторской интенции, должна способствовать сама композиционно-стилистическая организация текста, механизмы которой мы рассмотрели в данном докладе. Индивидуальность вербального воплощения эмотивных смыслов, возникающая в результате прорыва в речь героини ее эмоционального состояния, свидетельствует об успешном создании автором образа языковой личности.

Литература

1. *Актисова О., Ковалев Н.* Особенности выражения семантики состояния в художественном тексте (на материале романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») // Научное наследие Б. Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики. Сб. ст. по мат-лам междунар. научной конференции, посвященной 90-летию проф. Б. Н. Головина. Н.Новгород, 2006. С. 56–58.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В НОВЕЛЛЕ ГИ ДЕ МОПАССАНА «СТАРУХА СОВАЖ»

М. С. Круглинская

Ги де Мопассан (1850 – 1893) занимает особое место в истории французской литературы: его творчество завершает собой развитие французского реализма XIX века и благодаря ему традиционный для французской литературы жанр – новелла – обогатился новым содержанием и достиг высот художественного совершенства. «Это ведь я снова привил во Франции вкус к рассказу и новелле», – с полным основанием утверждал автор. Только благодаря ему в обиход вошли такие жанровые раз-

новидности новеллы, как: новелла-анекдот, новелла-памфлет, новелла-исповедь, лирическая новелла, новелла характеров и др. Необычайно широка и разнообразна тематика его произведений. Выдающийся художник-гуманист, «великий живописец человеческого безобразия» [1, с. 79] бичевал пороки современного ему общества, сочувствуя униженному и страдающему человеку. Мопассан ненавидел войну, не принимал ее как средство решения любых конфликтов и яростно обрушивался на нее в своих новеллах.

Исследуемая мной новелла, «Старуха Соваж», относится к военным новеллам. На лексическом уровне доказательством являются такие наиболее частотные слова, как:

Кровь – 4

Немцы – 5

Пруссаки – 7

Разрушить – 5

Ружье – 6

Тело – 4

Одна, один (в значении одинокий) – 7

Таким образом, можно говорить о концепте *война* (*жандармы, жестокий, крик, кровь, мертвый, мундир, немцы, ненависть, окровавленный, офицер, побежденная, приклад, прикончить, пруссаки, расстрелять, ружье, смерть, смертная, солдат, ствол, тело, убить*). При помощи лексики Ги де Мопассан показывает, что война несет с собой лишь смерть и страдания, она бесчеловечна и ужасна.

Описание деревни Вирелони автор приводит дважды, изображая деревню до войны (картина мира) и после (картина войны). Лексика, использованная для описания картин мира «до войны» и «после войны», сведена в таблицу.

Таблица

До войны	После войны
бесконечно нравиться	Отстроить
прелестные уголки	дом, разрушенный пруссаками
чувственная отрада для глаз	разрушенная хибарка
нежность и умиление	что может быть печальнее!
радостное событие	остов мертвого дома
хранить их в сердце	гниющий
неустанно желать потом душой и телом	зловещий
счастье	убить
райское блаженство	жандармы
	истребитель

Мы видим, что в довоенное время деревня представляла собой «преlestный уголок», в котором каждый испытывал «райское блаженство». Но с приходом войны печаль и разрушения прочно поселились здесь. Описание деревни имеет огромное значение. Ведь для Мопассана пейзаж выступает одним из средств психологического анализа – это изображение внутренних чувств и состояний, своеобразный «пейзаж души». Таким образом, до войны, чувства, испытываемые автором, радость, счастье, веселье, наслаждение, блаженство. А во время войны и после – боль и страдания. Разрушены не только дома, но и мечты, и надежды, и стремления людей. Концепт *боли и страдания (беда, боль, вой, вопль, горе, душераздирающие, крик, мучительный, ненависть, скорбь, слезы, смерть, смертная страдание, тревога, ужас)*. Вот те самые чувства – неизменные спутники войны. Богатство лексики помогает автору передать ту ненависть, которую он испытывает ко всему, что уродует жизнь людей и калечит их души.

С военной тематикой связана и критика социальной действительности: автор показывает нам, что от войны больше всего страдают крестьяне, ни в чем не повинные люди, те, «кому чужда патриотическая ненависть», те, «кого убивают пачками, кто, собственно, и является пушечным мясом».

Концепт *семья (дом, домашние, мальчик, мать, молодец, муж, очаг, родители, сын)* – показывает нам значимость этого понятия для автора, ведь именно в семье закладываются основы человеческой личности и формируются моральные ценности.

Лексико-семантические группы слов в новелле можно разделить на ЛСГ имен существительных, имен прилагательных, глаголов и наречий.

1. ЛСГ имен существительных:

В новелле «Старуха Соваж» можно выделить следующие лексико-семантические группы:

Частей тела: глаза, голова, голос, губы, кулак, ноги, нос, затылок, лоб, лицо, мышцы, плечи, руки, сердце, тело.

Люди:

а) по роду деятельности: браконьер, волонтер, жандарм, крестьяне, офицер, почтальон, солдат.

б) по семейным отношениям: мальчик, мать, муж, отец, жена, родители, старуха, сын.

в) по национальности: немцы, пруссаки, француз.

Дом, жилище: деревня, дом, жилище, жилье, комната, поместье, уголок, хибарка, хижина, чердак.

Животные: волк, зверек, козы, кролик, куры, кулик, раки, собаки.

Имена собственные: Виктор, Виктоуар, Вирелони, Sauvage, Серваль, Соваж, Симона.

Чувства: блаженство, боль, веселье, восторг, любовь, ненависть, скорбь, сомнения, счастье, тоска, тревога, ужас, умиление.

Из них самые частотные слова: дом – 15, старуха – 19, сын – 11, прусаки – 7, глаза – 6, мать – 5.

2. ЛСГ имен прилагательных:

Цвет: багровый, белый, бело-розовый, голубой, красноватый, огненный, серебряный, ржавый, черный.

Качества, которые воспринимаются органами чувств: душистый, жирный, зычный, ослепительный, резкий, твердый, теплый, шумный.

Физические качества: выносливый, высокий, крепкий, крупный, костлявый, рослый, слабый, старый, сухопарый, твердый.

Черты характера: дикий, добрый, жестокий, любопытный, лютый, миролюбивый, отчаянный, печальный, радостный, резкий, скорбный, строгий, унылый, чувственный.

Из них самые частотные слова: белый – 4, черный – 3.

3. ЛСГ глаголов:

Физические действия и деятельность: бить, бросить, быть, взвиться, взобраться, вручить, встретить, выложить, выстроить, вытереть, гаснуть, глядеть, гнить, готовить, гудеть, доставить, есть, зазвонить, заметить, записать, извлечь, кивнуть, колоть, надеть, обнажить, открыть, падать, поджечь, помогать, прикончить, разорвать, разрушить, убить...

Интеллектуальная деятельность и ментальные состояния: думать, вспоминать, забывать, припомниться, рехнуться.

Эмоции: бояться, благоволить, всполошиться, жалеть, любить, нравиться, ошеломить, перечувствовать, плакать, смеяться, удивить, удовлетворить, чувствовать.

Речь: говорить, добавить, заявить, звать, известить, назвать, объявить, объяснить, окликнуть, описать, ответить, поговаривать, произнести, раздаться, рассказать, сказать, спросить.

Движение: бежать, возвращаться, выбежать, выходить, извлечь, обогнуть, обходить, пересечь, перейти, подняться, подойти, подступить, приводить, приехать, принести, пройти, ступать, шагать, шествовать.

Из них самые частотные слова: быть – 28, убить – 6, разрушить – 5, разорвать – 4, сказать – 4.

4. ЛСГ наречий

Время: впервые, вскоре, вчера, затем, нынче, потом, редко, утром, сейчас.

Место: вдали, возле, внутри, впереди, вправо, изнутри, напротив, отовсюду, поодаль, посреди, рядом, сверху.

Образ действия: бесшумно, весело, вкусно, искоса, клубом, невозмутимо, неожиданно, неподвижно, непрерывно, неустанно, неуголимо, по-немецки, постепенно, по-французски, спокойно, судорожно, торопливо, тщательно.

Из них самые частотные слова: затем – 7, потом – 5, пополам – 4, только – 4, утром – 3.

Общее количество слов – 1156, из них имен существительных – 287, прилагательных – 112, глаголов – 291, числительных – 18, наречий – 78, местоимений – 62, среди служебных частей речи предлогов – 26, союзов – 10, частиц – 9.

Что же касается французского текста, то самыми частотными являются артикли (*le* – 68, *la* – 83, *les* – 52, *un* – 44, *une* – 19, *de* – 56 и их производные), местоимения (*il* – 17, *ils* – 7, *elle* – 39, *je* – 19, *qui* – 31) и предлоги, а также вспомогательные глаголы *avoir* – 43 и *être* – 43, что объясняется спецификой французского языка. Чаще всего встречаются слова, связанные с военной тематикой (ружье, война, немцы, убить, солдаты). Мы видим, что и в оригинале и в переводе совпадают самые частотные слова, это говорит о том, что переводчик прекрасно справился со своей работой.

Литература

1. Ковалева Т. В., Леонова Е. А., Кириллова Т. Д. История зарубежной литературы. Мн., 1997.

ЖЕНСКИЕ АРХЕТИПЫ В РОМАНЕ МЮРИЭЛ СПАРК «МИСС ДЖИН БРОДИ В РАСЦВЕТЕ ЛЕТ»

Н. С. Микулинская

В последнее время многие исследователи стали проявлять большой интерес к мифологии. Современные писатели используют мифологические сюжеты, перерабатывая их и переосмысливая. Но мифы обрели новую жизнь не только в литературе. Психологи-юнгианцы используют мифологию как путь к познанию глубинных бессознательных механизмов поведения человека. И это не безосновательно. Боги-олимпийцы существуют в человеческом воображении уже более трех тысячелетий и являются следствием коллективного бессознательного человека. Именно поэтому обитатели Олимпа были очень похожи на людей по своему поведению, внешнему облику и, особенно, по своим эмоциональным реакциям.

Древней Греческой мифологии посвятила свою книгу и Джин Шинода Болен. В своей книге «Богини в каждой женщине» она исследует могучие внутренние схемы, или архетипы, которые объясняют основные раз-

личия между женщинами. Итак, Болен в своей книге описывает семь наиболее известных олимпийских богинь: Деметра (воплощение архетипа матери), Персефона (дочь), Гера (жена), Афродита (возлюбленная), Артемида (сестра и соперница), Афина (стратег), Гестия (хранительница домашнего очага). Для каждой из рассматриваемых богинь характерно особое восприятие мира, а также предпочитаемые роли и побуждения.

Греческие богини – это женские архетипы, которые олицетворяют женские модели поведения. Говоря об архетипах богинь, следует помнить, что они складывались в патриархальном обществе и поэтому имеют на себе его глубокий след. Каждая из богинь по-своему вынуждена была приспособляться к доминированию мужчин: путем обособления от них, присоединения или ухода в себя. Богини, ценившие патриархальные отношения, были уязвимы и слабы в сравнении с богами, которые могли порой даже пренебрегать ими.

Несмотря на то, что в женщине могут сосуществовать несколько богинь, девочка от рождения обладает характерными чертами присущими определенному архетипу. Она энергична или спокойна, своенравна или покладиста, любопытна или не очень, склонна к одиночеству или общительна. Послушная девочка, выполняющая мамины пожелания, так же отличается от малышки, способной самостоятельно исследовать окрестности, как Персефона от Артемиды.

Имея виды на будущее ребенка, родители, воспитатели или другие значимые в жизни ребенка люди поддерживают одних богинь и подавляют других.

Роман Мюриэл Спарк «Мисс Джин Броди в расцвете лет» переносит нас в Эдинбург тридцатых годов, в частности в школу для девочек Марсии Блейн. Уже с первых страниц романа мы знакомимся с шестью девочками именуемыми «кланом Броди». Девочек объединяет то, что они являются «избранницами» своей первой учительницы мисс Джин Броди, личности властной и противоречивой. Даже окончив начальные классы, девочки остаются подвластными своей первой учительнице, для которых она является примером и непоколебимым авторитетом. Сама мисс Броди считает, что полностью посвятила себя девочкам, отдала им себя «в расцвете лет». На самом же деле все обстоит с точностью наоборот.

Отношения мисс Броди и девочек можно описать словами не посвятила им себя, а посвятила их себе и это будет очень точно отражать существующее положение дел. Несмотря на то, что все шесть девочек давно бы пошли каждой своей дорогой, мисс Броди твердо намерена присутствовать и участвовать в их жизни. Мисс Броди не осознает того, что каж-

дая из девочек – личность со своими желаниями, мечтами, особенностями. Она воспринимает девочек, как свою собственность, как часть самой себя.

Личность мисс Броди и уникальна и типична, вызывающая и восхищение и жалость. С одной стороны мисс Броди умна, обладает эстетическим вкусом, и является человеком разносторонним и незаурядным. Но в то же время, в послевоенное время таких как мисс Броди были легионы и уникальность ее состояла лишь в том, что она работала в классическом заведении, типа школы Марсии Блейн. Подобно другим эдинбургским старым девам, мисс Броди не смогла реализовать себя.

Мисс Броди живет в мире фантазий, самообольщения и самообмана, опрометчиво считая что сможет реализовать себя в своих ученицах. Она судит о девочках поверхностно, пытается навязать им свои модели поведения, а не раскрыть тот потенциал, который заложен в них природой. Она оказывает огромное влияние на всех девочек клана, но особенно показательным примером навязывания своих моделей поведения являются взаимоотношения мисс Броди с Сэнди и Роз.

Сэнди должна была принять архетип Афины. Богиня мудрости Афина известна своим стратегическим гением и практицизмом. Как архетип, Афина представляет паттерн, которому следуют женщины, обладающие логическим складом ума и руководствующиеся скорее разумом, чем сердцем. Не подлежит сомнению то, что Сэнди умна и обладает «прозорливостью высшего порядка», но именно у Сэнди с ее маленькими глазками и непримечательной внешностью доминирует чувственное начало – архетип Афродиты, которую можно узнать в Сэнди благодаря ее притягательности. Ясно, что мисс Броди видела в Сэнди лишь рациональное начало. Роз же, благодаря своей внешности и мисс Броди, приобрела славу секс-бомбы. Но Мисс Броди придумала себе образ Роз, совершенно не заботясь о том соответствует он ей или нет. На самом же деле архетип Афродиты совершенно не соответствовал Роз. В отличие от других девочек, она никогда не интересовалась интимной жизнью и эта черта сохранилась за ней навсегда. У Роз действительно был инстинкт, как неоднократно говорит мисс Броди, но инстинкт не Афродиты, а Геры.

Она побуждалась «подаренным богиней» Герой инстинктом к замужеству, сильным желанием женщины быть женой. Роз удачно выходит замуж, забыв о той роли, которую уготовила для нее мисс Броди. Некоторым девочкам, подобно Роз, удается «стряхнуть» с себя влияние мисс Броди, а для некоторых ее влияние носит истинно трагический характер. Джойс Эмили Хэммонд, под влиянием мисс Броди, бросила школу и сбежала в Испанию сражаться за Франко и погибла в поезде во время обстрела. Мэри Макгрегор, погибая, вспоминает годы проведенные с мисс Броди как самые лучшие в своей жизни. Трагична и судьба Сэнди.

Мисс Броди не только не осознает своей безответственности, но и напротив живет с полным сознанием собственной непогрешимости, считая, что Бог всегда на ее стороне. Безответственность мисс Джин Броди приносит страдания не только ее ученицам, но и ей самой. Сэнди, понимая, что мисс Броди может искалечить еще много судеб, рассказывает директорше Маккей о политических пристрастиях своей учительницы и мисс Броди заставляют уйти из школы. Подобно своему родственнику Уилли Броди, который окончил жизнь «на виселице собственного изобретения», мисс Джин Броди терпит крах из-за девочки из своего же клана. Сэнди так и не сможет никогда простить себе этот поступок.

Экстравертная, чувственная Сэнди замыкается в себе и становится монахиней. Таким образом в Сэнди актуализируется архетип Гестии. Архетип Гестии процветает в религиозных общинах, культивирующих безмолвие и тишину. Католические ордена, чья духовная практика основана на медитации, создают хорошую обстановку для проявления архетипа Гестии. Монахини следуют паттерну Гестии. Молодые женщины, вступающие в монастырь, отказываются от своей прежней индивидуальности. Они меняют имя, отказываются от фамилии, носят одинаковую одежду и соблюдают обет безбрачия, посвящая свою жизнь Богу. Большинство храмовых «Гестий» безлики и скромно принимают участие как в богослужении, так и в повседневных заботах своих религиозных общин. Известные женщины, члены таких общин, сочетают Гестию с другими архетипами.

Например, святая-мистик Тереза Авильская, известная своими экстаическими писаниями, сочетала в себе Гестию с Афродитой. Лауреат Нобелевской премии мира Мать Тереза, по-видимому, представляет сочетание Деметры с Гестией. Сэнди относится ко второму типу «Гестий». Будучи монахиней, она занимается творчеством: пишет книгу по психологии «Преображение банального». И вновь в Сэнди проявляется архетип Афродиты, так как именно Афродита отвечает за творческий процесс. Благодаря ей происходит притяжение, соединение, оплодотворение, вынашивание и рождение новой жизни, нового творения, новой теории.

В заключении я бы хотела отметить, что личная трагедия мисс Броди заключается вовсе не в ее увольнении из школы и даже не в предательстве ее одной из своих же учениц, а в том что она утратила власть над судьбами девочек. Каждая из них идет своей дорогой, а не той которую выбрала для них мисс Броди. А так как у мисс Броди своей жизни не было и она жила только судьбами своих учениц, для нее потеря власти над ними равносильна утрате смысла жизни.

Литература

1. *Спарк М.* Избранное: Сборник./Пер. с англ. Составл. и вступ. Статья Г. Анджапаридзе.-М.: Радуга, 1984. С. 179–277.
2. *Джин Шинода Болен* Богини в каждой женщине. Новая психология женщины. Архетипы богинь / Перв. с англ. М.: ООО Издательский дом «София», 2006. 272 с.

«Я» И «МЫ» В ВОСТОЧНОСЛОВЯНСКИХ КУЛЬТУРАХ И ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА)

Т. А. Михалкина

Культура каждого народа по-своему интересна. Белорусская культура не является исключением из этого правила. Развиваясь в общем русле восточнославянских традиций, она в силу сложившихся исторических условий обогащалась новыми, не исконно славянскими элементами. Территория Беларуси, как известно, на протяжении многих веков была своеобразной границей между Западом и Востоком. Это не могло не оказать влияние на ее культуру.

С. Г. Тер-Минасова пишет: «Как известно, культуры делятся на коллективистские и индивидуалистические» [1, с. 525]. Коллективистскими считаются страны Востока. Основной их принцип – быть как все. «Это значит: не выделяться из коллектива ни внешне, ни внутренне, подчинить свои личные нужды, интересы, способности, таланты нуждам и интересам коллектива, не возвышаться над ними ни в коем случае – ни в переносном смысле слова, ни даже в прямом» [1, с. 525].

В странах же Запада с раннего детства развивают независимость и самостоятельность, то есть воспитывают индивидуальность в человеке. Белорусская культура явно тяготеет к коллективистскому Востоку, но находится при этом в тесном контакте с Западом, поэтому испытывает влияние обоих и, как результат, находится на перепутье. С одной стороны – восточная коллективистская основа, ориентация на объединение и всеобщность идей и интересов. С другой – западные понятия ‘частного’ и ‘собственного’, осознание каждым человеком себя как личности. Белорусский народ в результате смешения этих идей приобрел необычное соединение черт характера: толерантности, скромности и чувства собственного достоинства. В белорусе заложено уважение к другому человеку и к себе самому. Он воспринимает себя как личность, но при этом скромный и не склонен выставлять напоказ свою индивидуальность. В то же время белорус легко уживается в коллективе и воспринимает себя как его часть. Другими словами, в белорусской культуре сплелись понятия коллективности и индивидуальности. Они представлены и в языке в категориях «я» и «мы».

Целью исследования было выявить соотношение этих категорий в белорусской культуре и выяснить, с помощью каких основных элементов они отражаются в языке.

Категории коллективности и индивидуальности проявляются в речевой деятельности прежде всего в употреблении личных местоимений первого лица «я» и «мы». Функция этих местоимений не ограничивается только указанием на участников речевой ситуации. Они представляют также менталитет говорящих, их отношение к окружающему миру. Местоимение «я» связано с выражением личности говорящего. «Я» – это высшая степень индивидуализации, которая может быть достигнута средствами языка. Но знак «я» не принадлежит языку и каждый раз создается в актах речи [2, с. 32]. В определенной ситуации «я» характеризуется как индивидуальность, но при этом оно только указывает на говорящего, не сообщая каких-то свойств, степени значительности личности. То есть человек, осознающий себя как личность, передает это посредством использования в речи местоимения «я». В сборниках пословиц и поговорок белорусского языка было выделено 129 примеров, содержащих формы этого местоимения: *Біліся, дык ён наверх, а я падніз, то я падніз, а ён наверх. Ці я таго хацела, каб з лаўкі зляцела? Я ніколі нікому нічога ніякага, а калі што якое, дык што там такое? Дарагая тая хатка, дзе радзіла мяне матка. Скажы мне, хто твой друг, і я скажу, хто ты. Вазьмі, нябожжа, што мне нягожжа. Я не я і хата не мая. За вамі і мяне не відаць. Не ліжы мяне, калі я салодка: сама сябе выліжу. Не пры табе пісана, не пры мне казана.*

«Мы» в речевой ситуации представляет группу людей, одним из которых является говорящий. Остальными элементами могут быть или непосредственные участники разговора, или лица, о которых в разговоре идет речь. «Мы» всегда отождествляется с коллективом, то есть представляет не одного человека. При этом «мы» не соотносится с «я» по числу. Единственным числом для него, скорее всего, является сочетание «один из нас». Употребление в речи форм этого местоимения свидетельствует о том, что в сознании говорящего происходит отождествление себя с частью коллектива. Например: *Мы з табою, як рыбка з вадою. Без грошы мы і ў судзе нехарошы. Пан з панам пазнаецца, а мы ўсё-такі ў бядзе. Пан робіць нам на глум, а мы бяром на вум. Бачылі цудатворцы, якія мы багамольцы. Каб нам жылося, былося, каб у нашым жыцце калоссе вялося. Каб у нас вяліся свінні, авечкі, і мы жылі па-чалавечы. Каму па каму, а нам два. Нам з ім не дзяцей хрысціць. У нас не гардзяцца: дзе стаяць, там і садзяцца.* Примеров с формами этого местоимения было выписано 54.

Наряду с употреблением местоимений «я» и «мы» имеются другие способы передачи значения коллективности и индивидуальности. При отсутствии этих местоимений, например в односоставных предложениях, важную роль играет категория лица глагола-сказуемого. Учеными было замечено, что белорусский язык часто показывает стремление говорящего не делать акцент на своей личности. «Грамматически выраженная персонализация – употребление 1-го лица единственного числа в структуре предикативной “вершины” – глагола не соотносится со скромностью белоруса, “приниженностью” его личности в собственных глазах» [3, с. 124]. Из сборников пословиц и поговорок белорусского языка было выписано 76 примеров односоставных определенно-личных предложений, в которых производителем действия или носителем признака выступает не названное, но определенное лицо – сам говорящий или его собеседник: *Чаго не знаю, аб тым не спрачаюся. Што хачу, тое лапачу. Баюся, як заяц кабылы. Выіграю не выіграю, а рызыкнуць можна. І сам не дам, і другому не дам.*

Калі не намалоцім, то накалоцім. Як маем, так нажываем. Паглядзім, як кульгавы паскача. Разжывёмся, як у пастухі наймёмся. Панам аром, косім, а сабе хлеба просім. Як памром – з сабой нічога не забяром. Што маем – не шануем, а як страцім – плачам.

С одной стороны, отдельный белорус, прежде всего, осознавал себя как личность, что находило отражение в языке и речи в использовании форм местоимения первого лица единственного числа «я». Употребление этого местоимения делает акцент не столько на самом авторе, сколько на смысле его высказывания. При этом за формами этого местоимения, кроме личности говорящего, можно заметить выражение коллективного национального опыта.

С другой стороны, объединение людей в общины, длительное сосуществование и общность интересов не могли не повлиять на их сознание. Человек представлял себя еще и как часть коллектива. «До конца XIX – начала XX веков у белорусов сохранялись пережитки общинного строя, обычаев взаимопомощи» [4, с. 96]. Это нашло отражение в белорусских прецедентных текстах, то есть в пословицах и поговорках, созданных представителями этой культуры. Оба местоимения в них являются своеобразными застывшими свидетельствами, по которым можно судить об отношении людей к самим себе и к окружающим.

Следует отметить, что, в отличие от культуры советского периода, в текстах, принадлежащих дооктябрьскому времени, «мы» не предстает отражением безликой массы, толпы. Это определенная группа людей, разделяющих какое-либо мнение. В языке для представления этой груп-

пы использовалось и используется личное местоимение первого лица множественного числа. «Мы» представляет группу лиц, одним из которых обязательно является говорящий. В случаях употребления этого местоимения личность говорящего отождествляется с самим коллективом. Этой формой подчеркивается значение группы.

На синтаксическом уровне проявление категорий «я» и «мы» может быть выражено в употреблении односоставных определенно-личных предложений. Выявленные нами прецедентные тексты белорусской культуры свидетельствуют о том, что развитие индивидуалистической сущности белорусов происходило еще в далеком прошлом, и, в силу сложившейся культурной и исторической обстановки, не угасло, но и не распространилось, как это было в странах Запада. Все эти факты характеризуют белорусскую культуру как самобытную, в которой органично сплелись осознание человеком себя как личности и умение сосуществовать в коллективе, где, несмотря на все различия, люди наделены одинаковыми правами и обязанностями.

Исследование белорусской культуры в аспекте соотношения понятий «коллективного» и «индивидуального» является актуальным, поскольку в последнее время в белорусском языке имеется тенденция к персонификации, что является отражением изменения восточнославянского менталитета под влиянием западного мышления и образа жизни. Коллективистская направленность постепенно сменяется индивидуализацией в языке, а, следовательно, и в действии, что предоставляет широкую область для исследований филологам и культурологам.

Литература

1. *Тер-Минасова С. Г.* «Я» и «Мы» в культурах и языках // X Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Русское слово в мировой культуре. Пленарные заседания: сборник докладов. Т.2. С-Пб., 2003. С. 525–529.
2. *Селиверстова О. Н.* Местоимения в языке и речи. М., 1988. С. 26–37.
3. *Чумак Л. Н.* Синтаксис русского и белорусского языков в аспекте культурологии. Мн.: Белгосуниверситет, 1997. С. 124.
4. *Весь мир. Расы, народы, нации и народности: энциклопедический словарь.* Мн., 2000. С. 96.

СПАСЦІЖЭННЕ НАЦЫЯНАЛЬНАГА МИФА: ШЛЯХ ПАЛЯМОНА ДА ЛІТВЫ

Г. М. Міхальчук

Нацыянальнае – суплёт прасторавага і часавага, увасабленне вядомага «тут і цяпер». Але кожная нацыя хоча быць старажытнай нацыяй.

Гісторыя – найлепшы сродак уцялеснення нацыі ў прасторы і часе, самы важкі аргумент на карысць яе існасці, а таксама ролі ў гісторыка-культурным дыскурсе свету. Гісторыя – гэта нацыянальны міф, які спараджае нацыянальная свядомасць, не дужа зважаючы на мажлівасць дзейснасці міфа ў мінулым.

Умовы дзеля стварэння новай гісторыі выспелі ў XVI стагоддзі. Міфатворцы замянілі толькі складнікі гістарычнай эвалюцыі. Месца варажскіх князёў Рурыка, Сінеуса і Трыура заступаюць нашчадкі родаў Кітаўраса, Калюмнаў, Урсінаў і Ружы, што рушылі на нашыя землі разам з рымскім патрыцыем Палямонам. Беларускія летапісцы не лічаць патрэбным падрабязна апісваць асобу Палямона і прыводзіць факты, якія б пераконвалі ў ягонай сапраўднасці. Пэўна, на момант стварэння хронікі канцэпцыя паходжання ад Палямонавічаў ўжо не дужа актуальная. Актуальныя Люблінская і Берасцейскія уніі, а пасля – перамогі Стэфана Баторы, які вярнуў ВКЛ у межы 1558 года і дайшоў да сценаў Пскова. У той час, калі ў Заходняй Еўропе шугаюць вогнішчы інквізіцыяў, у Вялікім княстве Літоўскім твораць Будны, Цяпінскі, Сматрыцкі, паўстаюць «Радзівіліяда» і «Караламахія». Да гэтай пары цікавым застаецца тое, што Мацей Стрыйкоўскі, паляк, прыежджае ў княства, аналізуе шэраг летапісаў і хронік, каб вывесці і патлумачыць ягоную гісторыю. Стрыйкоўскі не мае на мэце стварыць міф, хутчэй прааналізаваць ужо створаныя. Чалавек свайго часу, Стрыйкоўскі разумее, што пасля заключэння Люблінскай уніі не толькі не паменшылася веліч Вялікага княства Літоўскага, але і актуальная памяць пра яе.

Карыстаючыся багатымі крыніцамі: «літоўскімі» і «рускімі» летапісамі, прускімі, лівонскімі, польскімі, кіеўскімі, балгарскімі, маскоўскімі хронікамі [4, с. 34, т. I], – Стрыйкоўскі не толькі канстатуе факты, звязаныя з гісторыяй Літвы, але і аналізуе іх, параўноўвае, як яны падаюцца ў розных тэкстах. Характарызуючы летапісы як помнікі, што «Zprosta były pisane, przez ludzi leniwego dowcipu, starych pisarów albo djaków» [4, с. 253, т. I, с. 225, т. II], сцвярджаючы, што «Stare litewskie latopisze pisane bez dowodu słusznego, gdyż wtenczas ludzi dowcipnych nie mieli» [4, с. 229, т. I, с. 173, т. II], наракаючы на тое, што «Litwa dla zaniedbania historyi, wielu rzeczy widzieć nie mogła» [4, с. 229, т. I] і даводзячы, што «Niekiedy panuje między wielą jednostajność» [4, с. 234, т. I], Стрыйкоўскі наўпрост не дае веры шматлікім падзеям, апісаным ў

* тут і надалей аўтарскі пераклад будзе падавацца ў зносках. «Па-просту былі напісаныя, людзьмі недасціпнымі, старымі пісарамі ці дзякамі»

** Старыя літоўскія летапісы напісаныя бяз слухных сведчанняў, бо тады людзей дасціпных не было

*** Літва праз занябанне гісторыі, шматлікіх рэчаў бачыць не магла

**** Часам пануе паміж большасцю аднастайнасць

помніках, называючы летапісцаў «нікчэмнымі» і «без мозгу», якія «swoje historyjki leda jako, bez baczenia, co im ślina do ust przyniosła pisali****» [4, с. 143, т. I]. Важным недахопам Стрыйкоўскі лічыць недатаванасць падзеяў у летапісах. Ён даводзіць бяздоказнасць, неабгрунтаванасць уласна легендарнай часткі хронік і сам бярэцца вывесці паходжанне «сумнеўных» княжых імёнаў і асобаў. [4, с. 243, т. I]

У адрозненне ад траянцаў, персаў, грэкаў і егіпцянаў, якія вывоздзілі свой род ад багоў і герояў, нашы продкі, звяртае ўвагу Стрыйкоўскі, выводзілі радавод з людзей сабе падобных. [4, с. 59, т. I]. Імя Палямона альбо Публіус Лібон сустракаецца і ў Вергілія, і Авідзія, і Валятэрана, і Юціна, і Глаўдзія, і Лукіана, і Плутарха, і Длугаша, і Мехоўскага, і Грамэра.

Стрыйкоўскі прыводзіць тры асноўныя прычыны, па якіх Палямон мог пакінуць Італію:

1. Паводле іспанскіх хронік, з-за вялікай засухі ў заходніх краінах; [4, с. 58, т. I].

2. Паводле летапісаў і Крамэра – з прычыны тыранства Нерона ці Атылы; [4, с. 58, т. I]

Аднак гэтай версіі Стрыйкоўскі не дае веры, даводзячы, што, калі б італійцы прыйшлі ў 401 годзе, калі ўжо хрысціянства было трывалым, тады, безумоўна б, прынеслі з сабой хрысціянства на нашыя землі.

3. Трэцяя версія – з прычыны гневу Цэзара; [4, с. 74, т. I].

Па сведчанню Флоруша, Палямон быў уцягнуты ў вайну між Пампеем і Цэзарам. Палямон змагаўся на баку Пампея, таму пасля перамогі Цэзара не мог жыць ні ў Італіі, ні бліз яе.

Каб давесці праўдзівасць існавання Палямона, Стрыйкоўскаму не выпадае абысці праблему мажлівасці здзяйснення марскога падарожжа да Літвы, як не выпадае абысці легенду пра забойства адзінаццаці тысяч паненак. На карысць прыходу рымскіх патрыцыяў у Літву сведчыць наяўнасць у жамойцкай, прускай і літоўскай мовах лацінскіх, італійскіх і гішпанскіх словаў. А таксама, паводле Стрыйкоўскага, не павінна здзіўляць, што ў Літве засталася мала італійскіх звычаяў, бо не гепіды і готы прыйшлі ў Італію, але італійцы да гепідаў і готаў, таму апошнія асімілявалі італійцаў. Аднак, апісваючы пэўныя звычаі, напрыклад, паленне ахвярнага агню на Швінтарогавым жэглішчы, Стрыйкоўскі не забывае дадаць, што гэтыя звычаі ёсць і ў Італіі: у нас як у італійцаў, а не ў італійцаў як у нас.

**** свае апавяданні без нагляду, што ім сліна да губы прынясе пісалі

Праглядзеўшы многія крыніцы, Стрыйкоўскі гаворыць пра распаўсюджанасць ў Італіі прозвішчаў Гаштольды, а таксама пра згадкі прозвішчаў Калюмны, Урсіны ў працах рымскіх гісторыкаў. [4, с. 78, т. I]

Прозвішча Гаштольды не здарма фігуруе ў Стрыйкоўскага, як не здарма фігуруе там і прозвішча Радзівілаў. У XVI стагоддзі асноўная палітычная моц, безумоўна, канцэнтруецца на заходніх землях княства, асабліва гэта тычыцца другой паловы XVI стагоддзя. На захад пераносіца цэнтр агульнадзяржаўнага летапісання: Слуцкі летапіс, Віленскі, Хроніка Быхаўца. Мажлівыя замоўцы – Радзівілы і Гаштольды. У 1518 годзе Мікалай Радзівіл атрымлівае тытул князя «Свяшчэннай Рымскай імперыі», які пасля носяць ягоныя нашчадкі. Не прыймаючы Люблінскай уніі, Радзівілы праводзяць палітыку незалежнай Літвы. Сваім стаўленнікам яны маюць Льва Сапегу. Нездарма раздзел пра Палямона Стрыйкоўскі пачынае прысвячэннем віленскаму ваяводзе Мікалаю Радзівілу, які цалкам мог быць мецэнатам выдання і нават ягоным замоўцам. Гаштольды маюць вялікую моц і вялікі палітычны ўплыў у першай палове стагоддзя, калі Альбрэхт Гаштольд, канцлер Вялікага княства Літоўскага з 1522 года, становіцца фактычным намеснікам Аляксандра на тэрыторыі княства. «Хроніка Быхаўца» распісвае паходжанне Гаштольдаў, асаблівую ўвагу надае хрышчэнню Пятра Гаштольда, ягонай дапамозе ў распаўсюджанні каталіцкай веры, служэнню Казіміру. Менавіта Гаштольдаў, як прозвішча, што і сёння распаўсюджана ў Італіі, згадвае Стрыйкоўскі ў сваёй працы.

Але, натуральна, паўстае пытанне, чаму для беларускіх летапісцаў было абсалютна непатрэбным падрабязна вымалёўваць вобраз Палямона, чаму у адным выпадку Палямон бяжыць ад Нерона, у другім – ад Атылы. Безумоўна, прычына не палягае ў неадукаванасці летапісцаў, іх няўважлівасці да тэксту. Традыцыі падрабязна апісваць адкуль прыйшлі родапачынальнікі, ў беларуска-літоўскіх, маскоўскіх, рускіх летапісах не было. Абыходзіліся згадкай пра запрашэнне князёў і пра іхні прыход. Летапіс – не пошук магчымага продка, не спроба асэнсаваць нейкія гістарычныя падзеі і праверыць іх на сапраўднасць. Летапіс – спроба уцялеснення новага міфа. Таму дастаткова канстатацыі, што шляхта пахозіць ад рымскага патрыцыя. А ў тэкст свядома ўплятаюцца розныя ідэалагемы, якія адпавядаюць настроям часу. У тэксе «Хронікі Быхаўца» акрамя ідэалагемы «літоўская шляхта старажытная, у адрозненне ад польскай», можна прасачыць ідэю «агульнага гаспадара для Літвы і Польскай Кароны»: прыгадаем дамову Вітаўта і Ягайлы, што пасля Ягайлавай ці Вітаўтавай смерці на княстве і Кароне будзе сядзень адзін з іхніх сыноў, прыгадаем надзвычай братэрскія адносіны між Ягайлам і

Вітаўтам, Ягайлаву ініцыятыву Вітаўтавай каранацыі [2, с. 152], скрушнае аплакванне Ягайлам Вітаўтавай смерці [2, с. 153]. Калі да гэтых фактаў дадаць тое, што ў хроніцы неаднаразова падкрэсліваецца сваяцтва Вітаўта з Маскоўскім князем Васіліем Дзмітрыевічам, дадаць сутычкі між княствам і Маскоўскаю дзяржавай, якія заўсёды маюць палюбоўны канец [2, с. 149]. Калі параўнаць з тым як літоўска-маскоўскія адносіны падаюцца ў другім летапісным зводзе і ўлічыць, што, паводле меркавання некаторых даследчыкаў, у тым ліку і Нарбута, хроніка датуецца XVII стагоддзем, то ідэя «агульнага гаспадара для Літвы і Польскай Кароны» цалкам адпавядае палітыцы аб'яднання трох дзяржаваў (Літвы, Масковіі і Польшы) пад уладаю аднаго кіраўніка, якую ў XVII стагоддзі праводзілі Сапегі.

Пэўна таму і абыходзіліся беларускія летапісцы, адно згадкай пра Палямона, бо, у адрозненне ад Стрыйкоўскага, мелі на мэце ўкласці ў тэкст пэўныя замоўленыя ідэі. Канцэпцыя паходжання ад Палямона не патрабавала доказаў, ды, мабыць, доказнасць была ўжо незапатрабаванай часам. Не вылучана, што сярод усіх Палямонаў, згаданых Стрыйкоўскім, ніводзін ніколі не быў на нашых землях. Але самі доказы існавання гэтага прозвішча маюць літаратурны міф. А нам нічога не застаецца, акрамя як верыць, што радавод нашых князёў бярэ пачатак ад рымскага патрыцыя, які калісьці разам з пяцістамі сем'ямі рымскай шляхты шукаў паратунку на нашых землях.

Літаратура

1. *Акудовіч В. В.* Код адсутнасці. Асновы беларускай ментальнасці./Акудовіч Валянцін. – Мн.: Логвінаў, 2007
2. Полное собрание русских летописей. М., 1981. Т.32
3. Полное собрание русских летописей. М., 1975. Т.35
4. *Strykowski Maciej* Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi. – wyd. nowe. - Warszawa, 1846
5. *Улащик Н.Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания/Н.Н. Улащик. – Москва: Наука, 1985
6. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т./Беларус. Энцыкл.- Мн.: Бел.Эн., 2001. Т.6

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

С. В. Мозговой

Понятие «глобализация» закрепилось в качестве одного из стереотипов сознания во второй половине 90-х годов. В активный оборот его стали вводить с 1996 года, и своего рода сигналом к этому послужила 25-я сессия Всемирного экономического форума в Давосе, где дискуссия была выстроена вокруг темы «Глобализация основных процессов на планете».

Несмотря на то, что впервые термин глобализация был введен относительно экономической отрасли, данное явление быстро охватило и другие отрасли человеческой деятельности, а также язык и культуру.

Глобализация (англ. Globalization) – естественный процесс миграции всевозможных видов ресурсов: денежных, человеческих, производственных, экономических, образовательных, научных и других в масштабах всей планеты, не поддающийся управлению. Глобализация возникает на определенном этапе развития информационного общества.

Весьма интересное определение глобализации дает немецкий журналист Кай Гафез: «Globalisierung – ist das Feld der internationalen Kommunikation» (Глобализация – это поле интернациональной коммуникации).

Под культурной глобализацией следует понимать, прежде всего, изменения контекста конструирования значения, изменения идентичности, ощущения места и самости по отношению к данному месту, общих представлений, ценностей, устремлений, мифов, надежд и опасений.

Одной из важнейших особенностей современного этапа глобализации является расширение и интенсификация связей людей, принадлежащих к разным культурам, к национальным общностям, цивилизациям. Изменения в особенностях коммуникации точно определил Мак Люэн в своей теории «Всемирной деревни». «Всемирная деревня», или «глобальная деревня» – термин Мак Люэна, введенный им для обозначения сущности новой коммуникационной и культурной ситуации, которая оформилась в результате распространения в мире электронных средств связи, благодаря чему люди получили возможность мобильной коммуникации между самыми отдаленными точками на нашей планете.

По мнению Мак Люэна, электронные средства коммуникации воссоздают общину – Всемирную Деревню: «земной шар, обвязанный электричеством, не больше деревни». Благодаря электронным средствам коммуникации, передающим информацию со скоростью света, возникает эффект «имплозии» – взрывного сжатия пространства и времени, а также информации. Пространство и время «исчезают», сливаются различные отрасли знания, мысль с чувством, сознание с реальностью

Важным фактором развития глобализации является также возросшая интенсивность миграции населения планеты. Люди – как непосредственные носители языка, переезжая из своей родной страны в другую, приносят с собой частицы своей собственной культуры, которые, безусловно, находят свое отражение в СМИ. В Федеративной Республике Германии, например, печатаются десятки газет для русского, турецкого населения («Русский Берлин» и другие). По данным ООН, в 2004 г. общее число международных мигрантов, то есть лиц, проживающих за пределами

стран происхождения, достигло 175 млн., более чем удвоившись по сравнению с 1970 г.

СМИ играют весьма эффективную роль в агитации глобализации. За последние несколько лет СМИ получили развитие в широком смысле слова, вплоть до того, что нынешнюю эпоху прозвали эпохой средств коммуникации и массовой информации.

Большую интеграционную роль сыграло и образование Европейского Союза, что дало возможность издания одной газеты или журнала в разных частях Европы одновременно. Такие газеты, как «Elle», «Maxim», «Spiegel» издаются в разных переводах практически во всех странах, входящих в Евросоюз.

Немецкий язык в полной мере ощутил на себе воздействие глобализации. Страны, в которых немецкий язык является государственным (Германия, Австрия, Лихтенштейн, Швейцария), располагаются в самом центре Европы.

Практически невозможно выделить все трансформации немецкого языка, произошедшие за последнее время. Это усложняется еще и тем, что сам немецкий язык различается в отдельных землях Германии. В итоге, очень сложно выделить этимологию слова: пришло ли оно из других языков (таких, как английский, например) или это слово пришло из соседней провинции. Вся сила воздействия процесса глобализации на немецкий язык просматривается в заголовках обложек и статей немецких журналов и газет, где заимствования встречаются наиболее часто. Скорее всего, это своеобразный маркетинговый ход: новый объект (в данном случае объект – слово) привлекает к себе больше внимания, чем хорошо известный старый объект.

Например, в 18 выпуске журнала «Glamour» первое, что бросается в глаза, это, конечно, название самого журнала. «Glamour» – это английское слово, которому в немецком языке соответствует эквивалент «der Zauber» со значением: чары, обаяние, очарование, прелесть. В свою очередь, слово «Glamour» пришло в английский язык из французского, и только потом переключалось в немецкий.

Ниже названия «Glamour» располагается заголовок одной из статей выпуска, а именно: «Beauty Aktion: Lust auf Veränderung?». В заголовке мы видим английское слово «Beauty». Данное слово имеет следующие значения: красота, прелесть, очарование. В немецком языке данному слову соответствует эквивалент «die Schönheit». Издателями предполагается, что слово Beauty уже знакомо даже не англо-говорящему читателю. Индустрия моды, под воздействием глобализации, охватила весь мир и обогатила его своими наиболее важными критериями.

Под заголовком статьи «Beauty Aktion: Lust auf Veränderung?» располагаются следующие подзаголовки, поясняющие о чем собственно пойдет речь в статье. Итак, мы имеем: «Neuer Haarschnitt», «Neues Make-Up», «Neues Outfit». Три данных подзаголовка – обозначают составляющие стиля девушки. Последние два из приведенного списка являются чистыми англицизмами и употребляются в современное время достаточно часто: «Make-up» – макияж, «Outfit» – верхняя одежда.

В журнале «InStyle» (май, 2004) читатель встречается с типичным красочным оформлением обложки и большим количеством заимствований в статьях, например: «Luxus-Bibel: unser Pool, unsere Yacht, unser Schloss: Slim Aarons hat den Lifestyle von reich-berühmt-adligen Familien fotografiert (Kennedys, Grimaldis), jetzt ist der Bildband des Top-Paparazzo erschienen».

В немецко-русском словаре слово «Pool» обозначает пул, т.е. разновидность бильярдной игры. На самом же деле, во фразе имеется в виду бассейн (в англ. «pool» – бассейн). Следующее заимствование – слово «Yacht». В немецком толковом словаре данное слово отсутствует. Яхта по-немецки – «Jacht». И пишется оно исключительно через «J». Правописание через «Y» взято с английского языка. Очевидно, что цель автора статьи ведется к сближению двух культурных плоскостей: американской и немецкой, путем объединения их лексического состава. Значение слово «Paparazzo» хорошо известно практически любому – это человек, профессионально занимающийся фотографированием знаменитостей. Автор всего лишь добавил в итальянскому слову «Paparazzo» английское «top» (со значением верх) и получил, таким образом, англо-итальянское выражение, употребленное в немецком тексте.

Вряд ли найдется теперь человек в Германии, который перепутает значение слова «der Bag» (сумка, мешок, пакет) с аббревиатурой BAG («Bundesanstalt für Güterfernverkehr» (федеральное управление дальних грузовых перевозок). Вот, что мы встречаем в одной их статей журнала: «Investieren Sie lieber ein klassisches teures Modell, das Sie jahrelang tragen können, als in viele Billig-Bags». Забавно, что англицизм «der Bag» употребляется в статье, под названием «Ihre Tasche zeigt, wer Sie sind». Пусть читатель сам решает, что ему ближе: «die Tasche» или «der Bag».

В научно-популярной газете «Intern», издаваемой Берлинским Техническим Университетом (июль, 2006), также встречается большое количество заимствований. В заголовках статей: «Fast, Faster, FaSTTUBE» (название нового аппарата обыгрывается при помощи сравнительных степеней англ. прилагательного «fast» (быстрый); «Optimierung sichert Jobs»

(англицизм «job» со значением «работа»); «40-Tonner sind Passé» (форму французского глагола «passer» в статье уместно перевести, как «прошедшие, ушедшие в прошлое, отслужившие свое»).

Из приведенных примеров видно, что немецкий язык испытывает влияние иностранных языков: английского (в значительной мере), а также французского и итальянского.

Подвергается воздействию глобализации не только лексический состав немецкого языка, но и его грамматические формы.

Апостроф в генитивном падеже воспринимается сегодня как факт и норма языка. Например: Oma's Haus (дом бабушки), Wilhelm's Buch (книга Вильгельма). А ведь не так давно, это было совсем не так, и для обозначения принадлежности чего-либо к чему-либо употреблялся притяжательный падеж имени, оканчивающийся на «s» (без апострофа) или использовался предлог von: Das Haus von Oma, das Buch von Wilhelm.

Все чаще употребляется «'» для обозначения множественного числа существительных: Mango's, Pizza's, Video's, die CD's и другие, а по правилу апостроф не требуется.

Велико число заимствований из английского языка в области компьютерной лексики. Следует отметить, что такие слова, чаще всего, имеют несколько форм при спряжении. Так, слово «downloaden», соответствующее немецкому аналогу «herunterladen» (загружать, скачивать), имеет сразу 2 формы в Perfekt, которые одинаково часто употребляются в устной и письменной речи, это: «gedownloadet» и «downgeloadet».

Еще одно слово из компьютерной лексики: «updaten» (обновлять) имеет в Perfekt форму «upgedated», чему соответствует форма немецкого слова «aktualisiert», которая, в свою очередь, употребляется все реже и реже.

Глагол «chatten» (общаться в интернете) не имеет достоверного немецкого аналога, поэтому его употребление можно считать оправданным. Глагол «chatten», как и такие существительные, как «Computer» (компьютер), «Job» (работа), является прямым заимствованным словом. Но в многочисленных случаях, используется английская лексика, несмотря на то, что есть слова с аналогичными значениями в немецком языке. Например, слову «Lifestyle» (образ жизни) соответствует немецкое «die Lebensart», а слово «Airline» (авиакомпания) все чаще заменяет «die Fluggesellschaft».

Заимствованные слова из иностранных языков, при спряжении чаще всего получают грамматические формы, свойственные немецкому языку. Например, слово «design» (англ., разрабатывать, проектировать): Ich designe, du designst, er designt.

Влияние глобализации на развитие немецкого языка очень велико. Важную роль в формировании общей картины действительности немецкого языка играет английский язык, который еще в XX веке получил статус интернационального и до сегодняшних дней является самым распространенным языком в деловом мире и повсеместно используется СМИ. На втором месте по мере влияния на немецкий язык стоит французский. Повышенное влияние английского языка на немецкий, привело к формированию феномена «Denglisch» (DEutsch + eNGLISH) – представляющий собой сплав грамматических правил и лексикона немецкого и английского языка. Существенной трансформации подвергаются все 4 уровня языка: лексика, грамматика, стилистика и фонетика.

Однако немецкий язык занимает не только пассивную позицию в процессе языковой глобализации, но и активную. Немецкие слова встречаются во многих языках и притом, не только в европейских. Историками отмечено, что еще в XVIII веке осуществлялись серьезные попытки сделать немецкий язык, наравне с английским, вторым государственным языком в Соединенных Штатах Америки. Приведем некоторые немецкие слова, которые встречаются в словарях английского языка: autobahn, bratwurst, dirndl, gasthaus, hamster, iceberg, kriegspiel, lager beer, leitmotiv, muesli, Neanderthaler, Oktoberfest, pils, pilsner, pinscher, rucksack, spritz, U-boat, waldmeister, wunderkind, zigzag (von Zickzack) и другие.

Важно отметить, что культурная диффузия, т.е. стихийное и никем не контролируемое заимствование культурных ценностей (в том числе и языка), имеет как позитивные, так и негативные аспекты. С одной стороны, она позволяет народам больше общаться между собой и узнавать друг о друге. С другой стороны, чрезмерно активное общение и заимствование опасно потерей культурной самобытности и уникальности языка. Принося новые правила в грамматику и правописание, глобализация уничтожает классические, формировавшиеся в течение долгого времени нормы.

Литература

1. Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Kiepenheuer & Witsch, Köln, 2004.
2. Журналы и газеты: «Glamour» (июль, 2007), «InStyle» (май, 2004), «Intern» (июль, 2006)

ПРОМЫСЛАВАЯ ЛЕКСІКА Ў СЛОЎНІКУ І. І. НАСОВІЧА

І. С. Мягчыла

Беларуская лексікаграфічная спадчына вызначаецца даўнімі традыцыямі, якія ўзыходзяць да старажытных часоў, аднак вывучэнне яе

тэарэтычных праблем ў беларускім мовазнаўстве не атрымала дастатковага асвятлення. Вядома, што традыцыі беларускай лексікаграфіі старажытнай пары былі перарваны ў канцы XVII ст. на доўгія гады, было амаль спынена і развіццё беларускай пісьмовай мовы. Толькі ў XIX ст. пачалі нанова закладвацца асновы беларускай лексікаграфіі, ішло яе фарміраванне і станаўленне як навуковай дысцыпліны.

Пачэснае месца ў гісторыі вывучэння беларускай мовы належыць І. І. Насовічу. У яго слоўніку адлюстравана самая разнастайная лексіка, як па свайму паходжанню, так і сферы выкарыстання. У ім сустракаюцца словы розных тэматычных груп, у тым ліку шырока прадстаўлена і промыславая лексіка.

Промыславая лексіка як адна з найбольш старажытных у слоўніку беларускай мовы ў той ці іншай ступені была ў полі зроку беларускіх мовазнаўцаў. Асобныя выпадкі яе разгляду адзначаны ў работах у сувязі з вырашэннем агульных праблем слоўнікавага складу старабеларускай мовы. Асобныя словы з лексікі старадаўніх промыслаў сустракаюцца ў работах В. Сташайтэне, З. Марчанка, У. Лазоўскага, Н. Гілевіча, А. Жураўскага, А. Булькі, Н. Вайтовіч, А. Груца, М. Булахавы і інш. Спецыяльнае даследаванне «Промыславая лексіка ў помніках старабеларускай пісьменнасці XV–XVII стст. (бортніцтва, рыбалоўства, паляванне)» у якасці кандыдацкай дысертацыі ў 1968 годзе прадставіў В. А. Купрэнка.

Промыславая лексіка ў значнай ступені прадстаўлена і ў народных гаворках, аб чым яскрава сведчаць дыялектныя слоўнікі і даведнікі. Тым не менш гэты пласт слоўніка пакуль што не быў аб'ектам асобнага разгляду. Датычыцца гэта і слоўніка І. І. Насовіча.

Аналіз промыславай лексікі з слоўніка І. І. Насовіча, дазваляе вылучыць у яе складзе наступныя тэматычныя групы:

- рыбалоўства (брэдзень, груздзіло, дорожка, топчанка і інш.);
- паляванне (вабикъ, капканы, мысливство і інш.);
- бандарства (алембикъ, гута, горщок і інш.);
- бортніцтва (вульлѣ, довжъ, перелазъ і інш.);
- гарбарства (баранокъ, куна і інш.);
- ткацтва (губка, валокъ, вытыкаць, едвабъ, гарусь і інш.);
- кавальства (наполокъ, крушь і інш.);
- конегадоўля (кѣлзанне, уздэчка, моторь і інш.);
- прылады працы (гобжа, воблокъ, дрында і інш.);
- металы (мосензь, томбакъ і інш.);
- памяшканні для распрацоўкі (копальня, вапельня і інш.).

Асноўнай задачай працы з'яўляецца даследаванне промыславай лексікі ў слоўніку І. І. Насовіча з пункту гледжання яе функцыянальнай характарыстыкі.

Сярод розных галін заняткаў насельніцтва важнае месца займае *рыбалоўства*. У той час чалавек не ведаў земляробства, а таму промыслы адыгрывалі важную ролю ў яго эканамічным жыцці.

Лексіка рыбалоўнага промыслу належыць да той часткі слоўнікавага складу, якую называюць прафесіянальнай лексікай. Слоўнік І. І. Насовіча фіксуе лексіку, якая абазначае назвы прылад рыбнай лоўлі. Прылады рыбалоўства даюць каштоўны матэрыял пры вывучэнні гісторыі развіцця промыслаў на Беларусі, вызначэнні гаспадарчага ўзроўню жыцця краіны.

На працягу гістарычнага развіцця адны прылады больш удасканальваліся, другія выходзілі з ужытку, а разам з гэтым і гублялася лексічнае значэнне гэтых назваў. Найбольшую распаўсюджанасць мелі назвы рыбных прылад са значэннем «сець». У слоўніку І. І. Насовіча назвы прылад семантычна падзяляюцца ў залежнасці ад іх выкарыстання і памераў.

Бредзень, дня, с.м.

Бредень, рыболовная сеть (33);

Бредникъ, а, с. м.

Бродникъ. Тоже что и Бредзень (33);

Волокъ, а, умен. **Волочокъ**, -чка, с. м.

Рыболовная сеть, которую не забрасывают подобно неводу, а затягивают, волоча ее за собою за крылья.

Идзице съ волочкомъ, ци не примаеце чего (780);

Подволочекъ, -чка, с.м.

Небольшая рыболовная сеть.

Подволочкомъ наловили рыбы досиць (439);

Вуда,ы, с.ж.

Уда (76);

Вудзельно, а,с.ср.

Лёса у уды.

Вудзельномъ секанувъ (76);

Вудка, и.

Вудочка, и, с.ж. умен.сл. Вуда.

Удочка (76);

Уда – агульнаславянская назва, яна захоўвае сваё лексічнае значэнне ў розных славянскіх мовах: руск. – уда, бел. – вуда, укр. – вудка, балг.– вьдица, серб. – удица, чэш. – udice, польск. – weda.

Дорожка, и, с. ж.

Рыболовный шнурокъ, въ конце котораго навязана изъ белой жести сделанная рыбка съ крючкомъ.

Рыбалка въ човне зъ дорожкой поехав (142);

Осци, -сцей, с. ж.

Рыболовное орудие, острога.

Зъ осциями на рыбу поехавъ (370);

Тригубица, ы, с. ж.

Трезубецъ, орудие состоящее изъ жерди, на конце которой прикреплена железная гребенка о трехъ зубахъ для убивания рыбы. Иначе: восци (639);

Жакъ, а, с. м.

Рыболовный снарядъ, отверстие котораго суживается въ середине на подобие воронки.

Нехто жакъ мой потрѣсь (152);

Топчанка, и, с. ж.

Родъ рыболовного снаряда, который втаптывают въ грязь для ловли вьюновъ (637).

Асобна можна вылучыць назву прыманкі.

Живецъ, вцу, вца, с. м.

Мелкая живая рыбка, насаживаемая на уду для ловки большой.

Вуда съ живцомъ (155).

Нягледзячы на даволі доўгі гістарычны перыяд развіцця многія словы, што ўзніклі на зары існавання славянскіх плямен, устойліва захоўваюць сваё лексічнае і семантычнае значэнне і ў наш час. Сюды можна аднесці наступныя словы: **волокъ, вуда, вудзельно, вудка/вудочка, дорожка, осци, тригубица, живецъ**. Меншай устойлівасцю вызначаюцца словы: **бредзень, подволочекъ, жакъ, топчанка**. Няўстойлівасць лексічнага значэння гэтых назваў можна патлумачыць наступным: па-першае, некаторыя словы ўзніклі як назвы толькі ў некаторых мясцовасцях і існавалі як рэаліі на працягу многіх стагоддзяў з вузка тэрытарыяльным распаўсюджаннем; па-другое, рыбалоўныя прылады ўдасканальваліся, а гэта прыводзіла да паступовага выцяснення з лексічнага складу мовы тых назваў прылад, якія выйшлі з ужытку.

Паляванне на Беларусі бадай самы старадаўні промысел. Паляванне, як вядома, было адным з самых старажытных промыслаў усіх часоў і народаў. У вельмі далёкім мінулым на працягу стагоддзяў паляванне і рыбалоўства было адным з асноўных заняткаў і сродкаў існавання людзей.

У слоўніку І. І. Насовіча, на жаль, падаецца няшмат слоў, якія звязаны з паляваннем, але ўсё ж такі выдзяляюцца дзве падгрупы: відавочныя назвы промысла і назвы прылад палявання.

Да першай падгрупы адносяцца наступныя словы.

Вловы, овъ, с.м. упот. во мн. ч.

Охота, ловъ.

Панъ на вловы поехавъ (60);

У гістарычным слоўніку беларускай мовы адзначаюцца наступныя словы:

Ловенье, ловець—паляўнічы, **ловитва** – паляванне, рыбалоўства; **ловы** – паляванне (Вып.17). У сучаснай літаратурнай мове гэта слова не ўжываецца. **Мысливство**, а, с. ср.

Охота съ собаками.

Черезъ мысливство збожже топчуць (296);

Мысливство – паляванне, ловы. Гэта лексема ўжываецца яшчэ ў старажытных помніках прыкладна з 1557 года. Адзначана ў гістарычным слоўніку (Вып.18), але ў слоўніках сучаснай літаратурнай мовы не значыцца. **Уполеванне**, я, с. ср.

Полевая охота за дичью.

Павы на ўполеванне поехали (749).

Полеванье – дзеянне па дзеяслову **полевати** – паляваць, яно ўжываецца яшчэ ў Гісторыі аб Варлааме і Іаасаце, 1637. Да прыкладу: «...полеване со псами...» (Вып.26). Дадзеная лексема з гэтым жа значэннем актыўна ўжываецца і ў наш час.

У другую падгрупу ўключаюцца:

Вабикъ, а, с. м.

Свистокъ для приманивания дикихъ птицъ.

Попробуй вабикомъ приманиць (41);

У гістарычным слоўніку беларускай мовы пазначана лексема **вабити** – зводзіць, прыцягваць, спакушаць (Вып.2), якая ўжываецца з 1560-х гадоў.

«Этимологический словарь русского языка» А. Преображенского (М., 1959, т. 1, ст. 61) падае стараславянскую і старажытнарускую форму **вабити** – зваць, запрашаць; славенскую – **vaba**, сербскахарвацкую **ваб** – са значэннем приманка.

Капканы, новъ, с.ж., во мн.

Железный снарядъ для уловления хищнаго животнаго, ловушка.

Вовкъ попался въ капканы (229).

Лексема **капкан** паходзіць з цюркскіх моў. У гістарычным слоўніку – не фіксуецца.

Словы **вабикъ** і **капканы** актыўна ўжываюцца ў лексіцы паляўнічых у наш час.

Такім чынам, занятак людзей паляваннем меў вялікае значэнне пры ўзбагачэнні асноўнага лексічнага складу мовы, а працэс працоўнай дзейнасці людзей, занятых у гэтым промысле, узбагачаў мову новымі словамі і назвамі.

ЧАЛАВЕК ВА ЎМОВАХ КАТАКЛІЗМАЎ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ТВОРЧАСЦІ ЯРАМІРА НАГАВІЦЫ)

I. Паплёўка

Чалавек на мяжы стагоддзяў – асабліва цікавая тэма для пісьменнікаў, паэтаў, мастакоў, музыкаў. Падсумаванне вынікаў мінулага, надзеі на будучыню – усё гэта здольна змяніць свядомасць чалавека, часам нават незаўважна для яго самога. У дадзеным выпадку гаворка ідзе пра па-межжа XX і XXI стст. – час вельмі калізійны і незвычайна цікавы для асэнсавання.

З’яўляліся розныя гіпотэзы наконт таго, як грамадства перажыве гэты час, асабліва часта выказвалася меркаванне пра канец свету, бо гісторыя – гэта цыклічны працэс, у якім заўжды можна заўважыць пэўныя заканамернасці. Таму чалавек і баіцца. Асабліва актуалізуецца страх напрыканцы цэлага тысячагоддзя, калі чалавек больш засяроджаны ў чаканні далейшага лёсу, адсюль і высновы, што гэты час можна лічыць катаклізмамі ў жыцці грамадства.

Аб’ект нашай увагі – тэксты песен Яраміра Нагавіцы, знакамітага барда Чэхіі канца XX-пач. XXI стст. – чалавека, які ў сваёй творчасці досыць рознабакова адлюстравваў жыццё свайго народа, здолеў прасачыць эвалюцыю свядомасці сваіх суайчыннікаў. Тэма актуальная і запатрабаваная, што тлумачыцца вялікай папулярнасцю Нагавіцы, а таксама тым, што даследаваннямі яго творчасці дагэтуль займаліся пераважна культу-ролагі, тэксты ж – прадмет літаратуразнаўства – разглядалі пераважна ў адзінстве з музыкай (варта прыгадаць працы Томаша Палачка, Іржы Чэрнага, Дануты Сіес-Кжышкоўскай (Польша), Марка Цыбульскага (США), Даніэля Соўкупа) мы ж паспрабуем прааналізаваць іх асобна.

Мэта нашай працы – адлюстраванне адметнасці свядомасці чэхаў у дадзеную эпоху. Задачы: прасачыць узаемадзеянне чалавека і грамадства, прааналізаваць найбольш актуальныя тэмы творчасці. Менавіта Я. Нагавіца быў узяты за прыклад, на наш выбар паўплывалі высока мастацкія тэксты, якія нічым не саступаюць традыцыйным вершам, маштабнасць яго творчасці як у храналагічных, так і ў тэматычных межах, знакамітасць, пра што сведчыць яго высокае месца ў агульначэшскім апытанні «Самы вядомы чэх».

Першая тэма, на якой бы хацелася спыніцца – узаемаадносіны чалавека і грамадства. Чалавек не давярае нікому, ён сам у сабе, вымушаны шукаць сваё асабістае «Я», каб людзі не заўважылі, што насамрэч ён не такі, як усе.

Já prostě odcháším jen – я проста адыходжу;

bránit své horizonty – бараніць свае гарызонты;
bránit svůj kousek země – бараніць свой кавалак зямлі;
čtvrť čtverečního metru – чвэрць квадратнага метра..

Лірычны герой баіцца прайграць, ён заклікае перажываць за яго, але галоўная небяспека хаваецца ў невядомасці, у пытанні: хтопраціўнік? Чалавек баіцца, ён ідзе на меч з мячом, добра разумеючы бессэнсоўнасць гэтага пахода. Над чалавекам – хмары, ён пытаецца ў людзей, чаму яго не любяць. Лірычны герой шукае любові, але расчароўваецца ў гэтых пошуках. Адсюль і словы «*moje srdce smutné srdce*» («маё сэрца – смутнае сэрца»). Пакуль не асэнсоўваючы паражэння, чалавек не адчувае ў сабе моцы для супрацьстаяння абставінам і грамадству. Людзей ён лічыць ворагамі, абсалютна іх не дыферэнцыруючы. У наступным тэксце «*Na jedné lodi plujem*» («На адной лодцы плывем») перад вачамі паўстае досыць цікавая карціна. На лодцы плывуць людзі, не ведаючы куды. Часам яны адкладаюць вёслы, проста аддаючыся ў рукі цячэння і ветра. На лодцы – хаос: капітан заўжды напіваецца ромам, а над тымі, хто яшчэ жывы, жахліва звічае пятля: *Na jedné lodi plujem// na jedné palubě// a i když neveslujem// voda nás sama nese.*

У тэксце «*Blues o malých bytech*» («Блюз пра малыя кватэры») на першы план выходзіць сацыяльная тэма – складанасці пры выездзе за мяжу, новыя няўтульныя кватэры, бюракратызм. Рэчаіснасць мае яшчэ адну адметнасць – «*je stále těžší těžší je stále těžší mít diplom v kapse a být si jist že budeš jist*» («усё больш складана мець дыплом у кішэні і быць упэўненым, што зможаш сябе пракарміць»).

Падводзячы пэўную рысу пад усім, што было сказана, проста акрэсліць агульны настрой тэкстаў на дадзеную тэму – скепсіс і песімізм, якія часам мяжуюць з адчаем і няўпэўненасцю ў сабе. Пра многае гавораць і назвы: «*Moje malá válka*» («Мая малая вайна»), «*Moje smutné srdce*» («Маё смутнае сэрца»), «*Darmoděj*» («Дармадзея»)... Значнае месца у творчасці Я. Нагавіцы займае тэма мінулага. Чалавек асэнсоўвае свой уласны лёс, спрабуе штосьці прааналізаваць, знайсці нейкія памылкі. Часта ён аналізуе сябе адарвана ад іншых, не ўлічвае развіцця грамадства. Так, у тэксце «*Třiatřicet*» («Трыццаць тры») падводзіць рысу пад тым, што было зроблена, і прыходзіць да несучаснай высновы. У іранічнай форме аўтар расказвае пра боль у касцях, вялікі жывот, абьякавасць дзяўчат да сваёй персоны. Так ці інакш, але тэкст прасякнуты настальгіяй. Гэта нельга назваць расчараванасцю, але, як і ў кожным іранічным творы, варта зазірнуць крыху глыбей у сябе. Магчыма, пад такой вопраткай і хаваецца пэўная незадаволенасць лірычнага героя сваім сучасным становішчам. Маўляў, наблізіўся да ўзросту Хрыста, а ўсё яш-

чэ працягваю займацца бязглуздзіцай. У наступным тэксце «*Život*» («*Жыццё*») аўтар праяўляе сябе з іншага боку, падыходзіць да асэнсавання сутнасці жыцця з філасофскай пазіцыі. Падбіраючы найбольш трапнае вызначэнне жыцця, ён сам губляецца ў сваіх роздумах. Жыццё для яго – гэта і міннае поле, і шэраг звязаных паміж сабой нітак... У любым выпадку, гэта нешта складанае, што цяжка ахарактарызаваць. Як-нітак тысячы дарог вядуць у розныя бакі, і дзякуй Богу, калі чалавек знойдзе хоць нейкую для сябе. Безумоўна, у лірычнага героя прысутнічае страх, бо ад яго выбару многае залежыць: чалавек баіцца адказнасці, баіцца зрабіць свой уласны выбар, баіцца будучыні, баіцца шкадаваць. Адным словам, ён проста баіцца сябе. Не зразумеўшы сваёй ролі ў грамадстве, даволі складана зрабіць нейкі адназначны выбар. «*Není co není jak není proč není kam není s kým není o čem každý je v sobě sám*» («Няма што, невядома як, невядома куды, няма з кім, няма пра што, кожны сам у сабе») – вось радкі, якія трапна характарызуюць стан асобы. Часам Ярамір Нагавіца спрабуе знайсці вінаватых, у лік якіх трапляе і Бог, якога лірычны герой называе сляпым кіроўцам. Любоў змянілася на нянавіць – чалавек закрываецца ў сабе. Звычайна ў такіх выпадках чалавек вінаваціць уладу, што, канешне ж, ёсць і ў Нагавіцы. Нелюбоў да СССР, якая часам пералівалася ў злосць, вызначае тагачасную творчасць чэхаў. Пасля абвяшчэння Чэшскай Рэспублікі сітуацыя змянілася ў іншы бок. У песні «*Pane Prezidente*» («*Пан прэзідэнт*») відавочны давер лірычнага героя да прэзідэнта свайго народа – Вацлава Гавэла. Лірычны герой узгадвае нядаўнія рэвалюцыйныя падзеі ў Чэхіі, але ж, як ні дзіўна, песімізм прысутнічае і тут. З паляпшэннем становішча краіны, чалавек усё адно пакутуе: на яго забыліся дзеці, ён адчувае сябе адзінокім. Зрабіўшы нешта для сваёй Радзімы, ён хоча, каб і Радзіма зрабіла штосьці для яго.

Vy to pochopíte – вы гэта зразумеце;

vy se mnou soucítíte – вы мне паспачуваеце;

vy se poradíte vy to vyřešíte – вы дадзіце параду вы гэта вырашыце;

vy mě zachráníte – вы мяне абароніце;

pane prezidente – пан прэзідэнт;

já chci jen kousek štěstí – я хачу толькі кавадак шчасця;

pro co jiného jsme přeci zvonili – дзеля чаго іншага мы званілі;

klíče na náměstí – ключамі на плошчы.

Важнае месца займае таксама тэма свабоды. Прытым у сваёй большасці маецца на ўвазе асабістая свабода чалавека, свабода ад пэўных заветаў. Часам чалавек адкрываецца, але, як вынікае з тэкста «*Dopisy bez podpisu*» («Лісты без подпісу»), потым пакутуе ад гэтага. Адчыніўшы дзверы для сваіх сяброў, ён сустрэў злодзеяў. Зняўшы з вакон жалюзі, ён

ведае, што гэты ўчынак абвернецца для яго нечым благім. Чым жа ў такім выпадку кіруецца герой?

Nestůjte ke mně zády – не стойце да мяне спінаю;
já chci vás vidět čelem – я хачу бачыць вас у твар;
jak znám své kamarády – як ведаю сваіх сяброў;
jak znám své kamarády – як ведаю сваіх сяброў;
chci znát i nepřátele – як ведаю сваіх сяброў;

Часам лірычны герой апынаецца ў незнаёмым месцы, у незнаёмым горадзе, у ролі якога выступіў Вавілон. У новым месцы чалавеку ўсё здаецца новым, прытым ён не прымае новых парадкаў, лічачы іх чужымі. Ён называе сябе дзіцём, якое страціла маці, птушкай, якая выпала з гнязда. Адзіная яго мэта – знайсці крылы і паляцяецца як мага далей ад усіх. Праўда, пачынаючы вандраваць, чалавек рызыкуе стаць бедным і непатрэбным. «Jdou po mně jdou na každým rohu mají fotku mou» («ідуць, за мной ідуць, на кожным вуглу маё фота») – чалавек жыве з думкай пра нейкага нябачнага ворага, з марай нарэшце пабачыць яго. Герой ніколі не змірыцца з думкай пра выдуманых страхі, ён адчувае небяспеку, і схавацца становіцца яго галоўнай мэтай. Прытым у якім бы штаце якой бы краіны чалавек не знаходзіўся, вораг застаецца нязменным: ён заўсёды побач, і ў любы час можа павярнуцца тварам.

Такім чынам нам удалося на матэрыяле творчасці Яраміра Нагавіцы прааналізаваць найбольш вызначальныя адметнасці псіхалогіі чэхаў на дадзеным этапе іх развіцця, што і ставілася за асноўную мэту працы. Усе гэтыя адметнасці і былі названыя вышэй, таксама былі разгледжаныя больш вузкія пытанні ўзаемаадносін чалавека і грамадства, асабістай свабоды чалавека. Намі былі таксама вылучаныя тэмы, якія хвалявалі аўтара, дзякуючы чаму ўсе тэксты размеркаваныя па розных групам і даюць сістэматычнае ўяўленне дадзенай праблемы.

МЕНТАЛІТЭТ БЕЛАРУСАЎ І АНГЛІЧАН ПРАЗ ПРЫЗМУ ПАРЭМІЯЛОГІІ

А. Я. Пыж

Вядома, што мова як адна з найбольш характэрных складовых нацыянальнай культуры, адлюстроўвае і выражае і агульначалавечыя, і нацыянальна-спецыфічныя асаблівасці культуры народа. Таму ў беларускай моўнай карціне свету мы ўзялі ідыёмы найбольш частыя ў маўленні, якія здольныя скласці малымі сродкамі яркую шматобразную мазаіку. Мы прапануем наступную тэматычную класіфікацыю **беларускіх** нацыянальных канцэптаў:

ЧАЛАВЕК – *хоць малы, але вялікаму лапці надпляце.*

ПРАЦА – зямля – талерка, што пакладзеш, тое і возьмеш.

РАДЗІМА – радзіма – матка, чужына – мачыха.

СЯМ’Я – разумны тата робіць сям’і свята

МЕСЦА Ў ГРАМАДСТВЕ – адзін дасужы, ды не дужы..

Самая разгалінавая група – ЧАЛАВЕК, якая ўключае такія канцэпты, як ЗНЕСНАСЦЬ І СУТНАСЦЬ, ХАРАКТАР, ГАСЦІННАСЦЬ, ПРАЎДА, НАВУКА І НАВУЧАННЕ, РЭЛІГІЯ.

Па сваім ХАРАКТАРЫ беларус:

- міралюбівы (дзе пяюць, туды ідзі, а дзе сварацца – абыдзі);
- разважлівы (ад парады язык не адваліцца і зубы не высыплюцца);
- умераны (лепей свой посны праснак, як чужое сала);
- спагадлівы (добраму сэрцу і зубрава рана баліць);
- адмаўляецца ад крайніх пазіцый (не будзь салодкі – зліжуць, не будзь горкі – сплюнуць);
- цярплівы (маеш хаценне – май і цярпенне);
- паслухмяны (рад не рад, ды мусіш);
- упарты (верасок і ў цяньку зацвітае);
- адважны (не хіліцца з бяды, не пужацца агню);
- аптыміст (і наша сонца ўвойдзе ў аконца);
- таварыскі (дзеля друга няма круга).

Ва ўсіх на слыху адметная ГАСЦІННАСЦЬ І ДОБРАЗЫЧЛІВАСЦЬ беларусаў. Прыём гасцей – сапраўдная народная традыцыя: *добраму госцю вароты самі расчыняюцца*. Але што датычыцца нечаканых і нядобрых гасцей, тут беларус даволі востры на язык: *няпрошанаму госцю лыжкі няма*.

Беларусы – шчырыя і адкрытыя людзі, і таму катэгорыя ПРАЎДА – неад’емная частка моўнага партрэту беларуса: *на праўдзе свет стаіць*. Але пры гэтым беларусаў нельга назваць надзвычай гаваркімі, яны не рэжуць праўду-матку ў лоб: *слухай многа, а гавары мала*.

На аснове даследаваных ідыём можна смела сцвярджаць, што беларусы – народ вельмі схільны да НАВУКІ і зацікаўлены ў ВЕДАХ: *кніжка чалавеку, што ліпа пчолцы; навука не мучыць, а жыць вучыць*.

Даволі неадназначныя стасункі беларусаў з РЭЛІГІЯЙ: рэлігійная свядомасць нашага народа ўяўляе сабой своеасаблівы гістарычна абумоўлены сінтэз паганства (*Пярун яго ведае*), хрысціянства (*Бог не цяля, убачыць круцяля*) і атэізму (*з Богам не паспрачаешся, бо яго няма*).

Катэгорыя ПРАЦА, бадай, самая значная і важная ў беларускай моўнай карціне свету. І гэта не выпадкова, бо праца (найперш сельска-гаспадарчая) была для сялянства адзіным магчымым сродкам выжывання: *паміраць збірайся, а жыта сей*. Але наўрад ці можна

сказаць, што беларус наракае на сваю занятасць, бо працавітасць і любоў да працы ў крыві нашага народа: *без справы жыць – толькі неба капіць*.

СЯМ'Я для беларуса – гэта не проста сукупнасць блізкіх і родных людзей, а цэлы своеасаблівы мікрасвет, цэнтр як псіхалагічнай, так і фізічнай падтрымкі: *пчолка адзін вулей знае і толькі з адною сямейкаю дажывае*. Выхаванню ў сям'і спрадвечна надавалася вельмі важнае значэнне, бо працэс гэта складаны і працяглы: *дзетак узгадаваць – не курак пасклікаць*. На Беларусі яшчэ спрадвечу існаваў і захаваўся да нашых часоў культ жанчыны (маці, гаспадыні, жонкі): *жонка, як кветка, а муж – шкарпэтка; хата гаспадыняю красна*.

Катэгорыя МЕСЦА Ў ГРАМАДСТВЕ складаецца з 2 частак: Сацыяльная няроўнасць і несправядлівасць у мінулым: адны пануюць, другія гаруюць; на тое мужык, каб працаваў.

Грамада, калектывізм: грамада была не проста аб'яднаннем людзей, а формай светаўспрымання: адзін і ў кашы не споры.

Англійская моўная карціна свету складаецца з наступных канцэптаў:

- ЧАЛАБЕК (PERSON) – a man of his word (гаспадар свойго слова);
- ПРЫРОДА (NATURE) – green winter (мяккая і бяснежная зіма);
- РУЦІНА (DAILY LIFE) – a dog's life (сабачае жыццё);
- ДОМ (HOME) – the center of universal (цэнтр сусвету);
- ЛАД ЖЫЦЦЯ (STYLE) – God Save the Queen (Божа, барані каралеву).

Самая шматлікая і прадстаўнічая група – ЧАЛАБЕК (PERSON), якая ў сваю чаргу ўбірае ў сябе:

- ЗНЕСІНАСЦЬ – long in the tooth (стары);
- АСОБА, ХАРАКТАР – quick on the trigger (імпульсіўны);
- ІНТЭЛЕКТ – as silly as a sheep (goose);
- МАРАЛЬ – as greedy as a pig (скупапы, як свіння);
- ПОСПЕХ – work one's way to the top (прабівацца да вяршыні);

Па сваёй сутнасці англічане:

- Лаканічныя (Bless You! – Будзьце здаровы!);
- Прагматычныя (know what side the bread is buttered – быць сабе на розуме);
- Кансерватыўныя (you can't teach an old dog new tricks — гарбатага выправіць магіла);
- Дзелавітыя (life is not all hee-hee, ha-ha – жыццё не такое простае, як здаецца).

Канцэпт ПОСПЕХ – неад'емная частка моўнага партрэта англічаніна: work one's way to the top (прабівацца на вяршыню), born with a silver spoon in the mouth (нарадзіцца пад шчаслівай зоркай).

Праз Англію праходзіць нулявы мерыдыян, значыць, там пуп зямлі, сама ПРЫРОДА надала сабе унікальнасць і значнасць. Як у люстэрку, адлюстроўваецца жыццё ў прыродных з’явах: *rain on Monday Sunshine next Sunday* – будзе і на нашай вуліцы свята. РУЦІНА – другая характарыстыка англійскай моўнай карціны свету. У нацыянальнай свядомасці зафіксаваны строгі парадак рэчаў, традыцыйнасць і патрыятызм: *the early bird catches the worm* – хто рана устае, таму Бог дае.

ДОМ – цэнтр сусвету для англічаніна, вяршыня ўтульнасці і зручнасці, сям’я – сама бяспека, ачаг і любоў, пакой і радасць. Дзеці і састарэлыя людзі – клас прывілеяваны, асобы: *by the kid’s mouth* – вуснамі немаўлят, *old birds are not to be caught* – старога вараб’я на мякіне не зловіш.

У катэгорыі ЛАД ЖЫЦЦЯ трэба выдзеліць такія канцэпты, як:

- Павага да манархіі (у Брытаніі няма грамадзян, ёсць падданыя), англічане вялікія патрыёты (*God save the Queen* – *Божа, барані каралеву*);
- Любоў да спорта і да жывёл (*love me love my dog* – *любіш мяне, любі і майго сабаку*);
- Глыбокая павага да гісторыі і традыцый – захаванне і падтрымка самабытнасці Брытаніі (*before you can say Jack Robinson* – *у імгненне вока*);
- Рэлігійнасць; нават царква ў Англіі ўласная, англіканская (*to join the great majority* – *найсці ў іншы свет*);
- Разважлівасць (*to let sleeping dogs lie* – *не будзі сабаку, які спіць*);
- Дыпламатычнасць, недапушчальна лезці ў чужыя справы (*keep your privacy* – *нешта кшталту «трымай адлегласць»*).

З аднаго боку, англічане супярэчлівыя і парадаксальныя, з другога – цэльныя вызначаныя натуры. На шпацыр апранаюцца пластамі (*cabbage style* – *як капуста*), паведамляюць адзін аднаму тое, што і так вядома (*double Dutch* – *глупства, лухта*), не вымавяць ні слова, калі іх не прадставілі адзін аднаму (*familiarity breeds contempt* – *чым больш ведаеш, тым менш цэніш*). Англічане прадказальныя (*every man to his trade* – *кожнаму сваё*) і загадкавыя (*dark horse* – *цёмны конь*) адначасова.

Як у беларускай, так і ў англійскай мовах знаходзяць сваё адлюстраванне агульначалавечыя каштоўнасці. Аднак пры аналізе беларускай і англійскай канцэпталагічных сістэм нельга не звярнуць увагу і на шэраг кардынальных адрозненняў. Гэта звязана з сацыяльнай гісторыяй краін, якая, з аднаго боку, з’яўляецца складовай ментальнасці, а з другога – яе фарміруючым паняццем.

Беларусам больш уласцівы калектывізм (кацэпт ГРАМАДА), нават саслоўны калектывізм. Саслоўная прыналежнасць з’яўляецца той кропкай, якая каардынуе дзеянні асобнага індывіда – непасрэднага члена той

ці іншай сацыяльнай групы. Што датычыцца англічан, то для іх больш важнае значенне мае індывідуалізм, які характарызуецца высокай ступенню клопату індывідуумаў аб сабе і сваіх сем'ях.

Такім чынам, кожная мова мае свае нацыянальна-спецыфічныя канцэпты, якія вылучаюць яе з шэрагу іншых моўных карцін свету. Аднак выяўленыя адрозненні не характарызуюцца катэгарычнасцю пазіцый, яны толькі паказваюць на нейкія тэндэнцыі, пэўную перавагу тых ці іншых канцэптаў у парэміялагічных фондах беларускай і англійскай моў.

КАТЕГОРИЯ ПАРАДОКСА И АНАЛИЗ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Ю. О. Сергейчик

Оперируя теми или иными категориями при анализе художественного текста, очень важно иметь четкое представление и понимание самих этих категорий, особенно если они сами по себе носят порой довольно противоречивый характер.

Категория парадокса же, как одна из наиболее важных и интересных категорий драматургии и литературы вообще, заслуживает пристального внимания и исследования.

Термин парадокс и образованные от него парадоксальность и парадоксальное принадлежат к особым категориям. В истории их бытования с удивляющей отчетливостью отразилась эволюция человеческого мировоззрения, интеллектуальной деятельности, мышления и рефлексии.

«Понятие «парадокс» (*παράδοξος, παρά τήν δόξαν*) означает в греческом языке высказывание, противоречащее «доксе», то есть господствующему, общепринятому мнению, ожиданию. Поскольку такое противоречие осложняет понимание, в античных риториках происходит отождествление парадокса с неожиданным, чудесным, странным. Уже Аристотель определяет парадокс не только как «высказывание вопреки общему мнению», но также и как высказывание, «противоречащее прежде пробужденному ожиданию». Цицерон называет парадоксы стоиков «странными и противоречащими мнению всех». [А 6, с. 10]

Парадокс (с его синтаксической редуцией – оксюморонам – т. е. «остро режущей глупостью») содержит некое противоречие (между двумя сторонами бытия или двумя точками зрения), замедляет понимание, приводит воспринимающего в напряжение, вызывает усиление мышления и в итоге ведет к обнаружению скрытой истины, которая разоблачает «доксу», показывая ее иллюзорность.

В широком смысле парадокс – это положение, резко расходящееся с общепринятыми, устоявшимися, ортодоксальными мнениями.

Парадокс в более узком и специальном значении это два противоположных, несовместимых утверждения, для каждого из которых имеются кажушиеся убедительными аргументы.

«Парадокс в логике – это противоречие, имеющее статус логически корректного вывода и, вместе с тем, представляющее собой рассуждение, приводящее к взаимно исключающим заключениям».

Парадоксальность – неожиданность, непривычность, оригинальность, противоречивость себе, исходным посылкам, общепринятому, традиционному взгляду или здравому смыслу по содержанию и/или по форме. Антонимом парадоксальности является ортодоксальность – проверенность, традиционность.

Парадоксальность, как чрезвычайно распространенное качество, присущее произведениям самых разных жанров искусства. В силу своей необычности парадоксальные высказывания, названия, содержания произведений неизменно привлекают к себе внимание людей. Это широко используется в разговорном жанре, в театральном и цирковом искусствах, в живописи и народном творчестве. Хороший оратор обязательно использует этот приём в своих выступлениях для поддержания живого интереса слушателей. Комизм большинства анекдотов заключается в наличии неожиданного противоречия в последней фразе.

Основополагающими признаками парадокса вообще являются *противоречивость, авторефлексивность, циркулярность*.

Для парадокса характерны краткость и законченность, приближающие его к афоризму, подчеркнутая заостренность формулировки, приближающая его к игре слов, каламбуру, а также необычность содержания, противоречащая общепринятой трактовке данной проблемы, которая затрагивается парадоксом. Отсюда понятие парадоксальности приближается к понятию оригинальности, смелости суждений и т. д. Сам же парадокс может быть и верен и неверен в зависимости от содержания. Парадокс присущ не только художественной литературе, он характерен и для политической, философской и т. п. литературы. [А 3, с. 4]

Следует дифференцировать понятия «парадокс» и «абсурд». Еще в 1661 году И. Микрэлиус говорил: «Абсурд и парадокс различаются тем, что первое всегда означает отрицание верного, между тем как второе означает отрицание убеждения большинства людей». [А 6, с. 12]

История парадоксов столь же древняя, как история логики и философии. Но возможно наибольшее их количество и разнообразие обнаружено в культуре XX века.

Роль парадоксов столь значительна в познании, что, например, В. С. Библер назвал всю философскую логику логикой парадокса. Хотя он имел в виду переносный смысл («логика соотношения мышления и

бытия»), но положение это имеет смысл и для той области современной логики, которая называется философской логикой, а впрочем, и ко всей современной логике. Библиер понимает философскую логику как логику культуры. Он дает здесь наиболее, пожалуй, широкое определение парадокса: «Парадокс есть всеобщая логическая форма воспроизведения и обоснования в понятии, в логике – внепонятийности, внелогичности бытия, все более всестороннее несводимого к понятию». Так широко понятый парадокс поистине манифестирует фундаментальную иррациональность бытия, которая, оказалась рационально воспроизведенной. [А 1, с. 4]

В этом же духе выступает швейцарский профессор философии К. Глой, говоря о возможности устранения парадоксов «Апорий (в смысле парадоксов вообще) можно избежать лишь при допущении таких стратегий аргументации, которые включают хаотичность и флуктуации и тем самым не разрушаются от таких предпосылок, а интегрируют их в свое решение». [А 2, с. 4]

Различаются такие разновидности логических парадоксов, как апория и антиномия.

Антиномия – (греч. *Anti* – против и *nomos* – закон; противоречие в законе или противоречие закона самому себе) – ситуация, в которой противоречащие друг другу высказывания об одном и том же объекте имеют логически равноправное обоснование, и их истинность или ложность нельзя обосновать в рамках принятой парадигмы, т. е. противоречие между двумя положениями, признаваемыми одинаково верными, или, другими словами, противоречие двух законов. Тем не менее антиномию и парадокс не следует отождествлять. Главное отличие антиномии от парадокса в том, что антиномия не дана нам в непосредственном опыте, она не воспринимается органами чувств, с ней не соотнесены никакие реалии, события, предметы. Антиномия есть результат работы мысли, особого, нестандартного осмысления действительности, особого взгляда на мир. [Б 1, с. 4]

Апория (греч. *Aporia* – безвыходное положение) – понятие, означающее в древнегреческой философии трудноразрешимую проблему. Апория возникает на основании того, что в самом предмете или в понятии о нем заложено противоречие. [Б 2, с. 4]

В зависимости от того, чем обусловлена парадоксальность, парадоксальные высказывания (ПВ) могут быть подразделены на следующие группы:

Парадоксальность обусловлена *антиномичностью* высказывания: «Люди жестоки, но человек добр» (Р. Тагор); «Я всеми принят, изгнан отовсюду» (Ф. Вийон); Сила женщины – в ее слабости и т. п.

Парадоксальным может быть высказывание, в котором *нарушены причинно-следственные связи*, отчего следствие, вывод не вытекают из посылки, условия: Верю, потому что абсурдно (античн.); Если я не молодец, то свинья не красавица; «Этого не может быть, потому что не может быть никогда» (А. Чехов); «Не верьте сказкам: они были правдой» (Ст. Ежи Лец) и т. п.

Парадоксальность порождается сознательным *объединением разноплановых, гетерогенных начал*: Лучше переест, чем недоспать; Рыть канаву от забора и до обеда; Не путай мыльницу с медным самоваром; Что не делают у нас – делают не так; Искать надо не там, где потерял, а там, где светло и др.

Парадоксальность создается утверждением чего-либо, *обратного житейскому опыту, прямо противоположного ожидаемому*: Дураков работа любит; На упрямых воду возят; В объезд – так к обеду, а прямо, так, дай бог, к ночи.

«*Взрывание изнутри*» общеизвестных выражений также может приводить к парадоксальности: «Не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра» (О. Уйалд); Что ни делается, все к лучшему в этом худшем из миров; Хотели как лучше, а получилось – как всегда.

Парадоксальность может быть *результатом языковой игры*: «Сто раз я нажимал курок винтовки, а вылетали только соловьи» (Б. Окуджава); Никогда не говори «никогда» и др. [А 4, с. 4]

В художественной литературе парадокс имеет различную роль и по употреблению и по содержанию. С одной стороны, может выступать в речи как одно из средств интеллектуальной характеристики персонажа, с другой, как средство поэтического языка, определяясь в своем содержании и использовании характером данного творчества и – шире – литературного стиля.

Парадоксальность интересна тем, что – как художественный прием – она способна коррелировать с комическим, придавая ему особую отточенность и блеск, так и с трагическим, пронзительно утяжеляя бездну трагедии.

Там, где присутствует парадокс, появляются новые перспективы для исследования, парадокс – это всегда выход на новый уровень постижения чего-либо.

Літэратура

1. Библер В. С. К философской логике парадокса // Вопр. философии. 1988. № 1.
2. Глой К. Проблема последнего обоснования динамических систем // Вопр. философии. 1994. № 3.
3. Горнфельд А. Г., Фигура в поэтике и риторике, сб. «Вопросы теории и психологии творчества», т. I, изд. 2-е, Харьков, 1911, стр. 335—339
4. Грузберг Л. А. Антиномия // Филолог. Пермь, 2003. № 2. С. 33—34.
5. Ивин А.А. Логика. Учебное пособие. Издание 2-е. М.: Знание, 1998. 240 с. ISBN 5-07-002820-0
6. Парадоксы русской литературы: Сб. Статей под ред. В.Марковича, В. Мида. СПб., ИНАПРЕСС, 2001, С –16
7. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд.М.: Политиздат, 1981. 445 .

АФАРЫСТЫЧНЫЯ ОСЦПЫ «СМАРГОНСКАГА ІНДАРА»

Г. І. Серэхан

Выдатны польскамоўны беларускі паэт XIX стагоддзя Антон Гарэцкі нам вядомы як віртуозны байкапісец, паэт легіёнаў, як сябра і паплечнік Адама Міцкевіча. Але сучаснікі паэта сцвярджаюць, што асабліваю папулярнасць і любоў ён заваяваў дзякуючы сваім маленькім вершыкам-экспромтам, напісаным з розных нагодаў і ў розных абставінах, але вельмі дасціпным і калючым. Станіслаў Мараўскі ў сваіх успамінах «*Kilka lat młodości mojej w Wilnie*» заўважае пра гэты своеасаблівы жанр ў творчасці Антона Гарэцкага: «...*Impromptów, które on, jak żebyś potrząsł czy gruszę, czy jabłoń, z siebie sypał a sypał i których największa liczba na nieszczęście zaginęła, chociaż się podówczas krukiem za pamięć każdego czepiały*» [4, с. 401].

Творы гэтыя рассыпаны па шматлікіх сямейных альбомах, у адзінкавых помніках альбо проста засталіся ў памяці нашчадкаў, таму дагэтуль не былі спецыяльным прадметам даследавання. У дадзенай працы мы пастараемся сабраць і прааналізаваць усе вядомыя нам на дадзены момант экспромты Антона Гарэцкага, класіфікаваўшы іх паводле тэматыкі.

Дзеля гэтага ў першую чаргу згадаем пра бескампраміснасць паэта як у палітычным, так і ў літаратурным жыцці. Так, у 20–30-я гады XIX стагоддзя папулярнасць Гарэцкага расла неверагодна хутка. Яго байкі і гістарычныя думы «*lotem błyskawicy*» рызыходзіліся па школах, дварах і павятовых мястэчках, абуджаючы зайздасць і няветлівыя адносіны тагачасных віленскіх карыфеяў паэзіі Шыдлоўскага і Расалоўскага, якія ў паляванні на славу штомесяц, калі не штотыдзень насілі свае вершы ў папулярныя віленскія выданні. Рэдактары ўвогуле не плацілі ім ганарару, але тыя ўжо лічылі за ласку адно выдрукаванне іх твораў [гл. 5, 124–125].

Акрамя таго, Гарэцкі выклікаў нянавісць і непачцівасць з боку радавітых варшаўскіх крытыкаў. У асяроддзе іх уваходзіў і генерал Францішак Мараўскі. Ён жа напісаў абразлівы пасквіль «Nowy Parnas» з мэтай ачарніць і зганьбіць творчасць Гарэцкага, але, на шчасце, гэтая злосная сатыра не дайшла да Вільні, па меншай меры да універсітэцкай моладзі. Адынец з асцярожлівасцю каментуе гэты выпадак: «Był on bowiem w takiej sprzeczności z nastroem naszych uczuć i myśli, że choćby nie zaraził nas może swoim złym przykładem, ani osłabił czci dla Goreckiego; aleby nam zamaścił niewątpliwie idealne wyobrażenia, które nas łudziły zdaleka, o tych sławnych poetach, o tych mądrych krytykach warszawskich, dla których żywiąc sami uczucia czci i miłości, nie wątpiliśmy...» [5, 125].

Аднак сам Гарэцкі ўсё ж даведаўся пра нападкі крытыкаў і іх з'едлівае прысвячэнне, дзе яго назвалі «смаргонскім Піндарам». Разгневаны, ён увогуле перастаў друкавацца ў часопісах і толькі праз некалькі гадоў, у 1820 годзе, адказаў праціўнікам вершам «Zasluga, nagroda, intryga». З Цеханоўская ў слоўнікавым артыкуле пра А. Гарэцкага выказвае меркаванне, што ў сувязі са знявагай крытыкаў паэт нават спаліў распачаты збор твораў, рыхтаваны да выдання. І тут жа аўтарка заўважае, што больш праўдападобным з'яўляецца пазнейшае сведчанне Міцкевіча: да выдання творы Гарэцкага не дапусціла цензура [гл. 2, 307].

З нагоды гэтых перажыванняў паўстаў маленькі верш-эпіграма «На крытыкаў»:

Niech jeszcze dobre Niebo tem Polską obdarzy:	Хай добрае неба абдоруць Край гэтым:
By miała mniej krytyków, a więcej Pisarzy,	Каб крытыкаў менш было, болей Паэтаў,
Bo z naszym gospodarstwem podobiaństwo mają	З ліхім спадаром бо падобнае маюць:
	Ледзь дрэва ўзнялося, яго ўжо ссякаюць.
	(Пераклад Ірыны Багдановіч)
Jeszcze drzewa nie wzrosły już wycinają. [1]	

Ці то на з'едлівага неразумнага крытыка, ці то на недасведчанага чытача накіравана і наступнае двухрадкоўе:

Cóż, że siedzisz nad książką, małpeczko kochana?
Gdy nie rozumiesz, jaka tam rzecz napisana [3].

Як бачым ужо з гэтых двух твораў, досціпы Гарэцкага маюць афарыстычны характар і сатырычны змест. Але тэматычна яны не вычэрваюцца эпіграмамі на крытыкаў. Паэт неаднаразова зачпляў вострым словам і задзірыстых пісьменнікаў.

Так, маладога афіцэра Гарэцкага часта запрашалі ў арыстакратычныя салоны Вільні, Варшавы і Вены. Як успамінае Мараўскі, на адным з такіх абедаяў прысутнічаў нейкі граф Моль, які лічыў сябе вельмі таленавітым паэтам. Шчыра верачы ў гэта, ён нават пераклаў на польскую мову, а по-

тым і выдаў трагедыю Расіна «Бераніка». Яе ж, яшчэ свежую, нават «вільготную», прынёс у дом гаспадыні, каб пакінуць на памяць. Здарылася так, што на гэтым прыёме прысутнічаў і Антон Гарэцкі. Калі госці разышліся па розных кутках залы і заняліся размовамі, Гарэцкі ўзяў са століка ў рукі яшчэ незнаёмую для сябе кніжку і, хутка прабегшы яе вачыма, на вокладцы непрыкметна напісаў:

Taka losów ludskich dola,
Nie uniknie nic zniszczenia!
Mimo wieków uwielbienia
Znalazł Rasyń swego Mola!

[цыт. па: 4, с. 402]

І, нібыта нічога не здарылася, зноў паклаў кніжку на столік. Пасля абеду пані Янавічова, нічога не ведаючы, хацела зрабіць графу Молю камплімент і наўмысна завяла гутарку пра яго «Бераніку». Ашчасліўлены Моль «*duszę swoją pod skromną autora ukrywał miłą*» [4, с. 402]. Але тым часам кожны госць, убачыўшы на вокладцы прыпісаныя радкі, хочучы не хочучы прыкусіў вусны. Урэшце ўзяў кнігу і сам Моль. Можна лёгка ўявіць сабе ягоную радасць... Назаўтра ўвесь горад ведаў гэтае чатырохрадкоўе на памяць.

Пра трапнасць і віртуознасць Гарэцкавых твораў сведчыць яшчэ адзін выпадак з салону. Так, паэт не заўсёды, але часам заікаўся. Прыпадкі ікоты, як здавалася Гарэцкаму, вельмі сарамацілі яго, бо як толькі ён запінаўся, то хвілін колькі не мог вымавіць слова. Адночы, вяртаючыся з-за мяжы, ён спыніўся на некаторы час ў доме панны Велёпольскі, якая славілася сваёй пекнатою, розумам, кемлівасцю і становішчам у арыстакратычным свеце – была нечым падобная на сённяшнюю «ільвіцу». Гарэцкі, сам не зусім прывабны з выгляду, вельмі любіў прыгожых кабет. Панна Велёпольска з першага разу яго надзвычайна заінтрыгавала. Тады ці з-за нервовага перажывання, ці з-за прыпадку паэт раптам у размове з ёю пачаў заікацца. Нягледзячы на тое, што імя Гарэцкага на той час выклікала вялікую пашану, паненка пырснула смехам яму проста ў вочы. Паэта гэта закранула за жывое, але ён зрабіў выгляд, што не заўважыў абразы. Пасля, праз некаторы час, кожная дама папрасіла яго напісаць штосьці на памяць у сваім альбоме, таму што ўвогуле Гарэцкага нельга было не палюбіць з першага знаёмства, і ў кожным салоне ён за вельмі кароткі час заваёўваў увагу і сэрцы як гаспадароў, так і гасцей... Альбомы пасыпаліся градам. Панна Велёпольска, прымадонна ў тым таварыстве, падала свой альбом першая. Гарэцкі ж, ні на хвіліну не задумаўшыся, напісаў:

W tych wierszach pozostanie dwóch wad pamięć wieczna:
Ja, żem był zajękliwy, – Pani, że niegrzeczna.
I rzekną potomkowie, czyniąc porównanie,
że tam winna natura, – tu złe wychowanie.

[цыт. па: 4, с. 402–403]

Аднак панна Велёпольска таксама была вядомая сваёй дасціпнасцю і ўменнем хутка прыняць рашэнне. І яна не спынілася на прачытанні з'едлівага запісу Гарэцкага ў яе альбоме, паслаўшы яму ў Вену наступны адказ:

Błędny, choć dowcipnym, często mędrków zdanie
Gdyż śmiech płodem natury tak, jak zająkanie...,
A kto dowcip zaostrza i płeć słabą łaje,
Dobrego wychowania dowodu nie daje.

[цыт. па: 4, с. 593–594]

Гарэцкі часта імправізаваў і падчас вясёлых застолляў, дзе збіраліся лепшыя прадстаўнікі віленскай інтэлігенцыі. Так, у памяці нашчадкаў і мемуарыстаў засталася наступнае чатырохрадкоўе:

Winko drogi dar est nieba,
Ale bądź mużo ostrożna –
Przy winku milczeńie nie można,
A dzisiaj milczeńie potrzeba!

[цыт. па: 6]

У дачыненні да самых блізкіх людзей Гарэцкі таксама не цураўся выкарыстоўваць сваю здольнасць да трапных экспромтаў. Напрыклад, калі жонка ўпарцілася наконт вырашэння нейкай праблемы, яна атрымоўвала наступнае «прысвячэнне»:

Kiedy się żona upiera na swoim,
Mówcie jej wtenczas mężowie:
«Ty, która jesteś tylko żebrem moim,
chcesz rozkazywać mej głowie».

[цыт. па: 6]

Характэрна, што ў дадзеным выпадку мы маем справу не са злосным сарказмам, а з дабрадушным гумарам. Калі ж гутарка заходзіла пра абарону нацыянальных інтарэсаў, Гарэцкі заставаўся рэзкім і бескампрамісным.

Славіцца яшчэ адзін кароценькі надпіс Антона Гарэцкага, за які паэт ледзь не быў зняволены. На магіле старэйшага камандзіра расійскай арміі замест напісанага раней «Polskie bandyty zabili tego» Гарэцкі змясціў «Ruska świnia zabita, co do polskiego wlaźła żyta» [цыт па: 7].

Такая славесная барацьба цягнулася даволі доўга. Але гэтыя кароценькія і змястоўныя экспромты, напоўненыя сарказмам або гума-

рам і надзелены афарыстычнасцю, праславілі Антона Гарэцкага не толькі ў літаратурных колах грамадства, але і сярод усёй інтэлігенцыі тагачаснай Вільні. Для нас жа яны ажыўляюць асобу паэта і даказваюць, наколькі не зусім сур'ёзны жанр здольны закранаць зусім сур'ёзныя праблемы і стаць вартасным паказальнікам таленавітасці і папулярнасці аўтара.

Літаратура

1. ЦНБ, ф. 23, воп.1, адз. заг. 375, арк. 5.
2. *Ciechanowska Z.* Gorecki Antoni // *Polski Słownik Biograficzny*, t. 8. Wrocław; Krakow; Warszawa; Zakład narodowy imienia Ossolickich: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1959–1960, s. 306–309.
3. Miejska Biblioteka Publiczna we Włocławku, <http://www.biblioteka.wloclawek.pl>.
4. *Morawski S.* Kilka lat młodości mojej w Wilnie. Warszawa, 1959.
5. *Odyniec A. E.* Wspomnienia z przeszłości. Warszawa, 1884.
6. *Orłowska J.* Żołnierz czy poeta? Koleje życia i twórczości Antoniego Goreckiego // *Nasza gazeta*. Wilno, 2001. № 32 (521), <http://www.nasza-gazeta.tripod.com>.
7. *Tarasiewicz I.* Rodzinne gniazdo dwu szlacheckich rodzin // *Nasza gazeta*. Wilno. № 16 (452), <http://www.nasza-gazeta.tripod.com>.

ТЮТОРСТВО

Т. А. Стук

«Qui docit, dicit!»

«Все, что усвоено, в свою очередь должно быть передаваемо другим и для других. Как можно больше спрашивать, спрошенное – усваивать, тому, что усвоил – обучать. Эти три правила дают возможность ученику побеждать учителя». Я. А. Коменский

Тьюторская позиция возникла как сопровождающая и обслуживающая новое, расширенное образовательное пространство традиционной школы. На сегодняшний день тьюторская система работы является полноценной системой поддержки процесса построения индивидуальной образовательной программы учащимися.

В связи с возрастанием интереса к процессу индивидуализации образования в рамках программы модернизации начались переносы тьюторской практики из сектора «школа» в другие сектора образования: в дошкольное, дополнительное и вузовское образование.

Кто же такой тьютор? Тьютор (от лат. «tucrí» – заботиться, защищать, оберегать) – это человек, иницирующий образовательные потребности обучаемого, обычно его сверстник, более успевающий и авторитетный. Он привлекается к организации учебного процесса самостоятельно либо

по просьбе учителя и транслирует опыт в живой коммуникативной обстановке, свободном нерегламентированном общении.

Передача новой информации и опыта осуществляется через их демонстрацию, через вопрошание об изученном, посредством пояснения и других фронтальных и интерактивных методов обучения. При этом основным образцом действительности выступает сам тьютор, использующий модель «делай как я!», чем достигается накопление собственного опыта подопечного, аналогичного тьюторскому.

Истоки тьюторства, или коллективной системы обучения, уходят своими корнями в доисторические времена. Такая технология применялась не в одном государстве и не в одной исторической формации. Понятно, что никогда не удастся установить, было ли употребление принципов совместного овладения материалом в разных точках цивилизованного мира результатом преемственности или принципы коллективного обучения, основанного на сотрудничестве обучаемых, всякий раз открывались заново. Тем не менее, факты возрождения тьюторства мы встречаем в самых разных культурах практически во все времена.

В школах Спарты, например, каждый отрок, прошедший курс обучения, посвящал два года обучению младших. Считалось, что младшие приобретают в лице наставников не только учителя, но главное – надежную защиту, поддержку старшего друга. Сами же наставники оттачивали свои свежеприобретенные знания и способности, давая воспитанникам образцы поступков, суждений, оценок, атлетических и музыкальных совершенств, и сверх того учились социальной, гражданской ответственности за доверенных им будущих воинов. Должностные лица присутствовали на занятиях отроков с детьми, не вмешиваясь, а наблюдая за тем, чтобы старшие пользовались своей властью в разумных пределах.

Принципы спартанской педагогики римляне вложили в пословицу: «Docendo discimus» – «Учатся обучая». Близкое по смыслу высказывание приписывают китайскому философу VI–V вв. до н. э. Конфуцию: «Учитель и ученик растут вместе... Обучение – наполовину учение». Принцип сотрудничества учеников в процессе обучения был одним из четырех Великих принципов конфуцианской педагогики.

Та же система отношений между старшими и младшими учениками культивировалась в средневековой Англии и сохраняется сегодня в привилегированных учебных заведениях, таких как Оксфордский и Кембриджский университеты. К каждомуходящему в школу мальчику прикреплялся помощник, опекун, тьютор – ученик старшего класса. Старший должен был не только помогать младшему в выполнении учебных заданий, по главное – разрешать трудности школьной жизни, всегда

неизбежные при переходе из родительского дома в суровый быт закрытой школы. Из Англии добрая традиция тьюторского обучения перекочевала в другие европейские страны, такие как Франция, Германия, Италия, где прочно укрепились и успешно используется и теперь.

Суммировав все известные европейскому просвещению методы совместного обучения юношества (как известно, воспитанию девочек не придавали такого большого значения), иезуиты создали самые совершенные учебные заведения в Европе XVI–XVIII. В результате были созданы учебно-воспитательные заведения, не имеющие себе равных. Они славились самым лучшим по тем временам светским образованием и воспитанием, максимальным развитием способностей. Стоит отметить, что в содержании обучения принципиальных различий между иезуитскими и прочими школами не было, новаторство заключалось в методике преподавания, которое основывалось на делении учеников во время учебного процесса.

Классы делились на группы, главному в группе мальчики рассказывали урок. Это происходило под наблюдением учителя, назначавшего и сменявшего командиров групп. Ученики в группах не только отчитывались в приобретенных знаниях, но пытались самостоятельно эти знания добывать. Учитель ставил перед группой проблему, ответ на которую мог быть извлечен из текста, подлежащего изучению. Группа обсуждала различные аспекты текста. К тексту ставили вопросы, и критически рассмотренные группой варианты ответов на них составляли начало решения поставленной проблемы. В таких обсуждениях, имевших форму диспута, отбирались наиболее одаренные мальчики. Их организовывали в семинар, где они вольны были обсуждать собственные сочинения, переводы, опыты и просто волнующие их темы. Участие в таких прениях было добровольным и представлялось в виде награды.

Другим делением было деление на пары соревнователей, что является прототипом современного тьюторства. Пары подбирались самым тщательным образом и не были постоянными. Так, каждому мальчику стремились дать товарища, который исправлял и возбуждал бы в нем тягу к совершенствованию в занятиях и поведении. Если товарищ был совершеннее, он служил образцом, если был менее совершенен, необходимость служить ему образцом удерживала мальчика на стезях добродетели. В колледжи, готовившие преподавателей для иезуитских школ, отбирались самые одаренные выпускники этих школ, обнаружившие не только умственное, но и духовное превосходство.

Такая разновозрастная и одновозрастная кооперация учеников, свободный обмен мнениями в детском семинаре, воспитывающий творче-

скую независимость, сформированные на базе иезуитских школ, станут основными принципами при работе современных тьюторов.

Многие из принципов тьюторской системы обучения присвоили весьма популярные методики Белла и Ланкастера, завоевавшие признание педагогов XIX и XX веков.

В сельской малокомплектной школе, где за неимением кадров либо помещений обучается несколько классов одновременно, обучение также ведется с использованием элементов тьюторства. Так, старшие ученики, наиболее усердные или одаренные дети помогают учителю организовать усвоение материала менее способным или младшим.

Своеобразный образец технологии тьюторства был создан в советское время. Воспитательная машина представляла собой череду организаций, вложенных одна в другую: октябрята, пионеры, комсомольцы, партийцы, профсоюзная организация, которые изначально брали человека как члена группы, часть в функциональной структуре.

Тьюторство незаменимо на современном этапе развития педагогических технологий, так как XXI век предъявляет новые требования к образованию: на первый план выходит проблема создания глобального образовательного пространства. Огромный рост объема, быстрая переработка и почти мгновенная передача информации благодаря слиянию информационной и коммуникационной технологий – ключевой аспект глобализации. Поэтому особо значимой проблемой становится критическое переосмысление ролей, прав и ответственности субъектов, вовлеченных в процесс глобализации образования. Учитель и преподаватель вынуждены отказываться от своей традиционной роли «передатчика знаний» и должны становиться, скорее, проектировщиком процесса обучения и его среды, консультантом, тренером, помощником студента, учащегося. Они также должны понимать необходимость иной раз прибегать к помощи своих же подопечных в организации учебного процесса. Тьюторская система, по сути, решает такого рода проблемы в силу своей природы и идейной направленности.

Она оказывает незаменимый положительный эффект как на учащегося, так и на образовательную систему и самого тьютора как ее участника. Для ученика это способ самостоятельно добывать знания, самостоятельной их оценки в соответствии с проделанной работой, возможность изменить или дополнить, углубить свои знания. Это так же избавление от нерешительности проявить свою креативность, самостоятельность, заинтересованность в обучении, воспользоваться своей творческой свободой. Такое отношение напрямую связано с задачами гуманитаризации образования: научить человека (подростка, юношу) использовать себя в связи

со своими целями и образом будущего, видеть себя как потенциал и ресурс [3].

Ведь тьютор, будучи сверстником обучаемого, легче идет на контакт, ему не страшно задать вопрос, так как тьютор и ученик рассматриваются как «единая возрастная и культурная группа, объединенная общими ценностями, идеями, стилем жизни»[1].

Процесс образования от этого становится демократичнее, от дидактически-нормативной системы строится переход к субъективно-субъективному обучению. Сами занятия строятся и протекают интереснее и необычнее, так как тьютор, который является и учеником тоже, лучше знает, какой подход или информация наиболее полно привлекут и задействуют подопечного. Для самого тьютора такой вид деятельности – прекрасный способ усовершенствоваться как педагог, наставник, организатор, руководитель и воспитатель.

Не следует думать, что внедрение тьюторства – это полная альтернатива учителю, это всего лишь существенная поддержка, попытка облегчить, разнообразить и дополнить преподавательский труд и повысить интерес ученика к познавательной деятельности, к достижению лучшего результата. Может возникнуть вопрос, зачем ученику, и так имеющему посредника между источником знания и им самим требуется еще одно вспомогательное лицо. Ответ, возможно, кроется в том, что, как и учитель, тьютор, будучи посредником, призван соотносить культурные образцы, нормы, понятия с типом поведения и ожиданиями отдельного ученика.

Только в отличие от педагога он занимается не предметными задачами и средствами их решения, а заданиями по составлению подопечным планов и программ своей работы (учебной, образовательной), т. е. «организованностью действий в ресурсно-целевом поле, где человеку необходимо определить область и границы своих возможностей»[4]. Возникновение новой педагогической позиции также связано с «желанием выстроить отношения с будущим поколением» в обстановке «дегуманизации образования», потери образованием ценности самоопределения личности. В связи с этим функционал тьютора создавался, прежде всего, под задачу обеспечения пространства «пробы сил» по установлению «соразмерности порядка индивидуальной души с миром вокруг нас, то есть с тем, что заведомо больше человека»[2].

К тому же, задачи тьюторства не сливаются с задачами дополнительного образования (работающего с интересом человека в узкой сфере), или с задачами «интенсивного образования» (развитие мышления, обучение проектированию). Сфера тьюторской работы направлена на построение на материале реальной жизни подопечного (учебной, трудовой)

практики расширения его собственных возможностей, на самоопределение, подключение субъектного отношения к построению собственного продвижения к успеху.

Литература

1. *Генисаретский О. И.* Гуманитарные стратегии и практики // Поколенческий дискурс в практиках самоопределения Томск, 2002. С.12–26.
2. *Ковалёва Т. М., Долгова Л. М.* Концепция школы «Эврика-развитие» как школы индивидуально-ориентированного образования // Управление школой индивидуального образования. Томск, 2002. С.15–19.
3. *Мамардашвили М. К.* Современная европейская философия (XXвек) // Логос: философско-литературный журнал. 1991. № 2. 115. с.
4. *Эльконин Б. Д.* Проба как конструкт образовательной системы // Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление: Материалы 9-ой научно-практ. конф./ Красноярский гос. Ун-т.- Красноярск, 2003. С.5–22.
5. Интернет-адрес: <http://www.russiannationalfund.ru>

МАТЫЎ «ГРУГАНА-ВЕСТУНА» Ў ФАЛЬКЛОРЫ СЕРБАЎ, ЛІТОЎЦАЎ І ЎСХОДНІХ СЛАВЯНАЎ

3. Суслаў

Сапраўды, пэўнае кола агульных матываў і сюжэтаў мажліва напаткаць у фальклоры розных народаў. Іхняму ўзнікненню спрыяе вялікая колькасць размаітых чыннікаў. Як вядома, у літаратуразнаўстве замацаваліся тры галоўныя спосабы параўнання гэтых тоесных з’яваў [7, с. 242]. Першы з іх – *гісторыка-генетычны*, паводле якога падабенства паміж пэўнымі матывамі, сюжэтамі, вобразамі і інш. тлумачыцца агульнасцю іх узнікнення і наступнымі гістарычна абгрунтаванымі разыходжаннемі. Другі – *гісторыка-тыпалагічны* выяўляе агульнасць паміж генетычна не злучанымі фактамі, якую тлумачыць тоеснымі варункамі грамадскага развіцця. Нарэшце, трэці спосаб дазваляе ўсталяваць сусветныя культурныя стасункі, вызначыць так званыя «уплывы» ці «запазычанні».

Зразумела, заўважыць тоеснае ў фальклоры народаў шчыльна злучаных досыць нескладана. Гэта знітавана з шэрагам адпаведных чыннікаў. Па вялікім рахунку, малюнак свету дужа падобна адбіты ў свядомасці рэпрэзэнтантаў блізкіх супольнасцяў. Падабенства звычайна, у пэўнай ступені, спрыяе лацвейшаму пранікненню фактаў адной культуры да іншай. Такім чынам, мажліва гутарыць пра сусветныя фальклорныя ўзаемадзеньні.

Менавіта таму, высветліць, ці нейкі матыў мае ўніверсальны характар, альбо з’яўляецца запазычаным заўжды досыць складана. Перадусім, гэта

датычыць матываў, знітаных з вобразамі, якія валодаюць глыбокай міфалагічнай семантыкай. Так, напрыклад, вельмі распаўсюджаным персанажам у фальклоры шматлікіх народаў свету з'яўляецца крук ці інакш, крумкач або груган. Адпаведна сталым уяўленням, гэтая птушка мае злучанасць з размаітымі сферамі светабудовы: дольным светам, зямлёй, вадой, небам і сонцам [9, с. 245].

Так, у сваім артыкуле, што змешчаны ў Энцыклапедыі міфаў народаў міра, Е. Мелецінскі даводзіць: «Здольнасць пераймаць людскаму маўленню, а, мажліва, працягласць жыцця крука, спрыялі фармаванню ўяўленняў пра яго як пра вестуна» [9, с. 245], і таксама: «У адпаведнасці з дахрысціянскімі, міфалагічнымі уяўленнямі народаў Еўропы, крук мае дакладныя хтанічныя ўласцівасці і ўсведамляецца як спадарожнік непамыслотаў. У шматлікіх аповедах пра змаганні менавіта крумкачы прарочаць смерць герояў» [9, с. 245].

На падставе матэрыялу фальклорных слоўнікаў [3, с. 110; 6, с. 115] магчыма выявіць агульнасць міфалагічных функцыяў крумкача ў народнай творчасці беларусаў і палякаў. Так, груган заўжды сімвалізаваў драпежнасць, нелітасцівасць, асыцыяваўся са смуткам ці наваламі. Паводле сталых уяўленняў птушкі здольныя былі прадбачыць навалы і катастрофы: войны, голад, пошасці, смерць. Вельмі цікавай тут падаецца амбівалентнасць вобразу гругана. Так, у асобных выпадках ён паўстае як змагар за праўду і справядлівасць. Імаверна, тоеснасць семантыкі гэтай птушкі ў фальклоры розных народаў спрыяла ўзнікненню падобных тэм, сюжэтаў і г. д.

Так, мы заўважылі наяўнасць агульнага матыву «*уведвання маладой пра смерць каханага праз дазаванне пярсцёнка*» (у якім фігуруе вобраз крумкача) у баладзе Уладзіслава Сыракомлі «*Kruk*» (у беларускім перакладзе – «*Груган*») і ў сербскай эпічнай песні Косаўскага цыклу «*Smrt majke Jugovića*» («*Смерць маці Югавічаў*»).

Такім чынам, *мэтай* нашай працы будзе спроба высветліць магчымасць генетычнай злучанасці паміж гэтымі з'явамі.

Дасягненне яе падаецца мажлівым праз здзяйсненне наступных *задач*:

- Пошук крыніц з'яўлення матыву ў творы Сыракомлі (разгляд «сербскай» і «літоўскай» версій)
- Агляд польскіх перакладаў літоўскай дайны «*Varnas*» («*Груган*»)
- Пошук тоесных матываў «*уведвання...*» і «*птушкі-вестуна*» у фальклоры іншых славянскіх народаў.

У спадчыне Людвіка Кандратовіча (Уладзіслава Сыракомлі) (1823–1862) вялікая колькасць твораў напісаных паводле народных сюжэтаў. У. Мархель даводзіць, што большасць гэтых вершаў створана менавіта на

беларускім тле, з выкарыстаннем матыву беларускага фальклору [8, с. 95–96]. Ніжэй мы прывядзём беларускі пераклад, ужо згаданай намі балады «*Груган*». Пад час далейшага аналізу, паспрабуем здзейсніць усе захавы, каб высветліць крыніцы паходжання скарыстанага ў творы матыву.

Балада «*Груган*» («*Kruk*») была напісана Уладзіславам Сыракомлем у 1854 годзе. Паэт пазначыў твор як «*Piosnka litewska*».

Спярша можа падацца, нібы гэты факт цалкам скасоўвае праблему вызначэння крыніцы ўжытага ў вершы матыву. Але, насамрэч, сэнс пазнакі досыць цьмяны. Перадусім, трэба памятаць пра дваістасць паняцця «*litewski*». З аднаго боку, у сучасным разуменні, гэта – дакладны адпаведнік беларускаму «*літоўскі*», але ў дыяхранічным плане слова «*litewski*» мае іншае значэнне, а менавіта «*ліцвінскі*», гэта значыць «*беларускі*».

У сваёй кнізе «*Творчасць Уладзіслава Сыракомлі*», У. Мархель зазначае: «Паняцце «Літва» ў 19 стагоддзі асыцыявалася з колішнім Вялікім Княствам Літоўскім... «Літоўскімі» называліся Віленская, Гродзенская і Мінская губерні...» [8, с. 72]

Такім чынам, варта лічыць, што Сыракомлеў «*Груган*» з’яўляецца апрацоўкай беларускай народнай балады. Гэтую выснову мажліва абгрунтаваць, выкарыстоўваючы сцвярджэнні Мархеля, які стала даводзіць пра звернутасць творчасці Сыракомлі да Беларусі. Даследчык зазначае, што твораў, «звязаных з этнаграфічнай Літвой» вельмі няшмат у спадчыне паэта [8, с. 71].

Але, справа ў тым, што гераічны эпас наогул не захаваўся ў народнай творчасці беларусаў, як не захаваўся ён ні ў палякаў, ні ў чэхаў. Насамрэч, не кожны славянскі народ мае ўласны гераічны эпас. Таму, меркаванне наконт беларускага паходжання матыву вельмі няслушнае. У гэтым мы лёгка пераканаліся пад час звароту да зборніку балад, надрукаванага Інстытутам мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сярод твораў паміненага зборніка не было ніводнай балады з вобразам крука, а пагатоў, з азначаным матывам [5].

У гэтых варунках мы мусім або шукаць іншыя славянскія крыніцы з’яўлення матыву, або, пагадзіўшыся з «літоўскай» версіяй шукаць крыніцы балцкія. Перадусім, трэба зазначыць, што вобраз крука выключна распаўсюджаны ў сербскіх і харвацкіх народных песнях. У сваім каталогу, Браніслаў Крстыч, зафіксаваў вялікі шэраг размаітых матываў, злучаных з птушкай [1, с. 151–152]. Сярод іх найбольш характэрным, прынамсі найбольш пашыраным з’яўляецца матыву «*гругана-вестуна*» («*gavran glasonoša*»). Птушка апавядае весткі з бою альбо паведамляе пра чыйсьці скон.

Вылучаны намі ў баладзе У. Сыракомлі матыў «уведвання...» магчыма заўважыць і ў песні Косаўскага цыклу «*Smrt majke Jugovića*» («Смерць маці Югавічаў»).

Меркаванне наконт таго, ці ведаў паэт пра існаванне гэтага твора мае характар гіпатэтычны. Але дакладным з'яўляецца той факт, што ў сярэдзіне 19 стагоддзя сербскія эпічныя песні былі надзвычай папулярнымі ў Еўропе.

На польскую мову перакладаць іх пачаў Казімір Браздзінскі (1791–1835), а пасля да гэтай справы далучыліся і іншыя творцы: Я. Залескі, Р. Зморскі [2, с. 97]. Улічваючы пільную ўвагу Сыракомлі да народнай творчасці, і наогул уласціваю таму часу (эпоха рамантызму) вялікую зацікаўленасць сусветнымі фальклорнымі традыцыямі, мажліва зрабіць здагадку, што паэту былі вядомы памянёныя польскія пераклады.

Але трэба ўсё ж пагадзіцца з тым, што імавернасць балцкага ўзнікнення, скарыстанага ў баладзе Сыракомлі матыву, таксама існуе. Перадусім, культура і звычаі этнічнай Літвы былі больш блізкімі і зразумелымі паэту. Апрача таго, у гэты час у Еўропе пачала ўзрастаць і распаўсюджвацца вядомасць літоўскіх народных песень – дайн.

Неўзабаве іх пачалі перакладаць і ў Польшчы, дзе найвялікшую папулярнасцю набыла дайна «*Varnas*» («*Груган*»). Песня складаецца з трох частак, а першыя радкі яе гучаць так [4, с. 9]:

Atléke jūdas varnas Прыляцеў чорны груган
Atneszè bálta ránką Прынёс белую руку
Ir áuksína ziedéli З пярсцёнкам залатым

Цягам 19 стагоддзя было зроблена шмат перакладаў дайны. Сёння ж сярод меркаванняў польскіх літаратуразнаўцаў пануе думка, што найлепшы з іх быў выкананы Уладзіславам Сыракомлем. Мы не адшукалі жадных сведчанняў на карысць таго, што паэт валодаў літоўскай мовай. Наадварот, У. Вільчынскі зазначае, што Сыракомля напісаў баладу, выкарыстоўваючы літаральны пераклад свайго прыяцеля і дарадцы Язэпа Крашэўскага [4, с. 19].

Зараз, калі мы ведаем крыніцы паходжання матыву, ужытага ў творы, трэба паспрабаваць прасачыць гісторыю яго фармавання ў сербскім і літоўскім фальклоры. У звязку з бракам шчыльнай злучанасці паміж абедзвюма культурамі, мы лічым немаэтазгодным меркаванне наконт мажлівасці ўплыву ці запазычання.

У сваім артыкуле У. Вільчынскі распавядае пра генезіс матыву ў літоўскім фальклоры. Паводле словаў навукоўцы, часам узнікнення дайны варта лічыць **14 стагоддзе**, а найбольш распаўсюджанай яна была на

паўднёвым захадзе Літвы [4, с. 9]. Трэба зазначыць, што менавіта ў гэты ж час у асяродку паўднёвых славянаў узніклі падставы на з'яўленне асноўных матываў і тэм эпічных песень. Такім чынам, калі лічыць, што азначаны намі матывы ўзнік у сербаў і літоўцаў адначасова, трэба меркаваць пра падабенства варункаў грамадскага развіцця абодвух народаў на пэўным этапе. Да таго ж матывы «*птушкі-вестуна*» быў зафіксаваны ў сібірскіх губернях Расіі і прыкарпацкіх раёнах Украіны.

На думку Вільчынскага, гэта з'яўляецца вынікам запазычання [4, с. 9]. Мяркуем, гэтая здагадка ўсё ж не мае рацыі. Сам даследчык зазначае, што ягонае сцвярджанне мае гіпатэтычны характар і згаджаецца з магчымасцю незалежнага ўзнікнення матыву ў фальклору славянаў і літоўцаў [4, с. 11]. Такім чынам, трэба зазначыць, што вылучаны намі ў літоўскай дайне «*Груган*» і сербскай эпічнай песні «*Смерць маці Югавічаў*» агульны матывы «*дазнавання*» не з'яўляецца вынікам запазычання ці ўплыву. Абгрунтаванне гэтаму – наяўнасць яго ў рускім і ўкраінскім фальклору, што сведчыць на карысць шырокай распаўсюджанасці матыву на тэрыторыях амаль не злучаных (Паўднёвы захад Літвы, Балканскі паўвостраў, Карпаты, Сібір) і вынікае з тоеснасці міфалагічных функцыяў гругана ў фальклору розных народаў Еўропы, а таксама з падабенства пэўных гістарычных варункаў развіцця.

ПРИМЕНЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ ФОРМ РАБОТЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ СИНТАКСИСУ И ПУНКТУАЦИИ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Е. Е. Фомина

В последнее время при организации обучения в школе важным становится грамотное и осмысленное введение коллективных форм работы учащихся. Но совместная учебная работа школьников, их обращение за помощью друг к другу, обмен мнениями должны быть эффективными.

В нашей работе мы даем характеристику тому, как можно на уроках изучения синтаксиса и пунктуации сложного предложения провести взаимный диктант и дидактическую игру. Каждый из приемов характеризуется нами по четырем позициям:

1. Место приема в структуре урока (на каком этапе урока лучше проводить данную работу).
2. Условия проведения данного вида работы.
3. Механизм работы (последовательность действий учителя и ученика).
4. Возможные сильные и слабые стороны данного приема.

На уроке обобщения и систематизации по теме «Пунктуация в сложном предложении» предлагаем использовать прием взаимного диктанта

[1, 2]. Для его проведения необходимо заранее, перед уроком, подготовить карточки с текстами либо набором отдельных предложений. Количество карточек может зависеть от количества учеников одного ряда (если идет работа с разными текстами в каждом отдельном ряду, но в данном случае тексты должны быть небольшими), от количества учеников класса, разделенного надвое (если во всем классе идет работа с текстами двух вариантов).

Можно также организовать работу в четверках учеников, тогда подготовить необходимо четыре текста, но при этом каждый ученик из четырех прорабатывает три текста. Учитывая специфику нашего урока, включим в карточки примеры сложносочиненных, сложноподчиненных и бессоюзных сложных предложений.

Традиционное расположение учащихся на уроке (по два человека за партой) не меняется, необходимо только объяснить ученикам, как им дальше нужно будет перемещаться по ряду или в четверках (в зависимости от того, какая форма работы используется). Стоит сразу попросить учащихся диктовать тексты с карточек вполголоса и внятно, чтобы в классе был легкий «рабочий» шум, а не крик.

Итак, в начале урока каждый получает свою карточку и знакомится с ее содержанием. Представим пример работы за одной партой, где сидят две ученицы. Каждая из них получает свой набор предложений. Приведем пример заданий карточки одной из учениц:

1. Погода наладится – будет хороший урожай. 2. До ближайшей деревни оставалось еще верст десять, а большая темно-лиловая туча, взявшаяся бог знает откуда, без малейшего ветра, но быстро подвигалась к нам. 3. Из-за угла послышались громкий смех и плач: дети возвращались из кинотеатра. 4. Если же год урожайный и на гумнах возвышается целый золотой город, а на реке звонко и резко гогочут по утрам гуси, так в деревне и совсем не плохо. 5. На небе все ликует и веселится – на земле все грустит и движется. [4].

Первая ученица начинает диктовать второй текст со своей карточки, в данном случае первое предложение. Каждое предложение диктуется ао частям, по два-три слова. После первого диктуется второе и так далее, пока у второй ученицы в тетради не будут записаны пять предложений. После этого она начинает диктовать предложения своей карточки первой ученице. Девочки поменялись ролями.

Важно помнить: при взаимном диктанте тот, кто диктует, и проверяет продиктованное. Следовательно, на втором этапе (после того, как обе девочки продиктовали предложения своих карточек) они меняются тетра-

дями и сначала без карточек осуществляют проверку. Исправления пока делаются карандашом.

Потом написанное проверяется еще раз, но при этом ученик сверяется с текстом на карточке и исправления (если они еще появляются) делает красной пастой. Девочки меняются тетрадями, разбирают собственные ошибки. В конце работы в этой паре ученицы пишут в тетрадях друг у друга: «Проверила... (имя, фамилия)» (первая делает такую запись в тетради второй, а вторая в тетради первой ученицы). Заключительным этапом является обмен карточками. Первая ученица получает карточку № 2 (предложения которой ею только что были записаны) и остается на месте, а вторая ученица берет карточку № 1 и перемещается на парту назад. В новых парах работа идет по такой же схеме.

При проведении на уроке взаимного диктанта наблюдается ряд закономерностей.

1. После завершения работы в паре идет смещение одного из учеников на парту назад.

2. Даже тот ученик, который не перемещается по классу, работает с разными текстами.

3. Заключительное действие при работе в паре – обмен текстами (срабатывает принцип «Я буду диктовать то, что только что писал»).

4. Работа в каждой паре должна длиться приблизительно одно и то же время, чтобы не возникали проблемы при перемещении учеников.

5. В конце работы у ученика накапливается в тетради несколько текстов. Учитель собирает тетради и еще раз проверяет написанное.

6. Отрицательные стороны данного приема связаны прежде всего с его организацией. В классе может быть шумно при перемещении учащихся. Работа в каждой отдельной паре всегда влияет на работу в другой паре. Если за первой партой ученики уже и продиктовали, и проверили написанное, а за второй еще нет, то первым приходится ждать, а вторым торопиться и работать менее внимательно.

Тем не менее взаимные диктанты дают учащимся полезную возможность выступить в роли учителя, научиться диктовать и работать быстро и ответственно.

На уроках русского языка можно проводить также разного рода игры. Это заинтересует ребят, внесет в занятие элемент соревновательности.

При изучении сложного предложения на уроке можно провести «игру в хоккей» под названием «шайба» [3]. Класс делим на две группы – две команды «хоккеистов» с одинаковым числом игроков. Выбираются капитаны команд, организующие интеллектуальную деятельность учащихся. Роль «арбитра» и комментатора берет на себя учитель. Предположим,

в команде десять игроков. Тогда один из них будет «капитаном», один – «вратарем», пять – «защитниками» и три – «нападающими». Нападающие каждой команды совершают «броски» по воротам: задают вопросы «противнику». Защитники должны «удары отбивать» – отвечать на вопросы. Если защитники сделать этого не могут, им помогает вратарь, но тогда команда получает меньшее количество баллов.

Каким образом оцениваются вопросы и ответы? Команда № 1 получает три балла, если ее нападающий хорошо «сработал» и команда № 2 не смогла ответить на поставленный вопрос. Команда № 2 получает три балла, если ее защитник отбил удар противника и сразу ответил на вопрос. Если защитник обратился за помощью к вратарю, команда № 2 получает два балла. При двух последних вариантах команда № 1 не получает баллов.

Число шайб (вопросов), имеющихся в запасе каждой команды, должно быть одинаковым. Учитель регламентирует ход игры, определяет, сколько времени команда может думать над вопросом. При формировании команд необходимо учитывать интеллектуальные способности учеников: вратарем можно назначить самого сильного ученика, а защитниками пусть будут ученики с более низким уровнем подготовки по предмету. Кроме того, важно, чтобы все участвовали в составлении вопросов и чтобы происходила смена ролей в игре.

Приведем пример фрагмента игры в хоккей по обобщающей теме «Сложное предложение».

Нападающий команды № 1 задает вопрос: «Какие виды придаточных обстоятельственных частей существуют?». Защитник команды № 2 дает ответ: «Существуют обстоятельственные придаточные места, времени, образа действия, цели, причины, уступки». Арбитр присуждает команде № 2 три балла. Теперь нападающий второй команды задает вопрос: «Какие омонимичные союзы и союзные слова существуют?». Предположим, защитник команды № 1 не знает ответа и обращается за помощью к вратарю. Вратарь отвечает: «Существуют омонимичные союзы и союзные слова *что, когда, как*». Учитель засчитывает ответ, но присуждает первой команде два балла. Дальше первая команда задает вопрос: «Назовите вид подчинения между придаточными и главной частями в сложном предложении *Когда занялась заря, стало видно, что погода будет хорошая*». Защитник команды № 2 дает ответ: «В данном предложении параллельное подчинение придаточных частей». Арбитр присуждает команде № 2 три балла. И так далее.

Вопросы к данной игре не должны быть элементарными, даже если вопрос несложный, его нужно перефразировать так, чтобы у противника

возникли затруднения при ответе. Важно, чтобы игра проходила в хорошем темпе и игроки одной команды помогали друг другу с ответом.

Участники команды, набравшей большее количество баллов, получают девятки, а участники второй команды получают восьмерки.

Таким образом, мы охарактеризовали два приема коллективной работы, каждый из которых имеет свои условия организации и проведения. Тем не менее, разные, уже разработанные, формы сотрудничества учащихся не стоит рассматривать как закрытые схемы. Успех коллективной работы учеников на конкретном уроке во многом зависит и от инициативы учителя, от того, насколько вдумчиво и творчески подойдет он к формированию групп, подбору заданий, насколько он будет поощрять общение учеников друг с другом.

Литература

1. *Дьяченко В. К.* Общие формы организации процесса обучения. Красноярск, 1984.
2. *Колеченко А. К.* Энциклопедия педагогических технологий. Материалы для специалиста образовательного учреждения. СПб, 2001.
3. *Кукушин В. С.* Профильные классы в средней школе. Организация и функционирование. Ростов-на-Дону, 2006.
4. *Мурина Л. А., Шуба П. П., Литвинко Ф. М., Пипченко Н. М., Таяновская И. В., Долбик Е. Е.* Культура устной и письменной речи. Экспериментальное учебное пособие для 10 класса учреждений, обеспечивающих получение общего среднего образования, с белорусским и русским языками обучения, с 12-летним сроком обучения. Мн, 2004.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЕКТНЫХ МЕТОДОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

А. Хадасевич

Один из подходов к организации педагогического управления предполагает работу в проектах. Проектные методы обучения включают в себя координированное выполнение взаимосвязанных действий и направлены на достижение целого комплекса взаимных целей, что делает проектную модель работы востребованной для активации внутренних резервов и формирования определенного стиля мышления всех участников.

Метод проектов не является принципиально новым в мировой педагогике. Он возник еще в начале нынешнего столетия в США. Его называли также «методом проблем» и связывался он с идеями гуманистического направления в философии и образовании, разработанными американским философом и педагогом Дж. Дьюи, а также его учеником В. Х. Килпатриком. Дж. Дьюи предлагал строить обучение на активной основе, через целесообразную деятельность ученика, сообразуясь с его личным инте-

ресом именно в этом знании. Идеи проектного обучения возникли в России практически параллельно с разработками американских педагогов.

Под руководством русского педагога С.Т.Шацкого в 1905 году была организована небольшая группа сотрудников, пытавшаяся активно использовать проектные методы в практике преподавания. Одним из известнейших исследователей Проектных методов в обучении в современном русскоязычном образовательном пространстве является профессор д.п.н. Евгения Семеновна Полат.

В основе метода проектов лежит развитие познавательных навыков учащихся, умений самостоятельно конструировать свои знания, умений ориентироваться в информационном пространстве, развитие критического и творческого мышления. Метод проектов – это из области дидактики, частных методик, если он используется в рамках определенного предмета.

В обучении иностранному языку метод проектов стал особенно активно применяться в конце 80-х годов XX века. Наиболее известное ресурсное пособие для преподавателей – D. L. Fried-Booth «Projekt Work» (ООУР, 1986) – в настоящее время готовится к переизданию. В отечественной практике преподавания иностранных языков метод проектов начал активно использоваться с конца 90-х годов прошлого века, и сейчас получает все большее распространение. Особенное внимание в рамках данного метода уделяется сейчас телекоммуникационным проектам.

Проекты, предназначенные для обучения языку, обладают как общими для всех проектов чертами, так и отличительными особенностями, среди которых главными являются следующие:

- использование языка в ситуациях, максимально приближенных к условиям реального общения;
- акцент на самостоятельной работе учащихся (индивидуальной и групповой);
- выбор темы, вызывающей большой интерес для учащихся и непосредственно связанной с условиями, в которых выполняется проект;
- отбор языкового материала, видов заданий и последовательности работы в соответствии с темой и целью проекта;
- наглядное представление результата.

Среди основных видов проектов для обучения иностранному языку английские специалисты в области методики преподавания языков Т. Блур и М. Дж. Сент-Джон различают три вида проектов:

1. Групповой проект, в котором «исследование проводится всей группой, а каждый студент изучает определенный аспект выбранной темы».

2. Мини-исследование, состоящее в проведении «индивидуального социологического опроса с использованием анкетирования и интервью».

3. Проект на основе работы с литературой, подразумевающий «выборочное чтение по интересующей студента теме» и подходящий для индивидуальной работы.

Исследователи считают последний тип самым легким для практического использования и потому самым популярным. Однако описанная ими структура такого проекта показывает, что он предполагает развитие только тех навыков, которые необходимы для работы с литературой: просмотрового и внимательного чтения, умения работать со справочниками и библиотечными каталогами и т. д.

В связи с этим кажется справедливой точка зрения Р. Джордана, который считает, что проект на основе работы с литературой подходит в основном для изучения иностранного языка для специальных целей. В то же время «мини-исследование» и «работу с литературой» можно рассматривать и как разновидности группового проекта, который является наиболее важным для методики преподавания иностранных языков.

В зарубежной методической литературе выделяются **следующие этапы работы над проектами**: *определение темы проекта, определение проблемы и цели проекта, обсуждение структуры проекта, составление примерного плана работы, Презентация необходимого языкового материала и предкоммуникативная тренировка, сбор информации: обращение к уже имеющимся знаниям и жизненному опыту, работа с источниками информации, создание собственной системы хранения информации, работа в группах, регулярные встречи, во время которых учащиеся обсуждают промежуточные результаты, преподаватель комментирует проделанную учащимися работу, корректирует ошибки в употреблении языковых единиц, проводит презентацию и отработку нового материала, анализ собранной информации, координация действий разных групп, подготовка презентации проекта – выставки, видеофильма, радиопередачи, театрального представления, школьного праздника и т.д., демонстрация результатов проекта (кульминационная точка работы над проектом), оценка проекта. Данный этап включает в себя не только контроль усвоения языкового материала и развития речевой и коммуникативной компетенции, который может проводиться в традиционной форме теста, но и общую оценку проекта, которая касается содержания проекта, темы, конечного результата, участия отдельных учащихся в организации проекта, работы учителя и т. д.*

Рассматривая **возможности интеграции проектов в процесс обучения языку**, можно выделить три основных подхода. Проект может:

- использоваться как одна из форм внеаудиторной работы;

Примерами проектов по иностранному языку, использующимися как форма внеаудиторной работы, могут служить всевозможные конкурсы, викторины, участие в мероприятиях, связанных с какими-либо событиями в жизни класса, группы, учебного заведения, города, подготовка творческих вечеров, концертов, выставок, отчетных мероприятий на иностранном языке и т. п. Телекоммуникационные проекты, получающие все большее распространение в практике обучения иностранным языкам, как правило, выполняются во внеаудиторное время.

- служить альтернативным способом организации учебного курса;

Проект как альтернативный способ организации учебного курса исключает традиционные принципы планирования и организации обучения языку. Наиболее яркими и уже классическими примерами таких проектов могут служить проекты «Создание путеводителя по городу для инвалидов» (1986) и «Новое поколение выбирает... (исследование влияния американского образа жизни на привычки молодежи разных стран)».

Курс обучения, в основе которого лежит проектная работа, строится как цепочка проектов, тематически связанных между собой тематически и реализующих принцип преемственности и постепенного усложнения языкового материала.

- интегрироваться в традиционную систему обучения языку.

Проекты, интегрированные в традиционный учебный процесс, предполагают выполнение творческих и / или исследовательских заданий в рамках изучаемого учебного курса. Наиболее типичным является использование мини-проектов как одного из заданий аудиторного занятия или заключительного задания урока учебника. Примерами подобной реализации интеграции проектов в учебный курс могут служить проекты в учебных пособиях по английскому языку «Generation 2000» и «Project English» и пособия по немецкому языку «Hallo, Nachbarn!» Подобные проекты призваны выполнять функцию коммуникативных заданий на трансфер, в которых знания, полученные в процессе изучения раздела или курса, применяются для выполнения учебно-коммуникативных или реально-коммуникативных задач.

Проведение учебного курса или его фрагмента на основе проектной методики (классические проекты) требуют высокой квалификации преподавателя, поскольку для каждого такого проекта необходимо самостоятельно и очень тщательно отобрать необходимый языковой материал и разработать эффективную систему заданий и упражнений.

Проекты, включенные в традиционные курсы, представляют собой наиболее органичный вариант интеграции проектной методики в учеб-

ный процесс, поскольку позволяют использовать материал учебного курса для организации самостоятельной работы учеников.

РОМАН АЛЕССАНДРО БАРИККО «МОРЕ-ОКЕАН» КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ НЕОБАРОККО

В. Ф. Юрлович

Bisogna cercare di capire, lavorando di fantasia, e dimenticare quel che si sa in modo che l'immaginazione possa vagabondare libera, correndo lontana dentro le cose...

A. Baricco [1, с. 14]

Постмодернизм (или необарокко), возникнув как культура визуальная, сосредоточился на моделировании действительности путем экспериментирования с искусственной реальностью, эти принципы работы «со второй действительностью» постепенно «просочились и в другие сферы, захватив на свою орбиту литературу» [2, с. 7].

Цель работы – рассмотреть реализацию синкретизма художественных форм различных видов искусств в романе Алессандро Барикко «Море-океан». Поэтому мы обратимся к традиционным музыкальным формам, а также картине Пабло Пикассо «Герника».

Под «формой» в музыке подразумеваются организация музыкального целого, способы развития музыкального материала и жанровые обозначения, которые авторы дают своим произведениям. Композитор в процессе творчества неизбежно приходит к некоей формальной структуре, своего рода схеме, которая служит ему основой для проявлений творческой фантазии и мастерства. Это же определение можно заметить и к литературе.

Главные композиционные схемы или планы в музыке основаны на трех принципах: повторения, варьирования и контраста – и проявляются через взаимодействие ритма, мелодии, гармонии, тембра и фактуры. Более сложные формы возникают в результате изменения или расширения основных структур. К произведениям, в основе которых лежит принцип непрерывного продолжения (т. н. «бесконечная мелодия», когда нельзя провести четкую границу между разделами) прилагается немецкий термин *durchkomponiert* («основанный на сквозном развитии»).

Именно этот термин можно применить к рассматриваемому в данной работе роману, т. к. повествование перетекает из одной главы в другую, гармонично сплетая множество побочных партий и мелодий. Мы не видим четкой границы между частями, пусть формально произведение и разделено на книги, которые в свою очередь подразделяется на главы.

Роман *Море-океан* состоит из трех книг (Locanda «Almayer»; *Il ventre del mare*; *I canti del ritorno*). Структура романа – триптих с начальным «andante», центральным «tempo tempestoso» и завершением «allegro». Музыкальная форма, наиболее близкая роману, – это симфония, первая часть которой написана в сонатной форме. Произведение многоуровневое и многоплановое, дробиться на множество фрагментов, разрабатываются многочисленные побочные линии. Именно симфония позволяет в одном произведении соединить разные тональности, направления, различные музыкальные формы (в данном случае соната, вариации, каприччо, месса, фантазия, экспромт).

Части симфонии (романа «Море-океан») тесно связываются тематически, и цикл достигает большего единства. Темы подвергаются всевозможным изменениям: контрапунктическая разработка, вычленение фрагментов тем, перемена лада (мажор – минор), ритмические сдвиги, центр тяжести в цикле смещается с первой части на финал. Симфонии свойственны резкие смены темпа, широта динамического диапазона, богатство образности, виртуозность и драматичность, иногда неожиданность появления и многозначность тем. Они полны лиризма, субъективной экспрессии, отличаются богатством тембрового и гармонического колорита.

Сам Барикко объясняет это так: «...*non è stata certo una scelta consapevole quella di costruire una narrazione in forma sonata oppure con tre movimenti come una sinfonia. E' che ci sono dei meccanismi formali della musica che funzionano molto bene...*» [3].

Примечательна третья книга романа, она играет роль своеобразного заключения, и, соответственно, финала этой литературной симфонии. В работе проводится сравнение книги «Морское чрево» и финала Прощальной симфонии Гайдна.

Исполняется это произведение обычно при свечах. Симфония написана таким образом, что во время ее исполнения музыканты, заканчивая свои партии, постепенно уходят со сцены и гасят свечи. Музыка становится все тише. Так до тех пор, пока на сцене не останется одна скрипка. Скрипач завершает симфонию и гасит оставшуюся свечу.

Как музыканты со сцены, со страниц произведения постепенно один за одним уходят все герои и уносят уже погасшие или потушенные свечи. Последним уходит человек из седьмой комнаты. Он оставляет свою свечу гореть. Эта последняя свеча – таверна «Альмайер». «*Camminava veloce, senza voltarsi mai. Così non la vide, la locanda Almayer, staccarsi da terra e disfarsi leggera in mille pezzi, che sembravano vele e salivano nell'aria, scendevano e salivano, volavano, e tutto portavano con se, lontano, anche quella terra e quel mare, e le parole e le storie, tutto, chissà dove,*

nessuno lo sa...» [1, с. 227]. Шел он быстро, не оборачиваясь, поэтому не увидел, как, задрожав, погасло и рассыпалось на тысячу искорок и пламя его свечи.

Роман насквозь пронизан музыкой, является музыкальным по своему звучанию. За каждым словом скрывается нота, за каждым предложением – музыкальная фраза, за многоточием – пауза, за каждым изменением шрифта – изменение громкости (форте или пиано), за парцелляцией – стаккато и синкопированный ритм, за сложной синтаксической конструкцией – легато. В тексте много пустого пространства, используются различные шрифты и размеры, напечатаны слова «стоп», «пауза», «ВСПЫШКА». Сам текст становится своеобразной партитурой. Итальянский литературовед Мария Корти обозначила, что «*le due anime di Baricco, quella musicale e quella letteraria, che convivono sono «come vasi comunicati» per creare un'evasione dalla realtà, “un irreale più reale del reale”»* [4].

Наряду с таким эстетическим феноменом, как музыка, у Барикко присутствует и живопись. В данной работе сравниваются вторая книга романа («Морское чрево») и картина «Герника» Пабло Пикассо.

Пикассо, как и Барикко, страстно обличает темное, звериное в человеке, он срывает все маски. Полотно, как и текст, корежится болью, исходит в гневном крике, который нельзя не услышать, и нельзя, услышав, не содрогнуться. Только Пикассо изображает уничтожение бомбардировщиками города Герника в разгар гражданской войны в Испании; а Барикко – человеческую бойню на плоту в открытом море после кораблекрушения...

Оба автора воспринимают современное бытие как надрыв, критическую черту, шаг за которую равен гибели.

В работе проводится сравнительный анализ образов картины и героев книги. Каждое действующее лицо буквально проваливается в окружающий его со всех сторон ужасный мир. Мы видим процесс разделения, кубистического «распластования» целостных форм человека, разложение его на составные части. Все пространство картины наполнено фрагментами, обломками реальных и фантастических, узнаваемых и деформированных мотивов живой и неживой природы, которые разрушаются, сметенные чудовищным вихрем. «*Corpi dappertutto, pezzi di corpi, volti verdastrì, giallognoli, sangue raggrumato su occhi senza pupille...»* [1, с. 105].

В центре композиции, которая строится как фриз из кубистических элементов, – бегущая женщина, раненая лошадь, погибший воин. Рядом цветы, которые вырастают на могилах мучеников, («*I fantasmi della follia*

fioriscono su quella specie di macello...» [1, с. 105]), взлетают птицы – крылатые души («...*quei due uomini che una mattina hanno spalancato le ali e se ne sono volati via, nel cielo»* [1, с. 120]).

Обрамляют картину фигуры женщин. В изображении плачущей женщины с мертвым ребенком на руках прослеживается параллель с образом Пьеты – богоматери, оплакивающей тело умершего Христа. Жизнь не имеет больше продолжения. У Барикко это мужские образы, моряки. Один оплакивает погибшего 12-летнего юнгу («*Lo raccolgono le braccia di Gilbert – Gilbert che l’amava – e lo stringono – Gilbert che lo amava e adesso lo piange e lo bacia...»* [1, с. 106]), другой – убитую любимую девушку («*E’ quello che mi resta: il peso lieve di Therese, impresso come un’orma indelebile tra le mie mani»* [1, с. 122]).

Другая женщина охвачена пламенем, словно безумием, с воздетыми к небу руками она молит о спасении или мести? Лицо ее искажено. В романе охваченный ужасом моряк кричит: «*Noi ci salveremo, per l’odio che portiamo contro quelli che ci hanno abbandonato...»* [1, с. 104].

Одинокое освещает сцену фонарь, естественный свидетель трагедии. Светящийся абажур с электрической лампой – контраст всему ужасу картины. Свет, исходящий от фонаря, спокоен, равномерен, его задача – лить свои лучи, сквозь тьму. У Барикко эту нагрузку несет море: «*Tutto sparisce e non rimane che lui, davanti a me, addosso a me. Una rivelazione... Il mare. Sembrava uno spettatore, perfino selenzioso, perfino complice. Sembrava cornice, scenario, fondale... Il mare era tutto. Lo vedo ballare intorno a me, sontuoso in una luce di ghiaccio»* [1, с. 108].

Общая тональность произведений ясна и понятна – Апокалипсис. Получается, что в трагедиях и Пикассо, и Барикко увидели нечто большее, чем один из актов варварства, а именно символ гибели, в которую «избранные» ввергают все человечество. Пикассо не воспроизводит события, не строит сюжет; его полотно, не изображая ничего определенного, являет собой некий художественный символ всемирной катастрофы. Это же можно сказать и о книге «Морское чрево».

Эстетика необарокко отстаивает идею автономности искусства, его плюралистически-эклектический характер. Использование А. Барикко разноплановых приемов эстетики постмодернизма: музыкальные традиции, графическое оформление текста, художественность (живописность) образов, игра с пространством, культурными знаками, смыслом и временем – придает его писательской манере неповторимое своеобразие и позволяет судить о синкретизме художественных форм различных видов искусств как в его произведении, так и в литературе необарокко в целом.

Літэратура

1. *Baricco, Alessandro*. Oceano-mare, Milano, BUR La Scala: aprile 2003.
2. *Маньковская Н.Б.* «Париж со змеями» (введение в эстетику п-ма). М. ИФРАН, 1995.
3. *Baricco, Alessandro*. Corriere del Ticino, 16 marzo 1995.
4. *Corti, Maria*. Apocalittici e snob // La Repubblica, 19 aprile 1995.

СПРОБЫ ПЕРАКЛАДУ ПАЭЗІІ ДЖ. ЛЕАПАРДЗІ НА БЕЛАРУСКУЮ МОВУ

А. Яцэвіч

Мы прадставім вашай увазе адзін з даследаваных намі вершаў гэтага паэта. Верш мае назву «A SE STESSO» («Да сябе»). Зазначым яшчэ наступнае: у мінулым годзе мы працавалі з перакладамі гэтага верша, зробленымі такімі выдатнымі паэтамі, як Ахматава, Меражкоўскі, Бальмонт, а таксама рабілі і свой пераклад. Зараз мы вырашылі правесці невялікі эксперымент, бо аналіз мы будзем праводзіць на прыкладзе перакладаў студэнтаў нашага факультэту. Прычым звяртаем вашу ўвагу на тое, што адна дзяўчына з'яўляецца студэнткай беларускай філалогіі і не ведае італьянскай мовы; а перакладаючы верш, яна працавала з падрадкавым перакладам на рускую мову, які мы ёй прапанавалі.

Мы пачнем з азначэння паняцця «пераклад». Як зазначаў вядомы тэарэтык Камісараў: «Пераклад – гэта перадача інфармацыі адной мовы пры дапамозе сродкаў другой мовы, па магчымасці блізкае да арыгіналу». Але трэба падкрэсліць, што пераклад вершаў вельмі адрозніваецца ад перакладу праяічных твораў, бо перакласці верш значна цяжэй, таму што працуючы з ім, перакладчык павінен звяртаць увагу, па-першае, на дакладную перадачу зместу арыгіналу; па-другое: на строфіку, памер і рытміку; па-трэцяе: на лагічны націск, таму што для больш дакладнай перадачы зместу верша неабходна улавіць тыя моманты, вылучыць тыя словы, якім паэт надаваў адмысловае значэнне, на якія ён хацеў звярнуць нашу ўвагу.

Але перш, чым перайсці непасрэдна да перакладаў верша на беларускую мову, прадставім яго вашай увазе ў арыгінале:

Giacomo Leopardi

«A se stesso»

Or poserai per sempre,

Stanco mio cor. Però l'inganno estremo

Ch'eterno io mi credei. Però. Ben sento,

In noi di cari inganni,

Non che la speme, il desiderio è spento.

Posa per sempre. Assai

*Palpitasti. Non val cosa nessuna
 I moti tuoi, né di sospiri è degna
 La terra. Amaro e noia
 La vita, altro mai nulla; e fango è il mondo.
 T'acqueta omai. Dispera
 L'ultima volta. Al gener nostro il fato
 Non donò che il morire. Omai disprezza
 Te, la natura, il brutto
 Poter che, ascoso, a comun danno impera,
 E l'infinita vanità del tutto.*

Гэты верш з'яўляецца элегіяй і быў напісаны ў 1833 годзе ў Фларэнцыі. Складаецца з 16 радкоў, тэма яго – марнасць усяго на свеце. А зараз паглядзім на прадстаўленыя пераклады:

№1: Пераклад Марыі Сяброўскай (4 курс, італ.)

«Да сябе»

*Цяпер ужо назаўжды
 Спыняю сэрца, стомленае сілай
 Падманаў нашых, ад якіх
 Не тое, што надзея, прага сціхла.
 І ты спыніся назаўжды,
 І хопіць рухаў гэтых марных,
 Хістанняў, дыхаў тваіх
 Зямля няварта.
 Бо горкі смутак – усё, што ёсць жыццё,
 А свет ёсць бруд, таму адразу
 Заціхні і пакінь усё –
 Тужыць ўжо за апошнім разам.
 Бо ў рода нашага адзіны лёс,
 Не дадзена другога, як памерці,
 Прырода – пан журбы і слез –
 Усё можа парадзіць і сцерці.*

У гэтым перакладзе захавана колькасць радкоў. Іх 16, як і ў арыгінале. Перакладчык таксама прыклаў усе намаганні, каб захаваць сінтаксічную форму верша Леопардзі (калі мы звернемся да самога верша «A SE STESSO», то убачым, што асноўны прыём у Леопардзі – гэта анжамбеман (альбо перанос). У перакладзе ён захаваўся толькі ў перакладзе, але захавана толькі ў некаторых месцах.

Напрыклад: 1.) «Цяпер ужо назаўжды
 Спыняю сэрца...»

2.) *«Хістанняў, дыхаў тваіх
Зямля няварта.»*

У лексічным плане таксама сустракаюцца некаторыя недакладнасці.

Напрыклад: у Леопардзі: *«...poserai...»*

Stanco mio cor...»

(адпачні, стомленае сэрца маё)

у перакладзе: «я спыняю сэрца»

Як можам бачыць, загадны лад зменены на абвесны. Перакладаючы апошнія радкі верша, перакладчык увогуле вырашыў зрабіць лексічную замену, правёўшы аналогію, і мы бачым ужо наступныя радкі:

«Прырода – пан журбы і слез».

А таксама, калі ў арыгінале гучаць словы пра бясконцую марнасць усяго на свеце: *«E l'infinita vanità del tutto.»*, то ў перакладзе ёсць устаўка: *«прырода... усе можа парадзіць і сцерці.»*

Аднак, улічваючы гэтыя недакладнасці, падкрэслім, што гэты пераклад з'яўляецца дастаткова блізім да тэксту арыгіналу, бо ўвогуле адлюстроўвае паэтыку Джакама Леопардзі і настрой яго часу.

Цяпер прапаную вам звярнуцца да перакладу № 2, які быў зроблены дзяўчынай з беларускай філалогіі:

Пераклад Надзеі Багач (3 курс, бел.)

«Да сябе»

Зараз ты змоўкнеш навекі

Змарнелае сэрца маё. Знік той апошні падман,

Што мроіўся вечным. Знік. Я ў адчуванні,

Што пагасла не толькі надзея,

Але і жаданне прыемных падманаў,

Маўчы, назаўсёды. Хопіць трымцець.

Намаганні твае бессэнсоўныя.

Удыхаў тваіх няварта зямля.

Жыццё ўсё – самота і скруха.

І багна – ўвесь свет.

Хай прыйдзе спакой. І цябе хай напоўняць

Пакуты апошнія. Смерць – наша доля,

Акрамя як памерці не можам нічога.

І я пагарджаю табою, прырода,

І тым, што было таямніцай,

Кіруючы заняпадам,

І марнасцю вечнай усяго.

Значым, што ён вылучаецца лексічнай дакладнасцю і блізкасцю да арыгіналу. Захаваны асноўны прыём – анжамбеман:

1). «Зараз ты змоўкнеш навекі 2). «Знік той апошні падман,
Змарнелае сэрца маё.» Што мроіўся вечным. Знік.»

3). «...Я ў адчуванні, 4). «...І цябе хай напоўняць
Што пагасла не толькі надзея...» Пакуты апошнія.»

На наш погляд, гэты пераклад з'яўляецца найбольш дакладным з усіх прадстаўленых, бо перакладчык здолеў захаваць лексіку (лексічныя недакладнасці адсутнічаюць), захаваны загадны лад: «Хопіць трымцець» («*Assai palpitasti*»), сінтаксічную структуру, лагічныя націскі:

1. «Навекі» – «per sempre»;
2. «Я ў адчуванні – «Ven sento»;
3. «Багна – увесь свет» – «fango è il mondo»;
4. «І марнасцю вечнай усяго» – «E l'infinita vanità del tutto».

А зараз адносна нашага перакладу гэтага верша:

№3: Пераклад Алены Яцэвіч (4 курс, італ.)

«Да сябе»

А зараз – зробім перапынак
Кажу я сэрцу, што стамілася ісці,
І той падман – апошні паядынак
У момант знік, няма яго і не знайсці.
І мне здаецца, што памерла і надзея
У нас с табой ужо няма яе,
Жаданне знікла, пацьмянела,
Няма яго ўжо ў ва мне.
Даволі, хопіць, супакойся
Нішто не вартае твайго біцця,
І на зямлі не знойдзеш больш нічога
Як горыч і пакуты нашага жыцця.
І зноў я да цябе звяртаюся – супакойся
І страціўшы надзею – зразумей,
Што лёсам не наканавана больш чым смерці,
Ты застагні, апошні раз памлей...
І я табой прырода пагарджаю,
І ўрачыстасць ненавіджу я тваю,
Што светам нашым запраўляе,
Бясконцасць мітусні ў ім, усяго.

У нашым перакладзе мы адмовіліся ад таго, каб захаваць асноўны прыём Леопардзі – анжамбеман. Таму сінтаксічная структура зменена. Мы ж вырашылі надаць вершу паэтычнае гучанне, бо ў беларускім і рускім вершаскладанні гэта з'яўляецца вельмі важным момантам, адна-

часова памятаючы і пра неабходнасць дакладна, як мага бліжэй перадаць змест арыгіналу. Такім чынам:

- *Загадны лад захаваны:* «Зробім перапынак», «Супакойся», «Апошні раз памлей».

- *Сінтаксічная структура зменена, ёсць устаўкі:* «І зноў я да цябе звяртаюсь», «І не знайсці», «Апошні паядынак».

- *Лексічны план дастаткова дакладны.*

- *Вершу нададзена паэтычнае гучанне.*

Пасля праведзенага намі даследавання мы зрабілі наступныя вынікі:

пры перакладзе паэтычнага тэксту на іншую мову перакладчык абавязкова змушаны ахвяраваць альбо сінтаксічнай структурай, якая дамінуе ў тэксце арыгіналу, альбо пераносіць лагічны націск на іншыя словы ў сваім перакладзе, часам ён уводзіць нейкія ўстаўкі або выкарыстоўвае лексічныя замены.

А вышэй зроблены намі аналіз яшчэ раз падкрэслівае, што праца з паэтычным тэкстам уяўляе сабой найбольшую складанасць для перакладчыка.

ИССЛЕДОВАНИЕ СВОЙСТВ ПРЕПАРАТОВ УРЕАЗЫ ИЗ СЕМЯН СОИ

Д. В. Кулагин

В настоящее время ферменты, благодаря своим уникальным свойствам, находят широкое применение в различных отраслях промышленности и в лабораторной практике. Высокая селективность ферментов позволяет проводить изящные органические синтезы или определять содержание различных веществ в пробах. Уреаза – фермент, катализирующий гидролиз мочевины, – встречается у многих живых организмов. Прежде всего, она играет важную роль в круговороте азота в естественных условиях. Не менее интересно с практической точки зрения ее участие в протекании некоторых патологических процессов у человека и животных. Кроме того, фермент очень удобно использовать для определения содержания мочевины в различных средах (например, в крови человека). В научной литературе встречаются сведения о создании различных биосенсоров, компактных аналитических устройств для определения содержания веществ, на основе уреазы. Таким образом, препараты уреазы могут найти широкое применение, как для аналитических целей, так и в научных исследованиях.

В ходе работы нами были получены различные препараты уреазы из семян сои и произведена оценка их кинетических параметров, а также определялось содержание фермента в различных частях семени. Данный фермент в бобах сои является достаточно активным. Для получения препарата обезжиренной муки небольшое количество соевых бобов размалывались один-два раза на кофейной мельнице. Полученная мука помещалась в колбу, куда заливалось 40–50 мл петролейного эфира. Содержимое колбы встряхивалось в течение 10–15 мин. После этого осадок отделялся на воронке Бюхнера. Процедура обезжиривания повторялась 2 раза после чего полученный осадок еще два раза промывался 20 мл петролейного эфира. Препарат обезжиренной муки высушивался на воздухе.

В дальнейшем был получен очищенный препарат уреазы. Для его получения применялась следующая методика. Небольшое количество обезжиренной муки из семян сои настаивалось с пяти – десятикратным количеством дистиллированной воды в течение 20 ч, при температуре около 4 °С. Осадок отделялся центрифугированием на 4000-5000 г. Эта методика сходна с описанной в работе [3, с.124].

Для проведения более эффективного экстрагирования фермента было определено относительное содержание фермента в семядолях и семенной

кожуре семян сои посредством раздельного получения препаратов муки из различных частей семени. В различных частях растения ферменты могут содержаться в неодинаковых количествах. Поэтому, хотя известно, что активность уреазы наиболее значительна в семенах сои, была проведена количественная оценка содержания фермента в семядолях и семенной кожуре. Установлено, что ферментативная активность присутствует в образцах обезжиренной муки из семенной кожуры и семядолей, однако удельная активность уреазы в препарате из семядолей в 1,7 раза выше, чем в препарате из семенной кожуры. Учитывая то, что масса семядолей в среднем составляет свыше 90% общей массы семени, в семенной кожуре содержится не более 5% всей ферментативной активности. В дальнейшем экстракция проводилась из муки, полученной из семян без их деления на части из-за трудоемкости этого процесса.

В ходе работы были оценены кинетические характеристики (максимальная скорость (V_{\max}), константа Михаэлиса (K_m), энергия активации ферментативной реакции) препаратов муки и упаренного экстракта. Определение данных величин осуществлялось посредством измерений активности фермента. Установка, использовавшаяся в опытах, состояла из аммонийного электрода, электрода для измерения pH, электрода сравнения, двух иономеров, термостата, автоматического самопишущего потенциометра КСП-4, термометра, термостатируемой ячейки. Для регистрации потенциалов электродов применялись универсальные иономеры ЭВ-74. Применялась термостатированная ячейка. Термостатирование осуществлялось при помощи водяного термостата.

В результате проведенных исследований установлено, что препарат обезжиренной соевой муки обладает достаточно высокой удельной активностью уреазы $\{(1,02 \pm 0,10) \cdot 10^{-7}$ моль $\text{NH}_3 \cdot \text{мг}^{-1} \cdot \text{мин}^{-1}$ при 20°C и концентрации мочевины $5 \cdot 10^{-3}\text{M}\}$ и исключительной стабильностью (сохраняется практически неизменная активность фермента при хранении препарата при комнатной температуре в течение 3 месяцев). Получаемый при экстрагировании препарат уреазы имел относительно низкую удельную активность фермента ($2,19 \cdot 10^{-6}$ моль $\text{NH}_3 \cdot \text{мл}^{-1} \cdot \text{мин}^{-1}$ при 25°C и концентрации мочевины $0,01\text{M}$), поэтому полученный экстракт был подвергнут упариванию с использованием роторного испарителя. В этом случае потеря общей активности к исходному экстракту составила не более 30%, а удельная активность возросла приблизительно в 6 раз ($1,3 \cdot 10^{-5}$ моль $\text{NH}_3 \cdot \text{мл}^{-1} \cdot \text{мин}^{-1}$ при 25°C и концентрации мочевины $0,01\text{M}$).

Для определения кинетических характеристик ферментного препарата на основании полученных данных были использованы различные графиче-

ческие методы их расчета: Лайнуивера-Берка, Эйзенталя и Корниш-Боудена [1, с.45]. При вычислении параметров оказалось, что различия в значениях кинетических констант ферментных препаратов, вычисленных различными способами, в большинстве случаев не превышают 10%.

В таблице, приведенной ниже, представлены кинетические параметры для препаратов фермента, полученных различными способами.

Таблица

Кинетические параметры, характеризующие препараты уреазы, полученные из семян сои различными способами

Препарат	Константа Михаэлиса при 20 °С, М	Максимальная скорость реакции при 20 °С
обезжиренной муки	$(1,6 \pm 0,20) \cdot 10^{-3}$	$(1,33 \pm 0,20) \cdot 10^{-7} \text{ моль } NH_3 \cdot \text{мл}^{-1} \cdot \text{мин}^{-1}$
упаренного экстракта	$(7 \pm 0,50) \cdot 10^{-3}$	$(1,5 \pm 0,20) \cdot 10^{-5} \text{ моль } NH_3 \cdot \text{мл}^{-1} \cdot \text{мин}^{-1}$

Если сравнить значения константы Михаэлиса для очищенного препарата с результатами измерений, полученными ранее для сухого ферментативного препарата, то следует отметить, что их величины заметно различаются. Сопоставление данных позволят говорить о снижении сродства фермента к своему субстрату у препарата упаренного экстракта. Подобное снижение константы, возможно, связано с изменением четвертичной структуры фермента [4, с.125].

Изучение зависимости максимальной скорости ферментативной реакции от температуры показало, что эта зависимость напоминает экспоненциальную, что позволило определить энергию активации. Энергия активации является одним из важнейших термодинамических параметров работы фермента. Ее определение осуществлялось при помощи методики графического определения (график Аррениуса) [1, с.30]. Этот график строится в полулогарифмических координатах (зависимости $\ln V_{\max}$ от обратных значений температуры в градусах Кельвина). При построении графика была получена практически линейная зависимость, что позволило определить энергию активации фермента. Эта величина составляет $E_a = 41,8$ кДж/моль.

В ходе экстрагирования в раствор переходят различные белки с гидрофильными свойствами, поэтому состав таких экстрактов может быть довольно сложным, кроме того в процессе упаривания экстракта может отмечаться модификация структуры этих белков. Для определения качественного состава белков в полученных нами очищенных препаратах был проведен электрофорез последних. Для этого использовался аппарат ПЭФА-1 для вертикального электрофореза в трубках и методика, описанная в паспорте для этого прибора [2, с 17].

Анализировался качественный белковый состав экстракта до и после упаривания. Электрофореграмма для упаренного экстракта показала наличие большего количества белковых фракций, чем для неупаренного. Возможно, это связано с увеличением концентрации белка в процессе упаривания, хотя не исключается и термическое воздействие во время получения препарата. На всех электрофореграммах присутствуют пять четко проявляющихся белковых фракции. Относительные величины их пробега в среднем равны $rf_1=0,14$; $rf_2=0,27$; $rf_3=0,56$; $rf_4=0,85$ и $rf_5=1$.

Предварительный анализ гелевых столбиков, содержавших более концентрированный упаренный экстракт, выявил участок, изменявший рН в присутствии 0,1М раствора мочевины сильнее, чем другие участки геля. При сравнении расположения этого участка с проявленной амидо черным электрофореграммой, удалось отождествить его с полосой белка, относительный пробег которого равен $rf=0,8$. Таким образом, можно предположить, что эта полоса соответствует белковой фракции, содержащей уреазу. Следует отметить, что использованная нами методика оценки ферментативной активности компонентов электрофореграммы достаточно грубая и позволяет выявить лишь компоненты, обладающие высокой ферментативной активностью. Не исключено, что уреазной активностью кроме белка с $rf=0,8$ обладают и другие компоненты экстракта. В литературе имеются сведения, что уреазы из семян сои представлена в основном в виде тетрамера, а в листьях – в виде димера. Вполне вероятно, что в процессе экстрагирования и последующего упаривания в препарате уреазы могут появиться несколько форм фермента.

В дальнейшем в ходе детального изучения свойств отдельных белков будут уточнены локализация и кинетические параметры уреазы.

Литература

1. Корниш-Боуден Э. Основы ферментативной кинетики. М., 1979.
2. Паспорт прибора для электрофореза «ПЭФА-1». 1987, 38с.
3. Филиппович Ю., Егорова Т, Севастьянова Г. Практикум по общей биохимии. М., 1975.
4. С. Hirayama, M. Sugimura, H. Saito, M. Nakamura // *Phytochemistry*. V. 53. 2000. p. 325–330.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ШТАММОВ *ESCHERICHIA COLI* – ПРОДУЦЕНТОВ В-КАРОТИНА

Ю. В. Барай, Д. В. Галиновский

Каротиноиды представляют собой структурно разнообразный класс природных пигментов, выполняющих важные биологические функции, как в растительных, так и в животных клетках [1]. В последнее время ка-

ротиноиды все более широко применяются в пищевой, косметической и фармацевтической промышленности, что требует создания наиболее перспективных штаммов-продуцентов этих соединений [2]. Для решения данной проблемы можно использовать клонирование и экспрессию генов, ответственных за процесс биосинтеза каротиноидов, в различные подходящие для этого микроорганизмы. При этом поиск эффективного вектора представляется весьма актуальной задачей. Известно, что во многих случаях на уровень биосинтеза целевого продукта клетками микроорганизмов, трансформированными соответствующими плазмидами, существенно влияет копияность последних. Так, с одной стороны, было показано, что увеличение копияности плазмиды, несущей гены биосинтеза β -каротина, приводило к увеличению продукции этого пигмента, как в бактериях *E. coli*, так и в *Agrobacterium tumefaciens* [3]. С другой стороны, оказалось, что наилучшая продукция β -каротина в бактериях *E. coli*, обнаруживалась при использовании низкокопийного вектора [4]. Также было показано, что при экспрессии низкокопийной плазмиды в бактериях *E. coli*, продукция ликопина повышалась на 23% по сравнению с *E. coli*, несущими высококопийную плазмиду [5]. В связи с этим, настоящая работа посвящена установлению зависимости между уровнем продукции β -каротина штаммами *E. coli* и копияностью плазмиды, несущей гены *crt* – кластера бактерий *P. agglomerans* 206.

Материалы и методы

В работе использовали плазмиду pUC18-1-31ee, сконструированную на основе вектора pUC18 и несущую гены каротиногенеза бактерий *P. agglomerans* 206. Данная плаزمида обеспечивает синтез каротиноидов бактериями *E. coli* (фенотипическое проявление – желтая окраска колоний). Перенос клонированного фрагмента *crt*-кластера в плазмидные вектора разной копияности (см. таблицу 1) проводили стандартным методом [6]. Плазмиду pUC18-1-31ee обрабатывали ферментом EcoRI с последующим рестрикционным анализом. После чего фрагмент, несущий *crt*-гены, выделяли из геля с использованием колонок GFX PCR DNA and Gel Band purification Kit (Amersham Biosciences). Затем указанный фрагмент лигировали, используя фермент T4 ДНК лигазу, с предварительно выделенными и подвергнутыми действию фермента EcoRI векторами pZH448, pZH449 и pBR322, pHRP308. Полученные конструкции вводили в штаммы *E. coli* DH5 α и *E. coli* XL1-blue путем трансформации. Отбор трансформантов осуществлялся на агаризованной LB-среде с соответствующим антибиотиком (таблица 1).

Таблица 1

Вектора, используемые в работе и их копияности

Плазмида-вектор	Репликон	Антибиотик, использованный в качестве селективирующего фактора	Копийность, копий/кл
pHRP308	pSF1010	гентамицин	1-3 [7]
pZH448	p15A	гентамицин	15-17 [8]
pZH449	p15A	гентамицин	15-17 [8]
pBR322	pMB1	ампициллин	20-25 [7]
pUC18	pMB1	ампициллин	около 300 [7]

Выделение плазмидной ДНК, рестриктицию ДНК, лигирование фрагментов ДНК, электрофоретический анализ ДНК в агарозном геле, трансформацию бактерий проводили по методикам, описанным в руководстве Маниатис Т. и соавт. (1984) [6].

Для количественного определения каротиноидов штаммы *E. coli*, содержащие плазмиды каротиногенности, выращивали в LB бульоне, содержащем антибиотик, детерминанту устойчивости к которому несла соответствующая плазмида (таблица 1). Экстракцию пигментов из клеток, полученных центрифугированием, проводили смесью метанол-хлороформ (2:1) в течение 40-60 минут [9]. После чего измеряли оптическую плотность раствора при длине волны 461 нм. Параллельно с выделением каротиноидов проводили определение белка по методу Брэдфорда [10], пробы на который предварительно отбирали из той же культуральной жидкости. Продукцию каротиноидов выражали в количестве мкг пигментов на 1 мг общего клеточного белка. Для каждого штамма проводили не менее трех измерений, полученные данные подвергали статистической обработке по Рокицкий П.Ф. (1973) [11].

Результаты и их обсуждение

Crt-кластер штамма *P. agglomerans* 206 состоит из 6 генов (таблица 2 и рисунок 1), организованных в два оперона [1]. Конечным продуктом в указанном штамме является зеаксантин- β -D-диглюкозид [12].

Таблица 2

Гены crt-кластера *P. agglomerans* и их продукты

Ген	Фермент
<i>crtE</i>	геранилгеранилпирофосфат синтаза
<i>crtB</i>	фитоинсинтаза
<i>crtI</i>	фитоиндегидрогеназа
<i>crtY</i>	ликопинциклаза
<i>crtZ</i>	β -каротингидроксилаза
<i>crtX</i>	зеаксантингликозилаза

Поскольку, для нас желаемым конечным продуктом являлся β -каротин, в данной работе мы использовали *crt*-кластер, лишенный гена *crtZ*. В результате трансформации бактерий *E. coli* DH5 α и *E. coli* XL1-blue химерными плазмидами, содержащими фрагмент *crt*-кластера бактерий *P. agglomerans* 206, были получены штаммы (см. таблицу 3), которые формировали на агаризованной LB-среде колонии желтого цвета. Результаты измерения уровня синтеза каротиноидных пигментов у указанных штаммов представлены на рисунке 2.

Рис.1 Организация генов биосинтеза каротиноидов у *P. agglomerans* 206. Показано направление транскрипции генов.

Таблица 3

Штаммы *E. coli*, использованные в данной работе

Штаммы <i>E. coli</i>	Плазмида-вектор
XL-1-blue pJul448; DH5 α pJul448	pZH448
XL-1-blue pJul449; DH5 α pJul449	pZH449
XL1-blue pBR322-1-31ee; DH5 α pBR322-1-31ee	pBR322
XL1-blue pHRP308-1-31ee; DH5 α pHRP308-1-31ee	pHRP308
XL1-blue 1-31ee; DH5 α 1-31ee	pUC18

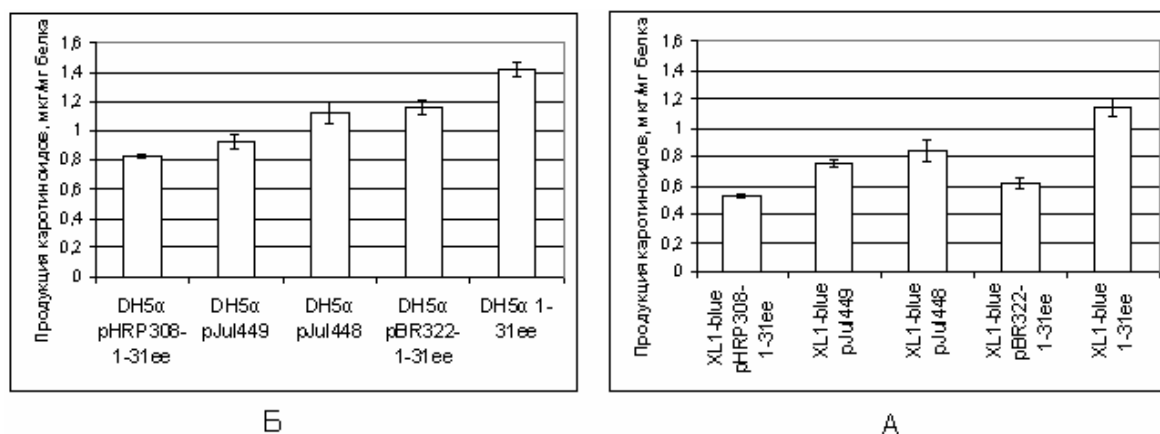

Рис.2 Уровень синтеза каротиноидных пигментов штаммами *E. coli* DH5 α - А и *E. coli* XL1-blue - Б.

Как видно из представленных диаграмм для штаммов *E. coli* DH5 α прослеживается четкая динамика зависимости продукции каротиноидов от копияности каротиногенной плазмиды. Для штаммов *E. coli* XL1-blue также можно отметить имеющуюся динамику зависимости, хотя и не такую выраженную, как это показано для штаммов *E. coli* DH5 α .

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, в целом, продукция каротиноидных пигментов изучаемыми штаммами *E. coli* зависит от копийности плазмиды, несущей гены *crt* – кластера бактерий *P. agglomerans* 206. Однако следует отметить, что при увеличении копийности плазмид в сотни раз, увеличение продуктивности штаммов происходит всего в 1,7-2,2 раза для *E. coli* DH5 α и *E. coli* XL1-blue, соответственно. По-видимому, такую слабую зависимость между продукцией β -каротина и копийностью каротиногенной плазмиды можно объяснить наличием у бактерий *E. coli* лимитирующих факторов – ограниченное количество предшественников изопреноидов, невозможность накопления большого количества каротиноидов в мембранах клетки.

Дополнительно было установлено, что в среднем продукция каротиноидных пигментов штаммами *E. coli* DH5 α в 1,5 раза превышает продукцию штаммами *E. coli* XL1-blue. Основываясь на полученных результатах, необходимо провести дальнейшие исследования с целью изучения экспрессии *crt*-генов в различных штаммах-хозяевах грамотрицательных бактерий, что позволит использовать полученные данные для конструирования высокоэффективных штаммов-продуцентов этих веществ.

Выражаем искреннюю благодарность за ценные замечания и предложения в ходе выполнения экспериментов и написания статьи д. б. н., профессору Евтушенкову А.Н., а также Ph. D. Николайчику Е.А., доценту кафедры молекулярной биологии биологического факультета БГУ и Ph. D Seiichi Yasuda from Department of Microbial Genetics National Institute of Genetics за любезно предоставленные плазмидные вектора, использованные в работе.

Литература

1. *Armstrong G.A.* // *J. Microbiology.* – 1997. – 51:629-59. – pp. 629-659.
2. *Селезнёва Ю.В.* Генетический контроль синтеза каротиноидных пигментов у бактерий *Pantoea agglomerans*: Дис. на соиск. уч. степ. канд. биол. наук: 03.00.26. / Мн., 2006. – 114 с.
3. *Tao L., Jackson R.E., Cheng Q.* // *Metab. Eng.* – 2005. – 7(1) – pp. 10–17.
4. *Kim S.W., Kim J.B., Jung W.H., Kim J.H., Jung J.K.* // *AceBiotech Co Ltd.* – 2006. – 28(12) – pp. 897–904.
5. *Jones K.L., Kim S.W., Keasling J.D.* // *Metab. Eng.* – 2000. – 2(4) – pp. 328-338.
6. *Маниатис Т., Фрич Э., Сэмбрук Дж.* Молекулярное клонирование, М: Мир, 1984, с. 477.
7. *Catalog of the cloning vector collection.* / Department of microbial genetics, National institute of genetics; Compiled and edited by Yasuda S. with the assistance of Tamura S. and Yamamoto M. – Mishima, 2006. – 120 p.
8. *Quandt J. and F. Hynes M.* // *Gene.* – 1993. - № 127. – pp. 15-21.
9. *Hundle B.S., Beyer P., Kleinig H., Englert G., Hearst J.E.* // *Photochemistry and photobiology.* – 1991. – Vol. 54, №1. – pp. 89-93.

10. Досон Р., Элиот Д., Элиот У., Джонс К. Справочник биохимика, М: Мир, 1991, с. 466–477.
11. Рокицкий П.Ф. Биологическая статистика, Минск: Высшая школа, 1973, с. 80–83.
12. Hundle B. S., O'Brien D. A., Alberti M., Beyer P., Hearst J. E. // Biochemistry. – 1992. – Vol. 89. – pp. 9321–9325.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ВОЗБУДИТЕЛЕЙ ГНИЛЕЙ КЛУБНЕЙ КАРТОФЕЛЯ ПРИ ХРАНЕНИИ

Е. И. Карпович, А. В. Богачева

В настоящее время существует опасность широкого распространения возбудителя бурой бактериальной гнили. С 1997 г. *Ralstonia solanacearum* занесена в список карантинных объектов стран-участниц СНГ и стран Балтии. Имеются сообщения о выделении этих бактерий на граничащих с Беларусью территориях (Иванюк и др., 2003). Это позволяет ожидать распространений этого патогена на территории нашей республики.

Основной целью нашей работы являлось выделение и идентификация фитопатогенных бактерий с помощью физиолого-биохимических тестов и молекулярно-биологических методов; обнаружение, выделение чистой культуры возбудителя бурой бактериальной гнили клубней картофеля *Ralstonia solanacearum*, а также описание морфологических, физиолого-биохимических и биологических свойств данного патогена.

Исследование проводилось на 13 образцах картофеля различных сортов (Явор, Скарб, Аксамит, Лазурит, Альтаир, Сантэ), имеющих характерные для бурой гнили симптомы поражения клубней, находящихся на хранении. Из них были выделены чистые культуры 103 штаммов микроорганизмов.

Первоначальная диагностика изолированных бактерий заключалась в изучении морфологии, грампринадлежности и подвижности клеток. В итоге для дальнейшего исследования было оставлено 24 штамма, которые морфологически наиболее сходны с коллекционными штаммами *Ralstonia solanacearum*: грамотрицательные мелкие, короткие, толстые, подвижные палочковидные бактерии.

По основным физиолого-биохимическим тестам часть выделенных штаммов совпадают с использованными в исследованиях коллекционными штаммами *Ralstonia solanacearum*, однако наблюдаются различия по ряду признаков как с типовыми штаммами бактерий, так и исследуемых штаммов между собой. По результатам физиолого-биохимических тестов штаммы были поделены на группы (Таблица 1).

Группы штаммов бактерий, выделенных из пораженных клубней картофеля

группа	№ штамма	Название группы
А	25, 44, 50	<i>Erwinia carotovora</i>
В	32	По физиолого-биохимическим свойствам сходны с <i>Erwinia</i> , не секретируют пектатлиаз, целлюлаз и протеаз, но вызывают мацерацию тканей клубней
С	33	
Д	36	По физиолого-биохимическим свойствам близок к <i>Ralstonia solanacearum</i> , но имеет некоторые отличия. Наблюдается выделение характерного коричневого водорастворимого пигмента
Е	51, 55, 60, 93	Сходны по физиолого-биохимическим свойствам с <i>Erwinia</i> , но не являются вирулентными для клубней и стеблей, не выделяет экзоферменты
F	61	<i>Erwinia chrysanthemi</i>
G	70	По физиолого-биохимическим свойствам сходны с <i>Ralstonia solanacearum</i> , но имеют некоторые отличия, не являются вирулентными для стеблей и не вызывают мацерацию тканей клубней
Н	84	
И	85	
К	91, 94, 96, 99	По физиолого-биохимическим свойствам наиболее близки к <i>Ralstonia solanacearum</i> , но имеют некоторые отличия
Л	87, 92, 95, 97, 98, 100	

Проверку вирулентности штаммов производили на клубнях картофеля сорта скарб и 4-х недельных стеблях картофеля того же сорта. По результатам этого эксперимента штаммы группы А являются *Erwinia carotovora*. Также были определены группы, штаммы которых совпадают по основным физиолого-биохимическим тестам с использованными в исследованиях коллекционными *Ralstonia solanacearum*, однако наблюдаются некоторые различия.

Дальнейшим этапом изучения *Ralstonia solanacearum* были молекулярно-биологические методы исследования. Основной задачей было разработка быстрого и надежного метода молекулярной идентификации фитопатогенных бактерий *R. solanacearum*, основанного на ПЦР (полимеразная цепная реакция) с последующим RFLP-анализом амплифицированных фрагментов ДНК. Для этого штаммы бактерий выращивали в рыбном бульоне при 28°C. Бактериальную хромосомную ДНК выделяли стандартным методом с использованием гексадецилтриметиламмонийбромида (СТАВ) (Ausubel et al., 1993). Амплификацию осуществляли в смеси стандартного состава (Ausubel et al., 1993) с Taq-полимеразой производства Sigma; температура отжига праймеров варьировала от 45 до 60°C в зависимости от матрицы и праймеров (Таблица 2), а время элонгации от 30 до 90 секунд.

Таблица 2

Последовательности используемых олигонуклеотидов

Название	Нуклеотидная последовательность 5'-3'
RS11	5' GCAGCGGGGGTAGCTTGCTACCT 3'
RS12	5' TACCGTCATCCACACCAGGTATTAACC 3'
RS21	5' CATTGCTGGATCAGGGTTG 3'
RS22	5' CGAGTGGCGAACGGGTGA 3'
8f	5' AGAGTTTGATGMTGGCTCAG 3'
1492R	5' TACGGHTACCTTGTTACGACTT 3'

Экспериментально было установлено, что наибольший выход продуктов амплификации с парой праймеров RS11-RS12 наблюдается при температуре отжига праймеров плюс 60°C; с парой праймеров RS21-RS22 при температуре отжига праймеров плюс 55°C; с парой праймеров 8f – 1492R при температуре отжига праймеров плюс 54°C.

Ожидаемые размеры фрагментов при рестрикции различными эндонуклеазами участка 16S рДНК *Ralstonia solanacearum*, амплифицируемого при помощи праймеров RS21-RS22 представлены ниже в таблице 3 и на рисунке 1.

Таблица 3

Результаты рестрикции амплифицированных фрагментов при помощи праймеров RS21-RS22

Рестрикционная эндонуклеаза	Сайт узнавания	Размеры фрагментов, п.н.
Bcu I	ACTAGT	56, 245
Eco147 I	AGGCCT	115, 186
TasI	AATT	266, 35

Таким образом, нам удалось специфически амплифицировать участок 16S рДНК коллекционных штаммов *R. solanacearum*. Используемые наборы рестриктаз позволяют в дальнейшем при проведении рестрикционного анализа легко и быстро идентифицировать *R. solanacearum* по специфичным для нее продуктам рестрикции, что дает возможность применять данный подход при дифференциации указанного фитопатогена.

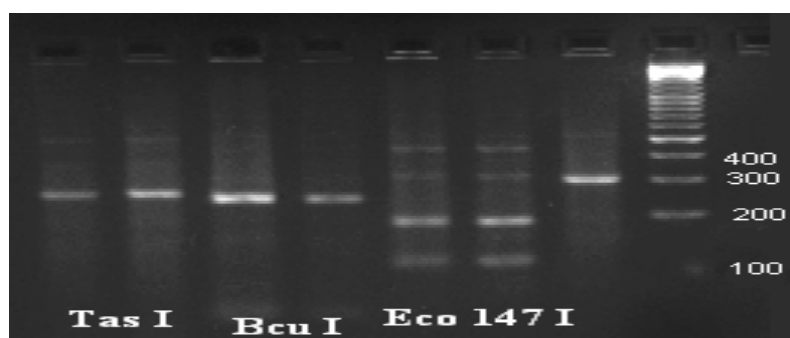

Рис.1 Продукты рестрикции ПЦР-продукта, амплифицируемого при помощи праймеров RS21-RS22

**Результаты рестрикции амплифицированных фрагментов
при помощи праймеров 8f-1492R**

Рестрикционная эндонуклеаза	Сайт узнавания	Размеры фрагментов, п.н.
Rsa I	GTAC	120, 402, 479, 498

Ожидаемые размеры фрагментов при рестрикции различными эндонуклеазами 16S рДНК *Ralstonia solanacearum*, амплифицируемого при помощи праймеров 8f-1492R представлены в таблице 4 и на рисунке 2.

Таким образом, оптимальными параметрами ПЦР при идентификации *Ralstonia solanacearum* являются: для пары праймеров RS11-RS12 температура отжига 60°C, время элонгации 30 сек, количество циклов 35; для пары праймеров RS21-RS22 температура отжига 53°C, время элонгации 30 сек, количество циклов 35. Выделенные в Беларуси близкие к *Ralstonia solanacearum* возбудители бурой гнили картофеля по рестрикционным профилям гена 16S рРНК разделяются на три группы: группа I – штамм 36, группа II – штамм 70, группа III - штаммы 84, 85, 91, 94, 96, 99, 87, 92, 95, 97, 98, 100. Выделенные нами штаммы по гену 16S рРНК не являются идентичными коллекционным штаммам *Ralstonia solanacearum* В 316 NCPPВ 909 и В 317 NCPPВ 4160. Таким образом, можно предположить, что *R. solanacearum* среди выделенных нами штаммов либо нет, либо, возможно, в Беларуси выделяется раса, которая отличается от описанных в литературе.

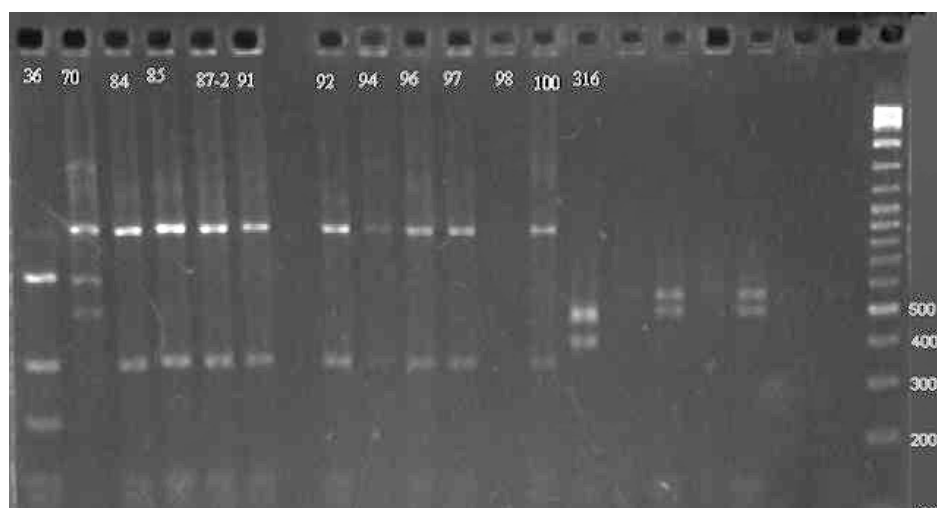

Рис.2 Продукты рестрикции ПЦР-продукта, амплифицируемого при помощи праймеров 8f-1492R

Литература:

1. *Иванюк В.Г., Банадысев С.А., Журомский Г.К.* Защита картофеля от болезней, вредителей и сорняков. – Мн.: РУП «Белорусский НИИ картофелеводства», 2003. – 550с.
2. *Ausubel F.A., Brent R., Kingston R.E., Moore D.D., Seidman J.G., Smith J.A., Struhl K.* Current protocols in molecular biology // Canada: John Wiley & Sons LTD, 1993. – 2 Vols.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Алексеевко О. А. Политика первого правительства Г. Шредера в ФРГ по реформированию рынка труда	3
Ашэйчык В. У. Вывучэнне жылых аб'ектаў на паселішчах каменнага веку на тэрыторыі Беларусі	6
Бандаровіч П. Ю. Аналіз сучаснага стану музеяў ВНУ г. Мінска	10
Божко Т. П. Система сокращений киевской псалтири 1397 года.....	14
Бароўская В. М. Рабаванне мясцовага насельніцтва падчас польскай акупацыі 1919–1920 гадоў	17
Буцін Д. С. Падскарбі земскі Вялікага Княства Літоўскага ў XV–XVI стст.: дзейнасць і эвалюцыя ўрада	20
Голета О. А. Восприятие учебного материала в электронном изложении сквозь призму индивидуально-психологических характеристик личности	24
Данилевич Д. С. Взаимодействие партизанских формирований с регулярными частями красной армии в начальный период войны	28
Іваноў А. А. Абоз войска ВКЛ у XV–XVI ст.ст.	31
Карбалевіч Н. М. Узаемаадносінны ў асяродку сялянскай абшчыны на беларускіх землях	35
Кліз Г. С. Канцэлярыя губернатара як орган дзяржаўнага кіравання на тэрыторыі Беларусі ў 30–50 гг. XIX ст.	40
Лойка А. П. Рэгіянальныя асаблівасці феадальнай рэнты на Беларусі ў другой палове XVI – XVII стст.	44
Максимчик А. Н. Поливариантность интерпретаций исторических особенностей формирования российского государства как парадигма современной национальной историографии (на примере северного Кавказа) .	48
Марціновіч Д. А. Журналісцкая дзейнасць В. Кнорына ў 1917–1920 гг.	52
Миксюк А. С. Авестийское жречество и проблемы его понимания.....	55
Мірановіч Т. Ул. Кватэрнае пытанне Менска ў 20-я гг. XX ст.	58
Рагойша А. А. Пытанне аб сутнасці і аб'ёме адзінаўладдзя першага рымскага прынцэпса.....	62
Романова Е. И. Женский городской костюм в эпоху Александра I.....	66
Ругаль А. В. Социально-бытовые условия жизни студентов Белорусского государственного университета в 1920-е годы.....	70
Скубилов Д. В. Гражданский долг или политическое право	73
Сорокин С. А. Деятельность международной комиссии экспертов в Катynie (28–30 апреля 1943 г.)	78
Сысой В. Л. Павликианство в Византии	82
Тыванчук Н. В. «Минские врачебные известия» друкаваны орган таварыства мінскіх ўрачоў.....	86
Фёдараў У. В. Рэлігійная палітыка вялікага князя літоўскага Альгерда (1345–1377).....	89
Черник О. И. Информационные технологии в государственном управлении республики Беларусь: состояние и перспективы развития	93
Чыжык І. В. Метадалагічныя падыходы да даследвання пытання падарожжаў жыхароў ВКЛ і Рэчы Паспалітай у XVI–XVIII стст.....	97

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Головко П. И. Оценка экологического состояния рекреационных территорий Брестской области.....	100
Коробкин А. С. Опыт создания карт природоохранной тематики с помощью ГИС	103
Давидович Н. В. К вопросу о методологии экономико-географического изучения этнической структуры населения.....	106
Данченко С. А. Экологическое состояние реки Свислочь и парковых водоёмов г. Минска	109
Рускевич И. В. Региональные различия иммиграционной политики в высокоразвитых странах мира	113
Серебрякова В. С. Условия и факторы размещения целлюлозно-бумажной промышленности: теоретический аспект.....	117

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Стриха А. А. Интернет в системе маркетинговых коммуникаций предприятия	121
Бурсевич В. В. Диалог в семиотической модели культуры Ю. М. Лотмана....	126
Воловикова В. В. Особенности эмоционального и поведенческого реагирования на ситуацию фрустрации у студентов с различными репрезентациями агрессии.....	129
Зимноха Е. В. Взаимосвязь образа тела и самооценки у студентов.....	133
Кандричина И. Н. Общественное мнение в трансформирующемся социуме.....	135

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Бондарик Е. А. Когда и почему люди на вопрос отвечают вопросом.....	140
Демеш О. Н. Лингвостилистическая природа образных сравнений в художественной речи (Ф. Мориак «клубок змей», Ж. Ануй «Путешественник без багажа», Г. Аполлинер «Алкоголи»).....	143
Корбут Г. С. Внутреннее состояние персонажа-жертвы и его языковое отражение в рассказе Н. Н. Берберовой «Аккомпаниаторша»	146
Круглинская М. С. Языковая картина мира в новелле Ги Де Мопассана «Старуха Соваж»	151
Микулинская Н. С. Женские архетипы в романе Мюриэл Спарк «Мисс Джин бродит в расцвете лет»	155
Михалкина Т. А. «Я» и «Мы» в Восточнославянских культурах и языках (на материале Белорусского языка)	159
Міхальчук Г. М. Спасціжэнне нацыянальнага міфа: шлях Палямона да Літвы	162
Мозговой С. В. Влияние процесса глобализации на развитие немецкого языка	166
Мягчыла І. С. Промыславая лексіка ў слоўніку і. І. Насовіча	171
Паплёўка І. Чалавек ва ўмовах катаклізмаў (на матэрыяле творчасці Яраміра Нагавіцы)	176

Пыж А. Я. Менталітэт беларусаў і англічан праз прызму парэміялогіі.....	179
Сергейчик Ю. О. Категория парадокса и анализ драматургического текста..	183
Серэхан Г. І. Афарыстычныя асціпы «Смаргонскага індара».....	187
Стук Т. А. Тьюторство	191
Суслаў З. Матыў «Гругана-Вестуна» ў фальклору сербаў, літоўцаў і ўсходніх славянаў.....	196
Фомина Е. Е. Применение коллективных форм работы при обучении синтаксису и пунктуации сложного предложения.....	200
Хадасевич А. Применение проектных методов в преподавании иностранного языка.....	204
Юрлович В. Ф. Роман Алессандро Барикко «Море-океан» как произведение необарокко	208
Яцэвіч А. Спробы перакладу паэзіі Дж. Леопардзі на беларускую мову.....	212

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кулагин Д. В. Исследование свойств препаратов уреазы из семян сои	217
Барай Ю. В. , Галиновский Д. В. Конструирование штаммов <i>Escherichia coli</i> – продуцентов β-каротина	220
Карпович Е.И., Богачева А.В. Идентификация возбудителей гнилей клубней картофеля при хранении	225

Научное издание

**СБОРНИК РАБОТ
64-Й НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ
БЕЛГОСУНИВЕРСИТЕТА**

Минск, 15 – 18 мая 2007 г.

В трех частях

Часть 3

В авторском издании

Ответственный за выпуск *А. Г. Захаров*

Компьютерная верстка *А. В. Матюшко, Е. Ф. Дубовик, С. Г. Берлинская*

Налоговая льгота – Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОК РБ 007-98, ч.3; 22.11.20.400.

Оригинал-макет подготовлен Отделом НИРС Управления подготовки кадров высшей
квалификации Главного управления науки Белгосуниверситета

Подписано в печать. Формат 60[±]84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 17,78. Уч.-изд. л. 19,09. Тираж

Белорусский государственный университет
Лицензия ЛВ № 315 от 14.07.98.
220050, Минск, пр. Ф. Скорины, 4.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр БГУ».
Лицензия ЛП № 461 от 14.08.01.
220030, Минск, ул. Красноармейская, 6.